
LE MESSAGER

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

198

Париж – Нью-Йорк – Москва

№ 198

1 – 2011

Ответственный редактор

НИКИТА СТРУВЕ

Секретарь редакции

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА

Редакционная коллегия:

прот. НИКОЛАЙ ОЗОЛИН, Н. СТРУВЕ,
Т. ВИКТОРОВА, Д. СТРУВЕ (Франция),

О. РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ (США), Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ (Канада),
Е. БАРАБАНОВ, Е. ДОРМАН, Ю. КУБЛАНовСКИЙ,
Б. ЛЮБИМОВ, Е. МАЙДАНОВИЧ, В. НИКИТИН,
О. СЕДАКОВА (Россия), К. СИГОВ (Украина)

Письмо митрополита Волоколамского Илариона Никите Алексеевичу Струве

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ОТДЕЛ ВНЕШНИХ
ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ
115191 Москва, Даниловский вал, 22
Данилов монастырь, ОВЦС
Телефон: (495) 954-04-54
Телефакс: (495) 633-72-81

MOSCOW PATRIARCHATE
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
HOLY SYNOD

DEPARTMENT FOR EXTERNAL
CHURCH RELATIONS
Danilov Monastery
22, Danilovsky Val, Moscow 115191
Phone: (495) 954-04-54
Fax: (495) 633-72-81

№ 1787

№ 188..... 2010 г.

Ответственному редактору Вестника
Русского христианского движения
Н.А.Струве

Уважаемый Никита Алексеевич!

Издаваемый Вами «Вестник Р(С)ХД» имеет богатую историю, являясь старейшим русским православным журналом нашего времени. В советскую эпоху он был одним из редких информационных ресурсов, которым удавалось освещать жизнь Русской Церкви в Отечестве и рассеянной и продолжать традиции русского богословия и церковного сознания, унаследованного от старой России.

К сожалению, в последнее время Вестник стал заметно утрачивать свои положительные качества, особенно, в освещении деятельности Московского Патриархата за рубежом. Так, начиная с 2005 года в ряде номеров (189, 190 и 191) опубликованы материалы, содержащие необоснованную критику Московской Патриархии в целом и Отдела внешних церковных связей в частности. Наконец, в передовицах № 196 Вестника, а также в № 149 журнала «Le Messager Orthodoxe», авторы позволили себе клеветнические выпады против Патриархии, огульно обвинив ее в захватнических действиях – через посредство Российского государства – в отношении собора в Ницце. Священноначалию Русской Церкви приписываются несовместимые, на мой взгляд, тенденции: с одной стороны, авторитарный спекулятивизм (№ 189, с. 5) и, с другой стороны, чуть ли не слияние с нынешним Российской государством (№ 196, с. 3 и 5).

В связи с этим, не могу не выразить моего огорчения, что такой уважаемый честный орган вместо созидания встал на путь конфронтации. Не считаю также более возможным и полезным мое членство в редакционной коллегии Вестника.

Вместе с тем не перестаю надеяться на то, что единая для всех нас Мать – Русская Православная Церковь – перестанет быть предметом нападок со стороны отдельных лиц и организаций в Западной Европе и что все данные нам Богом таланты будут направлены на воплощение Евангельского идеала любви и единства во Христе.

С уважением,

Председатель
Отдела внешних церковных связей
Московского Патриархата
митрополит Волоколамский

+ Иларион

Ответ Н.А. Струве митрополиту Волоколамскому Илариону

Ваше Высокопреосвященство,

Я понимаю, что Вы пожелали выйти из редакционной коллегии «Вестника», так как не могли сочувствовать критике, высказанной на наших страницах в связи с внешней политикой, которую ведет Московская Патриархия. Благодарю Вас за то, что Вы в свое время решили подкрепить журнал своим именем. Однако никак не могу согласиться с Вашим наветом, что в «Вестнике РХД» содержатся *клеветнические выпады* против Московской Патриархии. Клевета – это ложь, а ни одного лживого утверждения в «Вестнике» не было. Критика, высказанная в журнале, основана на реальных действиях как в России, так главным образом на Западе, в частности направленных против Архиепископии Западной Европы (попытка захвата церкви в Биаррице, захват явочным порядком прихода в Монжероне, желание завладеть собором в Ницце и т.д.).

Клевета исходит от тех, кто поддерживает эту политику захвата, в частности от В. Лупана, редактора «Русской мысли». И никто в Московской Патриархии не счел нужным Лупана оstellenить... Наоборот, он был удостоен войти в патриарший Совет по культуре!

Авторитарный клерикализм, в чем в самой России многие достойные клирики и миряне упрекают Патриархию, несовместим, по Вашему мнению, с желанием иметь тесные отношения с гражданской властью: мне же кажется, наоборот, что и та, и другая тенденция сходятся в том, что отражают некоторое искушение властью: самим быть сильными и опираться на сильных. Святейший патриарх Кирилл заявил, что Церковь не призвана критиковать государство, разве что тишайшим образом... Тут была бы желательна серьезная дискуссия по существу.

Приписывать без всяких доказательств критическим замечаниям ложь и клевету – опаснейший путь, который может привести к отрицанию свободы мнения. И священноначалие (понятие мало православное) нуждается в критике, ибо оно не

только не обладает «непогрешимостью», но, как и все смертные, может ошибаться.

И еще хочется сказать: не «Вестник», не наша Архиепископия встали на путь конфронтации. До середины – конца 1990-х годов у нас были мирные отношения с Московской Патриархией (как и подобает между Церквами), и мир этот не нами был нарушен (его нарушили создание в Стокгольме прихода Московской Патриархии без согласования с архиепископом Сергием, что его очень опечалило, и переход римского прихода под Москву). Мы бы приветствовали возврат к мирным отношениям, но для этого необходимо, чтобы было прекращено давление на нашу Архиепископию. Архиепископия призвана свидетельствовать о богословском и церковном наследии русской эмиграции в духе дарованной ей свободы и работать на созидание поместной западной Православной Церкви по заветам патриарха Тихона и Собора 1917 года. Этим же целям служит и «Вестник», вот уже более восьмидесяти лет. Смеем надеяться, что Вы поймете наше направление, свободное от всякого национального и государственного приражения.

БОГОСЛОВИЕ и ФИЛОСОФИЯ

Священник Антоний ЛАКИРЕВ

«Забывая заднее и простираясь вперед...»

Литургическая эволюция на рубеже тысячелетий*

Я хотел бы поделиться сегодня с вами наблюдением, которое лично мне представляется вдохновляющим. Наблюдение, я надеюсь, достаточно очевидное, хотя, может быть, кто-то со мной будет спорить. Многие хорошо помнят проходившие лет двадцать – двадцать пять назад дискуссии о грядущей когда-нибудь (тогда казалось, что это будет когда-нибудь) литургической реформе, о том, как она страшно необходима и как без нее невозможно жить или, наоборот, как она может оказаться губительной и до какой степени вредными могут быть ее последствия. Всерьез говоря, конечно, подобные дискуссии происходят отнюдь не двадцать пять лет, а значительно дольше – я думаю, что лет полтораста по

* Доклад на международном семинаре «Богословие радости в свете наследия прот. Александра Шмемана», Москва, 25 ноября 2010 г.

меньшей мере. Если мы вспомним, скажем, столетней давности ответы епархиальных архиереев на анкету перед поместным собором, то уже там разговор об этом идет в полную силу. Похоже, что реальное влияние подобного рода дискуссий и взаимнoperпендикулярных мнений на литургическую жизнь Церкви крайне невелико – впрочем, может, это и к лучшему.

На самом деле радикальные изменения в нашей литургической жизни давным-давно произошли. Перефразируя одного малосимпатичного персонажа, можно сказать, что литургическая реформа, о необходимости которой так долго говорили все кому не лень, давным-давно совершилась явочным порядком. Это большая милость Божья к нам, потому что если бы любые изменения происходили путем тех или иных официальных целенаправленных усилий, то последствия были бы очень печальными: в таком деле не обошлось бы без расколов, взаимной ненависти, обличений и т.д. и т.п. А так наша богослужебная жизнь сегодня очень радикально отличается от того, что было двадцать–тридцать лет назад, но без больших потрясений. И в центре этой произошедшей реформы, о которой мы уже можем думать как о факте истории, – возвращение совершенно уникального, абсолютно исключительного места Таинства Евхаристии в нашей жизни. Я бы даже сказал, что речь идет не только о возвращении к некой древней церковной норме, отчасти гипотетической, – в том, как именно изменилась наша евхаристическая жизнь, есть некоторые новые вещи, *rerum novarum*.

Знаменательно (потому что это характеризует время, в котором мы живем), в частности, что прекратилась такая вещь, как *disciplina arcana*: необходимость сохранять в тайне от внешних, от непосвященных, от разнообразных критиков и скептиков содержание литургической жизни вообще и Таинство Евхаристии в первую очередь. Сегодня содержание, смысл и образ совершения Таинства Евхаристии перестали быть тайной для кого бы то ни было, потому что существуют книги, существует Интернет, и возможность ознакомиться с содержанием и смыслом этого таинства открыта для каждого. Сегодня необходимость нам самим как можно более определенно знать это содержание и участвовать в Евхаристии по возможности осмысленно и осознанно гораздо

важнее попыток уберечь содержание нашей евхаристической жизни от каких-то нескромных или недоброжелательных взглядов. В конце концов, все глупости, какие можно было о Евхаристии наговорить, за две тысячи лет давным-давно наговорили. Ничего принципиально нового, кроме того, что мы пьем кровь иудейских младенцев или устраиваем фиестовы пиры, как о нас говорили в первом веке, никто уже не скажет.

Очень яркий симптом прекращения *disciplina arcana* – то, что в последние годы появились в значительном количестве печатные издания не только текстов, но и переводов Божественной Литургии. Года два или три назад в книжном магазине Издательского отдела Московской Патриархии я насчитал шесть разных переводов Божественной Литургии – достаточно значительная цифра, причем это были переводы, принадлежащие лицам не одиозным, а вполне респектабельным. Само собой разумеется, что эти переводы в большом количестве присутствуют в Интернете. Еще один важный признак изменившегося отношения к *disciplina arcana* – распространение церковного просвещения (от разнообразных воскресных школ до курса основ православной культуры). Ко всему этому можно очень по-разному относиться, тем не менее это реальность нашей жизни, и это замечательно. Совершенно очевидным образом все происходившие четверть века назад дискуссии о тайных или нетайных молитвах, как их надо произносить, вслух или не вслух, вовсе утратили смысл, и окончательную точку во всех этих дискуссиях поставили микрофоны в алтарях, которые появились в самых разных местах, от приходских храмов до кафедральных соборов. Вопрос о том, произносить ли таинственные молитвы Евхаристии вслух или не вслух, при наличии микрофона уже представляется совершенно абстрактным, и сегодня, скорее, молчание в данных обстоятельствах выглядит старомодным.

Кроме того, я думаю, многие из вас согласятся, что радикально изменилось наше отношение к частоте причащения. Очень важно понимать, что это не столько потому, что кто-то кого-то убедил (я вообще подозреваю, что действие Божие в нашей жизни, в нашей истории происходит не путем убеждения одних другими), а скорее потому, что новое поко-

ление христиан просто не знает о противоестественной практике причащения раз в год... Ну и пусть не знают, и слава Богу.

Еще один момент, может быть, спорный, о котором можно мыслить по-разному: приобретение Евхаристией центрального места в нашей жизни оттеняется еще и тем, что все остальное оттесняется далеко на второй план и, может быть, еще дальше. Однажды я спросил одного брата, служащего в другой деревне на другом краю губернии: «А как у тебя происходит всенощная?» Меня интересовало, насколько посещаема эта служба. И собрат сказал: «Ты знаешь, она умерла. Здесь в Москве, — все-таки пятнадцатимиллионный город, — здесь, что бы ни вытворяло духовенство, какой-нибудь народ да набежит, а в нашей стране Замкадии церковный народ голосует ногами, и делает это довольно определенно». Востребованность всего остального, кроме Литургии, в условиях, когда у людей по две-три работы с шестнадцати до восьмидесяти лет их жизни и времени и сил не остается вообще ни на что, вот эта востребованность неевхаристического богослужения резко упала. Многие из нас любят неевхаристическое богослужение, я в том числе; мы можем эту его невостребованность критиковать, обличать, говорить о недостатке рьяности, но я склонен думать, что следует все-таки к этому факту жизни отнести с уважением, он неизбежный, и к нему надо, наверное, примениться и привыкнуть.

И еще одно наблюдение, которое тоже меня в какой-то момент удивило: совершенно неактуальной стала дискуссия по вопросам богослужебного языка, потому что синаксарное богослужение посещается людьми редко, а литургия в целом понятна и так. И за эти двадцать — двадцать пять лет появилось довольно много переводов на русский язык, почти все можно найти в русском переводе, некоторые переводы новые, опубликованы переводы, сделанные в конце XIX — начале XX века, и, тем не менее, они тоже оказываются невостребованными, потому что не до этого. И проблемы церковнославянского языка просто не стало; не то чтобы она оказалась решена тем или иным образом, она перестала быть проблемой. И даже то, что Священное Писание, к сожалению, звучит на церковнославянском языке, — и то уже не так существенно. Когда люди читают Писание, и постоль-

ку, поскольку они его читают, опознать на слух произносимое в данный момент на литургии место из Евангелия – это решаемая проблема. Можно пытаться переводить или не пытаться переводить, но это уже не является ключевой проблемой жизни.

Вот на основании перечисленного я и думаю, что реформа произошла. Она произошла так, что мы ее и не заметили, и поэтому – мирно. Возможно, в этом видна некоторая ирония Бога по отношению к нам: казалось, что необходимо решать определенные проблемы, а Бог действовал по-своему, и слава Богу, и это замечательно. Помимо всего прочего это очень утешительно, потому что свидетельствует, на мой взгляд, о том, что рука Его от нашей жизни не отнята.

Последнее, что мне кажется важным осознавать: чем дальше, тем больше становится мифом идея литургического единства – точнее, она все больше воспринимается как миф, потому что по существу она была мифом, конечно, всегда. Но мы, может быть, больше начинаем понимать, что это не совсем правда, и попытки введения единомыслия на литургическом фронте – это все-таки некоторое совершенно мифотворческое (попросту говоря – бессмысленное) действие. Это важно, потому что дает нам возможность избежать некоторых конфликтов и враждебности среди себя. На мой взгляд, все это весьма воодушевляющие вещи.

Священник ПАВЕЛ АДЕЛЬГЕЙМ

Три условия, необходимые для служения и участия в Божественной Литургии

*Собираясь совершать божественное таинодействие, священник
должен прежде примириться со всеми и не иметь ни на кого обиды.
Сердце хранить от лукавых помыслов, воздержаться с вечера и
трезвиться даже до времени священнодействия.*

Служебник «Чин священная и Божественная Литургии,
бываемый тако в великой церкви и во святой горе».
(Москва, 1893. С. 1.)

Приглашая священника к служению Божественной Литургии, Служебник указывает три условия, необходимые для стяжания душевного мира в служении:

1. Примириться и не иметь ни на кого обид.
 2. Воздержаться с вечера до времени служения.
 3. Хранить целомудренным свое воображение.
- Три непременных требования церковного благочестия.

Первое условие Евхаристии:

Примиление

1. Необходимость примиления

*Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедуем
Святую Троицу, единогущную и нефаздельную.*

Примиление является первым условием любви. Размолвки бывают между любящими друг друга мужем и женой, родителями и детьми. Если они приводят к разрыву, если у обоих опустело сердце, неважно, кто виноват. Причины размолвок редко бывают принципиальными. Чаще мыссоримся по

пустякам. А затем в «свои права» вступает самооправдание, сокрушая любовь.

«Солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4:26). К примирению необходимо спешить, пока не зашло солнце. Если оно видело вашу ссору, пусть увидит примирение. Если конфликт не завершается примирением, мы, как слезы, теряем друг друга. Молитвы перед Причастием призывают: «Хотай, человече, ясти Тело Владычне, первое примирися тя опечалившим» (Правило перед причастием).

2. Психология конфликта

Камнем преткновения становится самолюбие, убежденное в «очевидной правоте». Другой всегда виноват больше, потому что он — «другой». В жертву Молоху самооправдания мы приносим дружбу и любовь. Ссоры уходят корнями в древний конфликт человека с Богом. Согрешив, Адам и Ева услышали голос Бога, ходящего в раю. И скрылся Адам и жена его от Бога между деревьями рая. И позвал Господь: «Адам, где ты?» Он ответил: «Голос Твой я услышал в раю, и скрылся, потому что я наг». И спросил Бог: «Кто сказал тебе, что ты наг? Не ели ты от дерева, с которого Я запретил тебе?» Адам мог бы сказать: «Прости меня; я нарушил заповедь и съел запретный плод». Адам отвечает иначе: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне, и я ел». Признавая поступок, Адам отказывается от ответственности, обвиняя жену и Бога. Бог спросил жену: «Почему ты так сделала?» — «Змей обольстил меня, и я ела» (Быт. 3:9–13). Признавая свой поступок, Ева обвиняет змея. В обоих ответах узнается характерный признак греха: признание факта и отрицание своей вины.

Семейный конфликт возникает из самооправдания. Одна сторона обвиняет: «Ты сделала то, и то, и то». Другая сторона, не отрицая указанных поступков, не признает свою вину и отвечает встречным обвинением: «А ты сделал то, и то, и то». Конфликт заходит в тупик. Выхода нет.

Нужно признать свою вину. Обвинение должно быть принято и оценено. Признание вины устраниет конфликт. «Не уклони сердце мое в словеса лукавства, непещевати вины о грехах» (Пс. 140:4).

Это значит: не допусти меня лукавыми словами отрицать свою вину. Примирение начинается с признания вины. Кто-то должен сделать первый шаг. Другая сторона тоже признаёт свою вину и попросит прощения. Примирением мы возвращаем всех, кого потеряли. Христос призывает нас погасить конфликт примирением: «Мирись с соперником твоим скорее» (Мф. 5:25).

Для примирения необходимы два поступка: попросить прощения и простить.

3. Подвиг покаяния

Раскаяние является защитной реакцией здоровой души и трезвой совести. Сожаление о причиненной обиде защищает от ненависти, овладевающей сердцем. Если обидчик не признает свою вину, его совесть ищет оправдание нераскаянности и порождает «комплекс вины». Лукавая совесть оправдывает себя, проецируя вину на обиженного. Нераскаянность изменяется в обиду и легко находит причины для самооправдания. Признав самого себя обиженным, обидчик позволяет себе гнев, неприязнь, ненависть к обиженному. Обидчик винит его в провокации, недоброжелательстве, тайном умысле. Комплекс вины выстраивает стенку отчуждения. Такова психология вины. Разрушить эту стенку со стороны обидчика может только покаяние. Есть простое средство погасить конфликт. Разумная мать учит свое дитя с первых шагов жизни: признай свою вину и попроси прощения. Увы, эту задачу трудно исполнить.

Почему трудно сказать волшебное слово «прости»? Чтобы признать вину, сказать «прости меня» – приходится смириться. Смирение требует мужества. Это подвиг для сильных духом. Слабый не переступит через себя, через свое самолюбие и не попросит прощения. Для победы над собой не хватает мужества.

4. Подвиг прощения

Обиженность тоже имеет свою психологию. Если тебя обидели, досада обжигает сердце и жаждет мести. Обидчивость

является одной из греховных страстей. Обидой можно упиваться, как вином, до опьянения. Переживая несправедливость, иногда надуманную, обиженный растревляет свою досаду, ищет удовлетворения, придумывает планы мести. Непрощенная обида ожесточает и разъедает душу, как ржавчина. Возникает «комплекс обиды» и выстраивает вторую стенку отчуждения. Между обидчиком и обиженным возникают два средостения, два препятствия к примирению. С одной стороны строит стенку нераскаянная вина. С другой стороны строит стенку неутоленная обида.

Для прощения нужно иметь великую душу, способную вместить и понести чужую вину. «Христос есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Свою... примирив обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем» (Еф. 2:14–16).

Примирение – подвиг. Он называется «великодушием». Простить – значит пойти на риск и еще раз довериться. Легко простить те мелочи, которые не затронули наше самолюбие, не задели нас глубоко. Мы часто слышим извинения воспитанных людей, которые нас нечаянно толкнули или причинили другое незначительное беспокойство.

Но забыть то, что болезненно волновало и мучило, что переживалось, как открытая рана, что возмутило наш внутренний мир, от чего мы то задыхались в негодовании, то в отчаянии ломали руки, то долго и безутешно плакали; что вызывало краску стыда на наших щеках за свое унижение, забыть все это, вычеркнуть из памяти – это область подвига, путь евангельского совершенства. Вечным примером прощения перед нами стоит Христос. Он принял чужую вину и вознес на крест. Гвозди пронзили Его руки и ноги. С других крестов раздавались крики отчаяния или проклятия. С Его креста раздалась молитва: «Отче, отпусти им, ибо не ведают что творят» (Лк. 23:34).

Вражда убита на кресте. С тех пор нет вины, которую нельзя простить кающемуся. Таинство прощения в том, чтобы примириться с обидчиком, не желать ему зла. В таинстве прощения совершается чудо. Враг преображается в друга, которому мы желаем и делаем добро. Через прощение христианин уподобляется Христу: «будем подобны Ему» (1 Ин. 3:2).

5. Свобода примирения

Преодолеть разделение можно только общими усилиями. Примирение разрушает две преграды. Каждый должен разрушить стенку со своей стороны.

Обидчик должен осознать вину и сказать: прости! Одна стенка будет разрушена. Обиженный должен преодолеть свою обиду и простить, чтобы другая стенка была разрушена. Господь призывает «прощать от всего сердца своего брата своему согрешения его» (Мф. 18:35).

А если обидчик не просит прощения? Возможно ли его простить?

Требуя прощать от всего сердца, Господь указывает условие, без которого прощение не состоится: «Если покается, прости ему. И если семь раз в день согрешит против тебя, и семь раз в день обратится, и скажет: “каюсь”, прости ему» (Лк.17:3–4).

Слово «каюсь» определяет нравственную позицию. Оно выражает согласие, которое нельзя вынудить. В основе примирения лежит свобода. Если человек не каётся, ни Бог, ни человек не могут подарить ему прощение. Если грешник отказывается от покаяния, Бог не связывает его свободу прощением. Человек остается свободным и непрощенным. Кто не просит прощения, не сможет его оценить и принять. Все пророки, Иоанн Предтеча, Иисус Христос настойчиво призывают к покаянию: «покайтесь; ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17).

Они призывают, но не принуждают. Выбор человек делает сам. Отказ от покаяния ведет к разрыву взаимоотношений: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобой и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собой еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то будет тебе, как язычник и мытарь» (Мф. 18:15–17).

Отказ простить разрывает взаимоотношения — с кающимся и с Богом. Отказавшийся простить нарушил заповедь Христа и чужд Церкви.

Кто не каётся — не христианин. Кто не прощает — не христианин.

6. Порабощение взамен примирения

Новый Завет и церковное предание указывают одно условие примирения: «скажет “каюсь”, — прости ему» (Лк. 17:4). Других условий или форм для прощения Церковь не требует. Когда примирение обещают под условием унижения (требуют вальяться в ногах, ползти на животе и публично себя оханывать) — это шантаж. Примирение нельзя использовать для унижения и порабощения личности. Во имя примирения грех требовать отречения от веры, от своих убеждений, от человеческого достоинства: «не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7:23).

Христианское примирение может иметь только одну цель — взаимное взыскание любви. Плач о грехе выражает духовную нужду. Если он выражает страх или корысть, то превращается в ханжество. Это не христианское покаяние, а манихейское принесение в жертву человеческого достоинства. Прощение не продают, а даруют. Иначе оно теряет нравственную ценность. Это будет не прощение, а возмещение морального ущерба, то есть не нравственный, а правовой акт. Подлинная безмерность вины перед Богом подменяется фальшивой безмерностью вины перед человеком. Вина имеет предел. Евангелие не позволяет отказать просящему в прощении. «Облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простили вас, так и вы» (Кол. 3:12–13).

7. Проблема врага

Любите врагов ваших.

Может ли христианин иметь врагов? Может, если Христос Спаситель заповедал: «Любите врагов ваших». Как понимать слово «враг»? По определению В. Даля, «недоброжела́тель» — человек, который желает мне зла, старается причини-

нить неприятности и злорадствует, когда со мной случается несчастье. Христианин может иметь врагов, но сам не может быть врагом никому. Отношение к другому — другу или врагу, которое заповедал Бог, называется любовью: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44).

Кто любит и прощает, не может быть врагом. Понятие «враг» в словах Христа Спасителя выражает одностороннее, а не взаимное отношение. Христианин может иметь врагов, но сам никому врагом быть не может. Царь Соломон заповедует отношение к врагу: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой водою» (Притч. 25:21).

В чем смысл доброжелательности к врагу? Желая человеку зла, мы противоборствуем Богу, Который «послал Сына Своего, да спасется Им мир» (Ин. 3:17).

Христианин должен содействовать Богу в спасении каждого человека. Мы должны желать, чтобы человек становился лучше, а не хуже. Жития святых Никифора и Саприкия, Тита и Евагрия выражают церковную традицию: благодать Божия оставляет тех, чье сердце затаило месть и не умеет прощать.

8. Выбор

*Жизнь и смерть предложил Я тебе,
благословение и проклятие. Избери жизнь.
Втор. 30:19*

Накануне Великого поста Церковь учредила «прощенный день». Христиане просят прощения друг у друга, чтобы Бог принял их воздержание и трезвение в благоприятную жертву. Без примирения не может быть прощения грехов и спасения. Об этом свидетельствует церковное предание.

В городе Антиохии жили Никифор и пресвитер Саприкий. Искуситель посеял вражду между ними. Придя в себя, Никифор раскаялся и просил прощения у Саприкия. Но Саприкий был неумолим. Римский император Валериан начал гонение против христиан. В 257 г. пресвитер Саприкий предстал перед судом. Он исповедал веру во Христа, претерпел истязания и был приговорен к усечению мечом. Когда

Саприкия вели на казнь, Никифор со слезами умолял о прощении: «Святой мученик Саприкий, ты готовишься предстать перед Господом и принять от него венец жизни вечной! Прости меня и дай мне последнее целование мира». Саприкий ожесточился сердцем и не захотел простить его.

Благодать, укреплявшая его в истязаниях, отступила. Достигнув конца подвига, он вдруг испугался смерти и принес жертву идолу. Никифор исполнился дерзновения, исповедал Христа, был обезглавлен и воспринял мученический венец Саприкия. Аналогичную историю передает Киево-Печерский патерик в житии преподобного Тита и Евагрия (Жития святых 09.02 и 27.02 ст.ст.).

9. Плоды примирения

Оба повествования не сообщают причину и виновника конфликта. Это детали, несущественные для примирения. Духовная задача не в том, чтобы «выяснить отношения» и «восстановить справедливость», а в том, чтобы примириться. Покаяние, прощение и примирение осознаны в церковном предании как жизнь в Боге. В ожесточенном и озлобленном сердце не пребывает Святой Дух.

Примирение требует обоюдного прощения. Обидчик просит прощения за причиненную обиду. Обиженный должен простить обиду и забыть. Разрешить конфликт можно по принципу справедливости: кто виноват?

Всякий конфликт имеет одну из причин: «я обидел его», «он обидел меня». Чаще бывают виноваты обе стороны. Первый шаг делает не тот, кто больше виноват, а кто больше любит. Слова «прости, я каюсь» и слова «Бог простит тебя, как я прощаю» обладают силой, исцеляющей душу. Они возвращают совести трезвую самооценку, а сердцу утешение и счастье. Признание вины отрезвляет совесть. Прощение вины окрыляет душу. Два человека, преодолевшие взаимную неприязнь и протянувшие руки навстречу друг другу, одерживают нравственную победу. Восстанавливая общение, они решают не только свою частную проблему. Примирение не только восстанавливает отношения. Примирение выражает нравственную позицию: «Христос посреди нас».

Второе условие Евхаристии: *Воздержание*

Аскетический смысл поста

*Образ есмь неизреченный Твоей славы,
аще и язвы ношу прегрешений.*

Стихира на погребение

1. Противоречие

Два желания, как два невидимых крыла, поднимают человеческую душу над животной природой: желание вечной жизни и желание святости. Оба желания для человека не только естественны, но обоснованы божественными заповедями. Человек призван к святости и вечной жизни: «Ищите прежде Царствия Божия и правды его»; «Святы будьте, как Я свят». Грехопадение связало его крылья.

Два врага приобрели силу над человеческой природой — грех и смерть. Их власть выявляется в торжестве животных инстинктов над человеческим духом. Поступки животных выражают закономерность естественных процессов. Три инстинкта объясняют поведение животных: питание, размножение и самосохранение.

В отличие от животных человек может не только подчиняться инстинктам. Он может господствовать над ними. Преодоление животных инстинктов подвижники называют борьбой со своими страстями. В победе над страстями раскрывается величие человеческого духа. Эта борьба требует усилий: «Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха» (Евр. 12:4).

2. Оружие духа

Пища необходима живому организму. Но «душа больше пищи» (Мф. 6:25), — говорит Христос. В заботе о пище нельзя потерять «образ Божий», положенный в основу человеческого достоинства. Поэтому человеку приходится преодолевать животные инстинкты. Когда Господь постился сорок

дней и напоследок взялкал, искуситель предложил превратить камни в хлеб. Христос ответил словами Моисея: «Не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Втор. 8:3; Мф. 4:2-4).

Инстинкт размножения человек преображает в таинство любви, требующее жертвенного служения и вечной верности: «Оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью... Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:5–6).

Человеку свойственно заботиться о сохранении своей жизни. Жизнь – дар Божий. Его нужно беречь. Но человек может отдавать свою жизнь во имя любви к Богу, к близким, к Отечеству. Христианская иерархия ценностей позволяет жертвовать своей жизнью во имя любви. «Не бойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить»; «Кто хочет душу [жизни] свою спасти, тот погубит ее, а кто погубит душу свою ради Меня и Евангелия, тот обретет ее». «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Мф. 10:28, 39; Мф. 16:25; Мк. 8:35, 10–45; Лк. 9:24; Мф. 20:28; Лк. 17:33; Ин. 12:25, 15:13; 1 Ин. 3:16).

3. Подвиг как образ жизни

Преодоление животных инстинктов подвижники благочестия называли «аскетическим воздержанием». Аскет побеждает чувственные влечения ради достижения нравственного совершенства и богообщения: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5:48).

1. В церковной традиции «аскетическое воздержание» называют словом «пост». Это первое значение термина. Пост является подвигом. Подвижник прилагает усилие подняться выше своих естественных потребностей для достижения нравственного совершенства.

2. Другое значение термина «пост» выражает фиксированный период времени. Не только подвижники, избравшие воздержание в качестве образа жизни, но все христиане призываются войти в их образ жизни на ограниченное время. В этот период христиане живут особенно сосредоточенной внутрен-

ней жизнью. Изменяются внешние формы жизни. Меняется пища, сужается круг наружных интересов, больше времени отдается домашней молитве, богомыслию и церковному богослужению. Целью внешних изменений является изменение человеческого духа, преображение «внутреннего человека».

Святой Иоанн Златоуст говорит: «Кто ограничивает пост воздержанием в пище, тот бесчестит его. Не одни уста должны поститься. Пусть постится око и слух, и руки, и ноги. Какая польза от поста, если гневом и ненавистью снедаешь душу брата твоего? Какая польза от поста, если очи твои омрачены завистью и жадностью? Какая польза от поста, если язык твой не престает осуждать и злословить? Какая польза от поста, если ум занят греховными помыслами, а в сердце живет нечистота?»

Блаженный Иероним спрашивает: «К чему утончается тело воздержанием, если дух насыщается гордостью? Какую похвалу заслужим бледностью от поста, если зеленеем от зависти и краснеем от гнева?»

Святой Василий Великий пишет: «Кто воздерживается от пищи, а ведет себя плохо, тот подобен диаволу, который, хотя и ничего не ест, не перестает грешить». Святые отцы призывают не терять из виду духовную задачу поста за формами его внешней практики.

4. История поста

До III века самый день Пасхи чтили постом в память смерти Христовой. Писатели III века употребляют слово «пасха» в смысле «пост», подчеркивает Скабалланович (Т.Т. С. 66). «День Господень есть воспоминание страданий Христовых», — пишет Ориген (на Исаию Беседа 6). Следы крестного переживания воскресного дня сохраняет чтение крестово-воскресного канона в неделю на Утрени. Письмо св. Иринея Лионского о пасхальных спорах проливает свет на первоначальный характер праздника Пасхи: «Разногласия не только о дне, но и самом образе поста. Одни думают, что нужно поститься только один день, другие два дня, иные еще больше; некоторые исчисляют этот день свой в сорок часов дневных иочных» (Евсевий. Церковная история 5, 24). Мы видим,

что Пасха праздновалась соблюдением поста. Предпасхального поста не было. Постились в самый день Пасхи. Пасхальный пост обнимал период в сорок часов. Со II века Пасха переживается как радость о воскресении Христа из мертвых.

Предпасхальный пост, который мы называем «четыредесятницей» за его продолжительность, возник из «крещально-го» поста. Древняя церковь готовила постом оглашаемых к Таинству Крещения. Вместе с оглашенными постились восприемники, священнослужители и многие христиане. Крещение совершалось в день святой Пасхи. Предшествующий пост со временем стал осознаваться как «предпасхальный». Первоначально он ограничивался сорока дневными и ночных часами. Позднее постились всю седмицу.

Постепенно сорокачасовой пост разился в сорокадневный. Субботы и воскресенья сперва исключались из дней поста. Святой Иоанн Златоуст называет их «днями отдыха для подвижников поста». В наше время пост не прерывается.

5. Практика поста

Образ жизни в период поста определяется церковным Уставом. Принятый в РПЦ «Устав» не является единственным. В древности каждый монастырь имел свой устав. Отсюда пошла известная поговорка: «В чужой монастыре со своим уставом не ходят». В Византии Уставы различались своей строгостью. Православная Российская Церковь долгое время пользовалась уставом преп. Феодора Студита. Позднее был принят устав преп. Саввы Освященного. Согласно действующему Уставу, Великим постом определяется род и количество пищи, время и количество трапез:

1. Разрешается постная, то есть растительная, пища. В праздники разрешается есть растительное масло, икру, рыбу.

2. Изменяется время трапезы. В праздничные дни трапеза устраивается раньше, в будние – позже. В дни строгого воздержания трапеза допускается поздно вечером.

3. Предписывается различное количество трапез в течение дня. В праздники возможны три и две трапезы. В будни – одна трапеза. В некоторые дни трапезы не бывает.

4. Ограничиваются количество пищи. Устав указывает, когда положены пять смокв, когда один-два укруха хлеба, большая или малая красовуля вина или кваса.

6. Проблема приходской практики

Устав формирует главную задачу поста — научить воздержанию. Приходские храмы не имеют собственных уставов. Они пользуются монастырским Уставом. Миряне не могут осуществить монашеский образ жизни, а Устав не скорректирован для приходской практики. Возникает неизбежное нарушение Устава, которое нельзя осознать как личную вину. Если мирянин не приносил монашеских обетов, его нельзя осуждать за нарушение монастырского Устава. Применение Устава мирянами либо лишает его требования определенности, либо нарушает их. Два различных образа жизни не могут осуществить один и тот же Устав.

В приходских храмах не выполняют Устав в полной мере. Не выполняются уставные богослужения: Повечерие, Полунощница и другие. Вне монастыря можно выполнить только первое условие поста: изменить род пищи. Однако изменение рода пищи не препятствует пресыщению. Из постной пищи можно приготовить изобильные и самые изысканные яства. Сосредоточенность на изменении рода пищи оказывается недостаточной, чтобы исполнить подвиг воздержания. Необходимо ограничение количества пищи. Такое ограничение вне монастыря предоставляется свободному произволению мирян.

Устав не учитывает возрастные различия, поскольку создавался только для совершеннолетних. Мать вынуждена кормить младенца материнским молоком независимо от требований Устава. Отсутствие поправок ведет к нарушениям. Если закон несовершен, требуется дополнительная регламентация. Она зависит от мнения духовника и не может быть однозначной. Одни духовники допускают послабления Устава, другие предъявляют жесткие требования. Устав теряет свою универсальность, но остается неисполнимым. Вызывает удивление, что за тысячи лет в Церкви не возник

Устав, организующий жизнь основной массы народа Божия, соответствующий возможностям приходской жизни.

7. Христианское переживание поста

Господь Иисус Христос призывает принять подвиг поста с радостью: «Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры: ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постыдившимся. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постыдившимся не перед людьми, но перед Отцом твоим, Который втайне» (Мф. 6:16–18). И подвижники поста отзываются светлой радостью: «Светлый день воздержания наста. Светлым лицом, приидите, встретим Владыку, просяще благодать ниспослати нам свыше и многих прегрешений исправление» (Триодь постная).

«Любезно, братие, пост облобызаем, приспе бо духовных подвигов начало: оставим телесное сладострастие, возрастим душевные дарования, спостраждем, яко рабы Христовы, и да прославимся, яко чада Божии, и Дух Святой в нас вселься, просветит души наша» (Триодь постная).

8. Плоды поста

«Постимся постом приятным, благоугодным Господу: истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, отложение ярости, отлучение от похоти, лжи и клятвопреступления. Сих оскудение – пост истинный есть и благоприятный» (Триодь постная). В течение поста читается молитва преп. Ефрема Сириня, изображающая возрождение грешника. Она читается за всеми богослужениями поста и состоит из трех частей. Каждая часть сопровождается земным поклоном:

2

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне, рабу Твоему.

3

Ей, Господи, Царю, даруй мне зрести моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

После третьей части молитвы следуют двенадцать поясных поклонов со словами «Боже, очисти мя грешного». Молитва читается полностью еще раз, и полагается один земной поклон. Эта молитва обнаруживает плоды поста.

Первая часть изображает бесплодное состояние души грешника.

Вторая часть изображает душу, в которой созревают дары Святого Духа.

Третья часть молитвы открывает тайну духовной жизни: покаяние начинается с видения своих грехов. Если человек не видит своих грехов, он духовно болен. Если он осуждает чужие грехи, он близок духовной смерти. Только покаяние возрождает душу для жизни с Богом и по-Божьи. Поэтический перевод этой молитвы на русский язык сделал А.С. Пушкин.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зресть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Список литературы:

1. Новый Завет
2. Соловьев В.С. «Духовные основы жизни»
3. Триодь постная.
4. Скабалланович М. «Толковый Типикон».
5. Дмитриевский А.А. «Триодь постная – училище благочестия».

Третье условие Евхаристии:

Трезвение

*Бодрствуйте и молитесь,
да не впадите в напасть; дух бодр,
плоть же немощна.*

Мф. 26:41

1. Власть страстей

В быту «трезвением» называют состояние, противоположное опьянению вином. Книга Ездры изображает силу вина: «Как сильно вино! Оно приводит в омрачение ум всех людей, пьющих его; делает ум царя и сироты, бедного и богатого, одним умом. Всякий ум превращает в веселье и радость, так что человек не помнит никакой печали и никакого долга. Все сердца делает оно богатыми, так что никто не думает ни о царе, ни о сатрапе, и всякого заставляет оно говорить о своих талантах. Когда опьяняют, не помнят о приязни к друзьям и братьям и скоро обнажают мечи, а когда истрезвятся от вина, не помнят, что делали» (2 Ездр. 3:18–22).

Опьянение расстраивает телесный и душевный состав человека. Нарушает координацию движений, поражает реверсивный аппарат, увеличивает холестерин и пр.

Опьянение повреждает душевые силы человека: помрачает сознание, снижает критику, возбуждает чувства – раздражение, гнев, ревность. Волевые решения выходят из-под контроля. Теряя контроль, человек становится «невменяемым». Симптомы опьянения говорят об утрате трезвости.

Не только вино опьяняет человека, но каждая страсть. «Есть люди, в убийстве находящие приятность. Когда я ключ в замок влагаю, то же я чувствую, что чувствовать должны

оны, вонзая в жертву нож: приятно и страшно», — говорит Скупой Рыцарь (Пушкин А.С. Скупой рыцарь. ПСС. Т. 7. С. 112. Изд. АН СССР).

Книга Ездры упоминает о силе похоти: «Люди не могут быть без жен. Если соберут золото и серебро и всякие драгоценности, а потом увидят одну женщину, хорошую лицом и красивую, оставив все, устремляются к ней и, раскрыв рот, смотрят на нее, и все прилепляются к ней более, чем к золоту и серебру и ко всякой дорогой вещи. Женщины господствуют над вами. Берет человек меч свой и отправляется, чтобы выходить на дороги и грабить и красть, и готов плавать по морю и рекам, льва встречает, и во тьме скитаются; но лишь только украдет, похитит и ограбит, относит то к возлюбленной. Более любит человек жену свою, нежели отца и мать. Многие сошли с ума из-за женщин и сделались рабами через них. Многие погибли и сбились с пути и согрешили через женщин. Не велик ли царь властью своею? Не боятся ли все страны прикоснуться к нему? Я видел его и Апамину, царскую наложницу, сидящую по правую сторону царя; она снимала венец с головы царя и возлагала на себя, а левою рукою ударяла царя по щеке. А царь смотрел на нее, раскрыв рот: если она улыбнется ему, улыбается и он; если же она рассердится на него, он ласкает ее, чтобы помирилась с ним. О, мужи! Как же не сильны женщины, когда они так поступают?» (2 Ездр. 4:17–32).

Чтобы победить страсти, необходимо трезвение.

2. Целомудренное воображение

Богослужение приглашает человека подарить себя Богу: «Сын мой! Отдай сердце твое мне» (Притч. 23:26). Чтобы подарить себя, необходимо владеть собой. Страсти порабощают, лишают духовной свободы. Повинуясь страстям, человек ищет удовольствий, богатства, власти и становится рабом внешних обстоятельств. «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:21). Если мы обратимся к содержанию нашего воображения, то найдем там три рода мыслей и мечтаний.

Одни возникают по нашей воле: мы хотим о чем-то мыслить — и мыслим, хотим о чем-то мечтать — и мечтаем. Другие

мысли возникают по естественным законам телесной и душевной жизни человеческого организма. Через наше сознание проходит множество различных мыслей в течение дня: пустых мечтаний, суетных размышлений, дельных мыслей.

Иногда возникают мысли навязчивые, от которых трудно освободиться. Бывают мысли, насильственно вторгающиеся в душу. Они приходят извне, обжигают душу как огонь и поращают. Человек не хочет отдаваться этим мечтаниям, но они насильно овладевают сознанием. Каждый может вспомнить обольстительный и насильственный характер злобных, раздражительных мечтаний или нечистых помыслов.

«Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль...» (Деян. 5:3).

«Диавол уже вложил в сердце Иуде Искариоту предать Иисуса» (Ин. 13:2).

Опыт и творения святых подвижников рассказывают о помыслах, имеющих диавольское происхождение. Это хульные помыслы. Человек молится. Его душа пребывает в мире. Вдруг, как стрелой, его сознание пронзают хульные помыслы на Бога, Богоматерь и святых. Некоторых иноков хульные помыслы доводили до отчаяния. Думая, что они сами виновны в этих помыслах, они переставали молиться, не смели приступить к причастию святых Таин. Святые отцы объясняют, что человек не виноват в этих помыслах. Эти помыслы вкладывает в душу диавол.

Впечатления внешнего мира и собственные переживания мы собираем в сердце, как в сокровищнице, заполняя воображение разным содержанием. Мы можем наполнить свой ларец образами и понятиями, которыми жива душа, мыслит ум, согреваются вера, надежда и любовь. Но можем наполнить образами, которые будят наши животные инстинкты. Через тело грех оказывает разрушительное влияние на душу. Виновато в грехе не только тело. Душа способна разжигать естественные инстинкты. Греховое разжжение называют страстью.

Через ум, чувства и волю душевые страсти повреждают телесный состав человека. Кто больше виновен в грехе, тело или душа? Душа нередко возлагает ответственность за грех на тело с его животными инстинктами.

Но рождается грех в душе.

— Вечно ты меня тянешь вниз, — сказал я телу.

— Это я тебя тяну! — возмутилось оно. — Ну, знаешь! Кто приучил меня курить и пить? Ты, когда тебе приспичило «стать настоящим мужчиной». Я боролось, как могло, но разве с тобой справишься? А кто вчера вечером положил конец твоему раздражению и злобным помыслам? Я, никто иной, отпрашивив тебя спать. Это я спасаю тебя от празднословия и от обжорства...

— Хорошо, а как же с похотью? — перебил я.

— Вот именно, как же с похотью? — перебило тело. — Если бы твое гнусное воображение оставило меня в покое, я бы спасибо сказало. Все твоя душа. Она велит мне, а потом с меня же спрашивает

(Крайв Стейплз Льюис. Неизданное).

3. Механизм созревания греха

Духовный опыт святых призывает хранить сердце от скверны — блуда, насилия, предательства, корысти, которыми изобилуют телевидение, эстрада, злачные места. Приражаясь человеческой душе через ум, страстный помысел входит в сознание. Ум человека принимает помыслы, которые рождаются от плотских ощущений, приходят извне, внушаются темной силой: «от плоти, мира и диавола». Ум создает образы, наполняет ими душу. Эта способность называется воображением. Грех овладевает человеческим сердцем, разворачивая воображение. Образы будят похоть. Святые отцы выявляют механизм созревания греха.

Из внешнего мира и моей собственной чувственности рождается «прилог» греха. Так называют помысл, который стучит в окно души. Пока он остается внешним, человек не виновен в нем. Вина начинается со внимания ума к пришедшему помыслу. Когда ум начинает «внимать помыслу», открывается окно: в сознание входят лукавые помыслы, или грехи ума.

Второй шаг делает грех в сердце человека, когда рассматриваемый помысел нравится. Человек любуется помыслом, испытывает удовольствие или «услаждается помыслом».

лом». Это означает, что помысел вошел в его сердце и оно услаждается греховными образами. Они заполняют сознание и порождают желание. Человек принимает это желание и дает согласие осуществить грех в конкретном поступке.

Помысел побуждает осуществить третий шаг и совершить грех. Помысел вовлекает в грех волю человека. Внутренний процесс завершается внешним действием: человек совершает греховный поступок.

4. Преодоление помыслов

Подвижник должен «отсекать» помыслы. Борьба с помыслами является основным «деланием» подвижника. Преп. Мария Египетская боролась со своими воспоминаниями о вине и яствах, плотских удовольствиях, блудных песнях, наполнивших ее воображение, как с лютыми зверями. Подвижник отсекает эти образы, чтобы в кроткой тишине духа, смирившего помыслы и страсти, отразилась не человеческая самость (падшая природа «со страстью и похотью»), но «вобразился в нем Христос» (Гал. 4:1911).

Воображение может отображать самого человека, его желания и страсти. В этом случае человек выражает себя самого в художественном творчестве и духовной жизни. Целомудренное воображение должно отразить Бога в человеке. Средством для этого является «хранение» ума, сердца, воли, совести и языка.

Хранение ума требует проверять каждый помысел заповедью Божией.

Хранение сердца требует проверять каждое переживание, каждое чувство, насколько вмещает оно любовь Божию.

Хранение воли требует не спешить удовлетворить каждое желание, но проверить, согласно ли оно с волей Божией.

Хранение совести обязывает отражать греховные помыслы, чтобы они не коснулись ума и сердца.

Хранение языка требует обуздывать свой язык, удерживать его от празднословия и осуждения. «Трезвитесь, бодрствуйте, ибо противник ваш диавол ходит как рычащий лев, ища кого поглотить» (1 Пет. 5:8).

5. Сокровище души

Отсечение помыслов осуществляется отрицательную сторону подвига трезвения.

Трезвение не может ограничиваться рассмотрением и отсечением помыслов. Положительной задачей трезвения является обожение. Духовное возрастание человека «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4:13) совершается во взаимодействии Бога и человека. Церковная традиция сформировала «молитвенное правило», готовящее христианина к Причащению. Принято вычитывать три канона: Спасителю, Божией Матери и Ангелу-хранителю, акафист Спасителю или Божией Матери, канон и молитвы ко Причащению. Молитвы раскрывают смысл Евхаристии и помогают осознать свое недостоинство.

Молитвы имеют целью подготовить христианина к обожению через приобщение Тела и Крови Христовых. Этую цель преп. Серафим Саровский называет «стяжанием Святого Духа». Апостол Петр называет христиан «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1:4). Положительный идеал и высшая ступень духовной жизни, к которой стремится христианин, определяется как «единение с Богом» или «богообращение». Молитвенное устремление к Богу озаряет ум, укрепляет волю, наполняет сердце. Человек достигает богоподобия и состоится как чадо Божие. Как дети бывают похожи на своих родителей, так христианин становится подобным Небесному Отцу. Отсюда происходит наименование святых подвижников «преподобными». Когда человек достигает животного богообращения, Бог озаряет и просвещает его ум, открывает ему тайны духовного мира: «отселе узрите небо отверстым и ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Лк. 12:35).

6. «На божественной страже»

Среди евангельских заповедей есть одна, которую многие не замечают. Она выражается одним словом: «бодрствуйте». Господь много раз повторяет эту заповедь в Евангелии (в Гефсиманском саду, в беседе о разрушении Храма и Вто-

ром пришествии, в притчах) и поясняет это слово. «Да будут чресла ваша препоясаны и светильники горящи» (Лк. 12:35). «Бодрствуйте, ибо не знаете, в который час Господь ваш придет» (Мф. 24:42). Святые подвижники нередко исполняли эти слова буквально. Эта заповедь о трезвении.

Человек может жить рассеянно: беспечно и легкомысленно. Такой человек не хозяин в своем уме и сердце. Приходят и уходят мысли, чувства, желания. А человек не знает, кто был в гостях, какой оставил след. Он живет всегда во внутреннем хаосе и, когда встанет на молитву, не может собрать внимание. Молитва оказывается рассеянной и бездейственной. Таков плод греховного состояния ума и сердца. Если человек живет внимательно – внимает себе – он становится хозяином своего сердца. Он знает, откуда и какие приходят мысли и желания. Греховные помыслы он отсекает. Каждый помысел проверяет заповедью. В его душе возникает опора и центр духовной жизни: Воля Божия.

Задача духовной жизни – обновить и возродить свою душу. В одной из молитв есть слова: «Даждь мне возвратиться к Тебе прежде, чем возвращусь в землю». Чтобы возвратиться к Богу, нужно устоять среди хаоса греховых мыслей, чувств, желаний, которые приходят «от мира, плоти и диавола».

Внимайте себе. Трезвитесь. «Стойте в вере, будьте мужественны».

«Бодрствуйте!» – заповедует Господь Иисус Христос.

Для служения Божественной Литургии необходимо стяжать дух мирен. Задача трезвения – обрести и сохранить обретенный мир.

ОЛЬГА СЕДАКОВА

Вопрос о человеке в современной секулярной культуре*

Что есть человек, что Ты помнишь его?

Пс. 8

Есть старинная китайская легенда: когда император хотел узнать, как обстоят дела в Поднебесной, он приглашал музыкантов и просил исполнить перед ним песни, которые в это время чаще всего звучат в его стране. По тону, мелодии и гармонии этой музыки он составлял себе ясное представление о том, что происходит в государстве и чего, следовательно, можно ожидать в ближайшем будущем. В этой процедуре нет ничего от гадания или других видов магии. Больше всего она похожа на медицинскую экспертизу. Музыка (и искусство вообще) кроме всего другого, чем они заняты, — весьма точный диагностический прибор, своего рода датчик, который пишет кардиограмму эпохи. Вопрос в том, как читать запись.

Если мы попробуем применить этот древний метод диагностики к нашей ситуации, мы сразу же натолкнемся на препятствия, которых в до-постмодернистском обществе не знали. Прежде всего, наша современность, в отличие от традиционных культур, как будто не обладает устойчивым и общим для всех символическим языком формы, когда та или иная тональность, та или иная гамма цветов, характер линии что-то определенно *значат*, что-то *выражают* (о. Павел Флоренский замышлял собрать и описать минимальные общечеловеческие символы этого рода в своем *Symbolarium*’). Во

* Доклад на Международной научно-богословской конференции «Жизнь во Христе: христианская нравственность, аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи». 15–18 ноября 2010 г., Москва.

всяком случае, современное («актуальное») искусство настаивает на том, что никакого универсального символизма вообще не существует, все символические системы условны, навязаны нам («репрессивны») и потому подлежат «деконструкции». Всякая попытка читать искусство в «медицинском» (то есть этическом, оценочном) свете выглядит в нашей просвещенной современности совершенно недопустимой. И не случайно! Опыт XX века с его судами над «патологическим искусством» в Германии или «сумбуром вместо музыки» в Советском Союзе научил быть осторожнее. Во избежание недоразумений отмечу, что я веду речь совсем не о том, чтобы судить искусство, массовое или экспериментальное, но чтобы выслушать его сообщение, прочитать эту кардиограмму нашей современности. Что поют в нашей Поднебесной.

Представив на миг некоторую сумму того, что теперь поют, играют, показывают, всего того, что больше всего бьет в глаза и лезет в уши, нельзя не признаться — хотя бы себе, если не другим: дело плохо. Почему люди этого хотят? Чего они в этом хотят? Почему они так несчастны, чтобы этого хотеть? Один из последних классических философов Европы, наследник Витгенштейна, выслушав очередной актуальный опус (в тот раз это была воистину садистская минималистская оратория), заметил: «Интересное, однако, общество, которое в форме искусства производит исключительно сатири на себя!» Сатира, пародия, гротеск, изувеченная и оглупленная до предела копия-ремейк... Образы всеобщего распада и крушения, тотального слабоумия, какие-то кошмарные мутные сны, которые при этом давно перестали пугать и стали предметом коммерции. Почему это востребовано? *Травма* — один из центральных моментов этого искусства: переживание травмы как его главная тема, нанесение травмы как его форма — травмы слуху, зрению, уму, всем «привычным понятиям» читателя-слушателя-зрителя. Художник и его зритель как будто ничего и не видели в этом мире кроме травмы, которая, по мнению психологов, стоит в самом начале жизненного опыта человека: его «ранние травмы» определяют всю его последующую жизнь. Психологи и социологи, как известно, — наши авгуры, главные интерпретаторы современности; все другие гуманитарные области спланировали на плоскость психологии и социоло-

гии: там последнее, «объективное» объяснение всему. «Вначале были руины» — так выразил это настроение один из самых авторитетных голосов современности, Ж. Деррида. Если на секунду вдуматься в это высказывание, оно (как и большая часть популярных тез) совсем не реалистично — просто потому, что с руин ничего не начинается; «в начале» должно было быть нечто, затем пришедшее в упадок, в состояние руин. Так же, как ранним травмам должен был бы предшествовать некий еще не травмированный субъект: нельзя же травмировать то, чего нет. Подобным образом дело обстоит и с «падшествием», о которой охотно говорят. Прежде, чем упасть, нужно еще было побывать где-то, откуда затем предстояло падать. Но именно так теперь *помнит* человек: начиная с травмы, начиная с руин. Так он помнит и себя, и мир. *Начала* он не помнит. Вероятно, никогда еще о *начале* не забывали так крепко. Вот об этом, я думаю, и сообщают песни, которые теперь поют в нашей Поднебесной. Конца, заметим, они тоже не помнят. Где неизвестно настоящее начало, там неизвестен и конец. *Конечность* человека, его *смертьность* — популярные темы современных рассуждений: но странна эта конечность, никак не сопоставленная с бесконечностью, и эта смертность, не сопоставленная со смертью и бессмертием!

Вместе с Началом из области человеческого опыта исчезает все то, что непосредственно происходит из Начала: внимание, глубина, сосредоточенность, благодарность, изумление, милость, хвала, почтение, вдохновение, дар, надежда на то, что представляется невозможным, доверие, высокая печаль... Всего, о чем всегда говорило искусство — и чего искать в песнях нашего времени (я продолжаю говорить о самых «типично современных») просто нелепо. В этом пространстве вне начала и вне конца («мы живем после конца», — говорят они, но такого в области жизни просто не бывает: вся она — *перед концом!*) для всего названного и для многоного еще просто нет места. Это пространство вне начала и конца, вне гибели и спасения, вне смысла и бесмыслицы, пространство антиэсхатологическое и антиаскетическое называется *обыденностью*. Современный человек погружен в обыденность как никогда прежде. Она герметично закупорена: все другое, чем она, представляется невоз-

можным. О невозможном нечего и говорить, и надеяться на него глупо.

Говоря об антропологии современного секулярного (теперь уже говорят: постсекулярного) общества, я имею в виду прежде всего европейский мир — но не затем, чтобы противопоставить его российскому: во всяком случае, в том, что поют, два эти мира не слишком отличаются. Мы принадлежим одному, планетарному историческому моменту. Разве только то, что в западном контексте давно стало рутиной публичной художественной жизни, в российском контексте еще часто воспринимается как скандальный вызов. Но это не ребяческое подражание Западу, а воздух эпохи, который достиг наших пространств с некоторым запозданием. Другой поток этого воздуха — гуманистическая социальность — нас еще не достиг. И говоря о современном обществе и его «кардиограмме» — искусстве, нельзя не удивиться их, по видимости, поразительному контрасту. Социальная жизнь современного общества, которое называют терапевтическим или пермессивным, гуманна как никогда. Достоинство человека — отдельного человека, независимо от его сословных, этнических, гендерных и т.п. признаков — никогда еще не было так уважаемо. Сама по себе эта идея достоинства человека, *dignitas*, главный лозунг гуманизма, начавшего Новое время, имеет безусловно христианское происхождение. Ни одна другая традиция не поставила на вершине всех ценностей одну человеческую душу, ее гибель или спасение. Христианство здесь продолжило и усилило ветхозаветную интуицию в каком-то смысле «нечеловеческого» достоинства человека, о котором с изумлением спрашивают стихи Псалмов, среди них и тот, который мы взяли эпиграфом. Без такого утверждения человека классическому гуманизму было бы просто не на что опереться, не с чего начать.

В наши дни предпочитают говорить не столько о «достоинстве», сколько о «правах» человека, но смысл этих «прав», в сущности, тот же: защита достоинства отдельного человека перед лицом безличных инстанций. За окончательное утверждение этих прав как необсуждаемой и всеобщей, уже формальной нормы заплачено катастрофическим опытом тоталитаризма XX века, который институционно отменил ценность отдельного человека и его жизни. Вопрос о чело-

веке в тоталитарном мире и у его устроителей звучал бы прямо противоположно псалмическому: «Что такое человек, чтобы думать о нем, – в сравнении с нашими планами, целями, идеями, с “исторической необходимостью”, со светлым будущим пролетариата или торжеством арийской расы?» Что такое в сравнении с этим отдельный человек – или тысячи и тысячи таких отдельных людей? Есть вещи поважнее. И все почти вещи поважнее человека. Не только такие отдаленные предметы, как светлое будущее или единственно верное учение, но что такое отдельный человек рядом с необходимостью построить вот эту железную дорогу в самый краткий срок?

В том, какие уроки извлечены из этого опыта, российский мир и мир западноевропейский пока далеко расходятся. Мы живем, необходимо это признать, в обществе, не пересмотревшем и не изживвшем той цинической жестокости, которая внушалась людям из поколения в поколение (достаточно вспомнить, что слово «беспощадный» употреблялось – и теперь еще употребляется у нас – как положительное: «будем вести беспощадную борьбу»). В беспощадности, в «святой жестокости» к недобитому врагу виделось нечто высокое, героическое и даже трагическое. Это называлось «социалистический гуманизм». «Не унижайте человека жалостью... Человек – это звучит гордо!» Максим Горький, наш Ницше для бедных. Мы выучили этот урок. Миллионы в лагерях – это звучит гордо. И не унижайте их жалостью.

Западный мир ответил на свой катастрофический опыт раскаянием в образе «нового гуманизма»: его выражения – и поставленные на вершине общих ценностей «права человека», и общий «терапевтический», «пермессивный» (позволяющий) характер современного общества, о котором я уже упоминала. «Мы больше никогда и ни о ком не можем решить: это не человек». Так можно выразить урок, извлеченный европейской культурой из лагерей массового истребления, из авантюры «сверхчеловека». И никто не может сказать, что это противоречит евангельской проповеди: может быть, после всех столетий христианской цивилизации в этом отношении его впервые всерьез услышали, слово о великой ценности убогого. Но что дальше? А дальше, увы... Ради того, чтобы в дальнейшем никого не судить, чтобы сохра-

нить человеческое достоинство за больным, уродливым, безумным, порочным, бесталанным, невежественным существом, следует отказаться от наших старых представлений здоровья, красоты, разумности, добродетели, таланта, образованности. Все это репрессивные нормы. Отказаться от больших идей и замыслов, потому что за ними следуют большие бойни; от религий, поскольку они порождают фанатизм, который делит всех на «своих» и «чужих», и т.п., и т.п. От всего, что несет в себе силу, потому что сила и насилие больше не различаются. Плохо различаются вера и фанатизм, уверенность суждения и доктринерство. Ниже, ниже, ниже – туда, где почти ничего не осталось. Это антропология нового гуманизма. «Что такое человек? Это существо травмированное, ранимое, бедное, больное, опустошенное своей долгой историей. Ничего хорошего в нем нет: он и сам может превратиться в палача. И такое существо необходимо хранить. И не требовать от него по возможности ничего чрезвычайного». Образ человека, прекрасного, как космос, почти всемогущего, свободного и деятельного, обладающего неограниченной способностью к познанию, образ, вдохновлявший первый, классический гуманизм, – сменился в новом гуманизме на противоположный. Достоинство человека просто в том, что он – какой-никакой – есть, достоинство живого просто в том, что он жив. И такого помнит Господь – добавим мы. Но новый гуманизм этого не добавляет. Его идею выразил влиятельнейший французский философ Андре Глюксман в своей «Одннадцатой заповеди»: «Помни, что тебе присуще зло!» Прекрасно, и этому веками учила монашеская педагогика. Но есть одна вещь, которую забыли еще крепче, и, может быть, стоит о ней сказать: «Помни, что тебе присуще нечто благое». Вопрос о том, помнит ли Господь о человеке, просто не стоит перед агностическим новым гуманизмом. «Кто мы такие, чтобы ставить такой вопрос?» – смиренно ответит он. Его пафос в другом: напомнить человеку (а точнее, человечеству: и классический, и новый гуманизм риторичны по природе, они всегда обращаются к широкой аудитории, а кциальному человеку – как части этой аудитории), чтобы он помнил о человеке в его самом униженном, травмированном, убогом положении.

Этот своеобразный кенотизм — самая поэтическая и серьезная часть нового гуманизма. Из нее может возникнуть — и порой возникает — новая мысль, новое искусство, искусство бедное, тихое, почти беззвучное, почти бесцветное. Его еще не слышно за грохотом и ревом времени. В этой бедности рождается новая интенсивность.

А то, что слышно везде и о чем мы вели речь, — искусство обыденности, которую я назвала реальностью антиэсхатологической и антиаскетической. Антиэсхатологической — поскольку она хочет существовать «просто так», начиная не с начала и кончая не концом, не спрашивая о смысле и бессмыслице, в мире «необходимого» и «развлечений». Антиаскетической — имея в виду аскезу не как некоторую систему самоограничений и отказов, то есть обыкновенную abstиненцию, с которой ее часто путают, но как открытую, динамическую реальность, как человеческую волю к другому, к тому, что, если исходить из данности, представляется совершенно невозможным и абсурдным: к тому, что поэт называл «усильем воскресенья».

Смерть можно будет побороть
Усилием воскресенья.

Эта воля пробуждает от мутного сна обыденности, как о том рассказывает древняя сирийская «Песнь о жемчужине», переведенная С. Аверинцевым. Царский сын, забывший на чужбине (в Египте, то есть в рабстве) и свой род, и свое задание (отнять у Змея и принести Отцу таинственную жемчужину), получает спасительное послание из дома:

Как начертано было в сердце моем,
Так и были начертаны слова письма.

Я вспомнил, что царский я сын,
Что свобода моя взыскует сродного ей,
Вспомнил и о жемчужине оной,
Коей ради пришел я в Египет...

Современный человек вспомнил о том, что он нищий и никчемный, что он бессильный раб: об этом забывал класси-

ческий гуманизм, забывало Просвещение. Но эта память не будет окончательно правдивой, если она не дойдет до конца, то есть до начала:

Я вспомнил, что царский я сын.

Если он не вспомнит, что он — тот, кого помнят: чему не перестает изумляться Псалмопевец. « Ты помнишь о нем » — в этом он не сомневается. Он изумлен другим: почему?

И кто напомнит нам о нашем начале, кто напишет нам слова, которые «были начертаны в сердце нашем»? Я думаю: святой. И художник.

Письма прот. Георгия Флоровского прот. Сергию Булгакову

В 196-м номере «Вестника» нами среди других писем проп. Георгия Флоровского было напечатано первое его письмо к отцу Сергию Булгакову. В этом номере мы публикуем три следующих письма, в которых обсуждается участие Г. Флоровского в работе только что созданного в Париже Богословского института прп. Сергия, а в области философско-богословской мысли намечается его отход от софиологии Вл. Соловьева.

2

Praha, Bubeneč Bučkova kv. 597 c. V. 36
(без даты, начало 1926 г.)

Дорогой отец Сергий,

Узнал о Вашей болезни, и спешу пожелать Вам скорейшего и благополучного выздоровления.

В.В.¹ передал мне предложение вызвать меня после Пасхи в Париж для прочтения курса естественно-научной апологетики и указал сообщить о своем согласии Вам. Я не только не против, но и с радостью приму такое послушание. Прежде чем обсуждать материальную сторону моей поездки, я хотел бы точно договориться о существе предложенного мне курса. Это должен быть курс элементарный и доступный. Но каков его объем (число лекций в целом) и содержание. Должен быть этот курс ест[естественно]-н[аучно]-апологетический в узком смысле, или более общей соответствующей частью т.н. основного богословия, куда входят и начала ест[естественно]-н[аучной] апол[огетики]. Я представляю себе ряд руководящих чтений-бесед на тему: наука и вера, в которых должны быть разобраны следующие вопросы: о доказательствах бытия Божия (и об опровержениях его), о религиозной природе научного познания и об его формах. О творении или вечности мира, о чуде, чудесах и о «законах природы», о существовании и бессмертии души, о происхождении человека. О целесообразности в природе, о цели и о конце мирового

процесса. Иными словами, нужно поставить и разъяснить те вопросы, по которым «наука» дает якобы несовместимые с христи[анской] верой и с Откровением ответы, и выяснить (*нерафаб.*) христ[ианские] ответы. Рассмотрение отде[льных] научных теорий («дарвинизм», «материализм» и пр.) должно быть вставлено в более общую рел[игиозно-] мет[афизическую] рамку, без того, однако, чтоб пояснение потеряло пропедевтический характер. По обстоятельствам нашего времени следует с некоторой подробностью остановиться на «материализме», насаждаемом теперь в СССР, и изложить его историю. Я сейчас только бегло набрасываю предварительный план. Получивши от Вас более точные указания, я разработаю подробную программу, и распределю материал в потребное количество лекций. Принимая во внимание, что цель нашего Бог[ословского] Инст[итута] – продолжать в будущем бороться с въедчивой материалистической заразой, с другими навыками полузнания, приходится придать курсу естест[венно]-н[аучной] апологетики большую полноту и подробность, каким это требуется по существу дела и общим строем богословской школы. Я не знаю, какое число часов будет мне предоставлено и, сказать в сторону, я не стал бы его преувеличивать, т.к. подготовка курса возьмет у меня много времени и заставит изменить план моей работы. Однако я приемлю такое задание по совести, и вижу в этом смысл для себя лично использовать для блага Церкви те немалые знания, которые я когда-то накапливал впрок, точно и в самом деле предвидел чтение ест[ественно]-н[аучной] апологетики. И раз браться за дело, то его надо делать *lege artis*. Не забываю элементарного характера курса, но это только увеличивает трудность и сокращения. В среднем счете, мне кажется, нельзя обойтись меньше, чем 25 часами (*minimum*), а лучше бы и 30, с тем, чтобы распределить их не меньше, чем на 4 (или 5) недель. Если это оказалось по фин[ансовым] соображениям затруднительным, то я не стану возражать. Во всяком случае, я очень прошу возможно скоро сообщить мне о времени моего приезда, о сроке пребывания, о числе часов и о программе. Кроме того, я очень просил бы, если возможно, приобрести для библиотеки Института книжонку Лаппарана, *la science et l'apologétique* (кажется так) и прислать ее мне на время. Это – курс, читанный им в Кат[олическом] Ин-

ституте, и, наск[олько] я знаю, самое авторитетное изложение ест[ественно]-н[аучной] апологетики, хотя и не полное (был и р[усский] перевод Глаголева²). Другие пособия я расчитываю достать здесь – в частности, вероятно мне удастся познакомиться с совр[еменной] совдепской агитац[ионной] литературой, чему я придаю особенное значение. Должен прибавить, что намеченный выше общий план курса встретил сочувствие и одобрение Н.О. Лосского.

Само собой разумеется, что пребыванием в Париже я хотел бы воспользоваться и для того, чтобы прочесть в Bibl[iotèque] Nat[ionale]³ несколько книг, нужных мне для работы о славянофилах и о Соловьеве, в частности Барда-Дюмулен, у которого Сол[овьев] находил корни Хомяковского учения о Церкви (что мне представляется очень сомнительным). Не знаю, насколько это удастся по условиям акад[емического] преподавания, и можно ли будет прожить в Париже неделю дольше, чем это нужно для чтения курса (вопрос касается ведь и помещения). Впрочем, все это еще далеко впереди. Как видите, я с жаром и вниманием встречаю неожиданное предложение неожиданного курса. И уже им увлекаюсь. Перспектива живого дела очень захватывает, особенно среди теперешнего здешнего солнного угасания.

На днях я был в Эммаусском монастыре и собираюсь с будущей недели систематически заниматься в его библиотеке, где кроме старых книг обнаружил еще нужные мне журналы – Revue Néoscholastique и Revue Thomiste. С Н.О. Лосским мы задумали privatissimum⁴ по изучению точного изложения преп. Иоанна Дамаскина. Меня очень радует живая отзывчивость Лосского. В нем как бы размягчается философская скорлупа. Точно ему становится скучно в его благоустроенной системе. Мои личные занятия идут ни шатко ни валко. Пробую приняться за писание о Соловьеве. При личном свидании я рассчитываю иметь возможность прочесть Вам уже готовые главы. И в ходе работы предо мною обнаруживаются все новые доводы в пользу моего понимания творческого пути и филос[офского] дела Соловьева. В конце концов, для церковного сознания он остается «внешним», как мы его ни любили. Как бы мы ни были (и ни довольны были бы быть) ему благодарны. Все же, он был не церковным мыслителем, а вольным теософом, «дивинистом», как любил себя называть

С. Мартен⁵. И рел[игиозная] метафизика Сол[овьева] есть не филос[офское] исповедание церковного опыта, а умозрительное построение романтической души. Его экклезиология бледна и невыразительна. Я чувствую себя в силах объективно и спокойно оправдать такой приговор.

Прошу передать мой сердечный привет Елене Ивановне⁶ и всем в Академии, кто знает и помнит меня.

Верный и преданный.

Г. Флоровский

3

Praha, Bubeneč Bučkova kv. 597
1926. VIII. 3/16

Дорогой отец Сергий,
Боюсь, что рассердил Вас моим последним письмом. Старался спрятаться за спину Вас[илия] Вас[ильевича], посовещанию с которым писал его. По возвращении своем из Финляндии Вас[илий] Вас[ильевич] сперва смутил меня – сообщением со слов Франка, что распределение филос[офских] предметов опять изменилось, причем меня снова возвращают на введение. Вместе с тем, дошли слухи об избрании Карсавина. Надеюсь, что не по патрологии, п[отому] ч[то] именно с ним мне было бы тяжело иметь непосредственное преподавательское общение. Ужасно неприятно узнавать такие новости из пятых рук... В конце концов, совершенно не можешь распределить своих занятий, и не знаешь даже, что предпринять и задумывать. А, с другой стороны, я считаю себя в каком-то праве испытывать досаду на акад[емическую] канцелярию – я не имею решительно никакого официального уведомления о своем окладе... И, в довершение всего, я не уверен, что своевременно получу визу (для Кс[ении] Ив[ановны]⁷) и смогу вовремя приехать. Вот я должен был написать Вам все то, что написал, и в этом не было с моей стороны никакой притязательности. Надеюсь, что мне больше не придется писать неприятных писем, которые нелегко даются. Хотелось бы писать и думать совсем о другом. И ужасно неприятно казаться каким-то самолюбцем и даже корыстолюбцем, притом во времена смутные...

Мы с нетерпением ждем возвращения Владыки Сергия и результатов епископского совета⁸. Не знаю, насколько тверд и решителен Владыка Евлогий, и насколько тверды и самоотверженны миряне парижские. Долгое замалчивание поселяло повсюду шаткость мнений. Я был у Владыки накануне его отъезда, и из долгой откровенной беседы вынес убеждение, что нет уверенности в правоте нашего дела, что ему чудится какая-то правда на стороне Собора, что ему импонирует число, а потому хочется компромисса. Реальной обстановки Владыка Сергий совсем не представляет и странным образом склонялся видеть во всем только «архиерейскую ссору», которую только и надо уладить. Думаю, что здесь сказались разные влияния и суждения, в которых немалую роль играло несочувствие к Академии и Движению⁹. Не случайно, читая много раз документы, относящиеся к Собору и последующим событиям, Владыку опускал все, что касается Движения в благоприятном смысле. В чем тут дело, до конца мне не ясно. И не это главное, а то, что многие не понимают всей значительности происходящего, недооценивают силы борющихся сил, а потому не идут до конца в своих решениях. Надеюсь, что Архиеп[ископ] Владимир¹⁰ и Владыка Митрополит в этом отношении тверды и проницательны. Во всяком случае, совершенно назрела надобность в пастырском послании. В процессе своих занятий я в последнее время все натыкаюсь на новые и новые темы самого разнообразного характера – и испытываю мутную досаду, что так мало сил систематически привлечено к богословию, а в прежнее время оно настойчиво отводилось в ложное русло. Очень рассчитываю, что отныне мне удастся напряженно работать. В минуты слабости я смущаюсь умственными заботами, но потом гоню их прочь и погружаюсь в работу. Итак, не сердитесь на меня, не забывайте нас в своих молитвах, верю, что, если я достоин служения церковному преподаванию, по милости Божией сложится, как тому надлежит.

Кс[ения] Ив[ановна] передает свой привет. Передайте привет Ел[ене] Ив[ановне].

Преданный и любящий,

Ваш Г. Флоровский

1926. VIII 22 (VIII.4.)

Praha Bubeneč Bučkova kv. 597

Дорогой отец Сергий,

Начинаю с деловых вопросов, о которых вероятно уже писал Вас[илий] Вас[ильевич], так как мы их совместно обсуждали, и то, что я сейчас пишу, порешено нами *in consilio*. Очень прошу Вас поручить Льву Алекс[андровичу]¹¹ или И.А. Лаговскому¹² исполнить мои поручения.

1. Мне до сих пор совершенно неизвестно, в каком размере мне предположено содержание. После того, как В[асилий] В[асильевич] в начале июня, вернувшись из Парижа, сообщил мне цифру в 45 долларов плюс дополнительное вознаграждение за лишний час и семинар, я не получал никаких известий, кроме глухих сведений об экономии и сокращениях. Так как бесспорно я собираюсь менять лучшее на худшее (в матер[иальном] отношении), меня нельзя заподозрить в корыстолюбии, и я могу без особых опасений проявлять повышенный интерес к моему будущему содержанию. Тем более, что я не один, и на мне лежат известные, если не формальные, то моральные, обязательства по отношению к семье Кс[ении] Ив[ановны] (и прямее всего к ее матери). Поэтому есть известный минимум, ниже которого содержание для меня может оказаться неприемлемым. Каков он, можно будет окончательно сказать только на месте. Но и сейчас я очень прошу сообщить мне уже определенные ставки. Кроме того — и этому я придаю решающее значение — мой приезд в Париж осенью технически осуществим только под условием получения здесь, в Праге, сентябрьского оклада по академии в виде аванса, так как оплатить билеты, визы и т. под. из здешнего содержания я решительно не в состоянии.

2. Вас[илий] Вас[ильевич] настойчиво напоминает мне, чтобы я торопился исходатайствованием фран[цузской] визы мне и Ксенье Ив[ановне]. Я писал об этом и Серг[ею] Серг[еевичу]¹³, и Льву Алекс[андровичу], и оба они заверили меня, что все будет сделано. Т[ак] к[ак], с другой стороны, меня приглашают и на апологетический курс, то, надеюсь, что и со стороны о. Липеровского¹⁴ тоже будут приня-

ты соотв[е]тствующие] меры. Тем не менее, я считаю нужным об этом еще и еще напоминать, тем более, что о приглашении меня на чтения на курсах извещения я не получил, и знаю только от Вас[илия] Вас[ильевича], которому об этом писал о. Лев. Между тем, от участия моего в курсах зависит время моего приезда. Как я уже писал, сейчас я предполагаю выехать или 12 сент[ября] н.ст., в воскресенье, или 15-го, в среду. Если бы мне не нужно было читать на курсах, я бы отложил свой отъезд до конца октября, как для сокращения расходов, так и потому, что я могу получить только трехмесячный отпуск, по истечении которого (а это будет во вторую половину декабря) я должен был бы вернуться в Прагу для ликвидации своих дел. Иначе мне не удастся продлить получение своей стипендии в Праге. Прежде чем выяснятся условия парижской жизни и удастся обеспечить себе помещение, окончательный переезд решительно невозможен.

3. Вопрос о квартире представляет для нас исключительную важность. Конечно, решить его можно только на месте Но, во-первых, я очень прошу ко времени нашего приезда Льва Алекс[андровича], Ив[ана] Арк[адьевича] или Сергея Сергеевича нанять для нас подходящую комнату или номер (для двоих), по возможности вблизи подвория. А во-вторых, я считаю нужным подчеркнуть, что в зависимости от квартирного положения находится и самая моя работоспособность. Ибо, как бы я ни готовился сейчас, мне придется готовиться к лекциям на месте, и т[ак] к[ак] у меня будет и сверхсметная работа (эллинист[ическая] философия), мне будет нужно и свободное время и известный уют — своя комната и покой. Иначе, боюсь, выйдет неладно. К тому же, как Вы сами не раз, помнится, мне говорили, я все-таки считаю своим главным делом свою собственную научно-богослов[скую] работу, и потому не считаю себя вправе соответственно ставить себя в условие, заведомо неблагоприятное для нее — в особенности сейчас, когда после временного перерыва я опять чувствую подъем творческого вдохновения. Этот мотив усиливает значение материального вопроса.

4. От С.Л. Франка (как и из Академии) я не имею никаких прямых указаний насчет филос[офского] курса. Знаю

только предположение о поручении мне эллинистической философии, и, ввиду связи этой части курса с патрологией, не возражаю ничего против. Практически, для избежания несоответствия между курсами, я хотел бы поступить так: включить ряд чтений по элл[инистической] философии в виде экскурсов в курс патрологии (в осеннем семестре) при условии дополнительных часов. Ведь затруднительно говорить о Тертулиане не сказавши о (*нефазб.*), об апологетах – прежде чем дана общая характеристика эллинизма, об Александр[ийцах] – не говоря о неоплатонизме. Поэтому я предлагаю такое распределение часов своих в осеннем семестре (в весеннем соотв. изменения):

Апологетика

(Вера и неверие. «Доказательства бытия Божия».) – 2 часа

Патрология

До IV века включительно	– 4 часа
+ эллинистическая философия	– 2 часа
	– 6 часов

Семинар по патрологии – 2 часа

всего 10 (!)

В весеннем полугодии, наоборот:

Апологетика – 4 часа

Патрология – 2 часа и семинар

Ко второму полугодию по апологетике можно отнести несколько справок по истории религии. Если приезд Арсеньева¹⁵ окажется невозможным, подобным образом к обсуждению некоторых вопросов можно присоединить библейские экскурсы (о творении мира, о потопе, о грехопадении, о библ[ейских] чудесах и под.). Вообще, центр тяжести апологетического курса я могу перенести на второе полугодие, а в первом сосредоточиться на патрологии в связи с добавлением эллин[истической] философии, чтобы не разбивать своего внимания. Нужно сказать, что немало трудностей представляется при распределении патролог[ического] материала, который с трудом можно втиснуть в сравнительно недостаточное число часов.

Мне очень неприятно так много писать о делах довольно прозаич[еского] характера, но, надеюсь, вы поймете, что

мною руководят совсем не эгоистич[еские] и корыстные побуждения, а простая осмотрительность.

Вторая половина моего письма будет интереснее. Знакомы ли Вы с Штауденмайером¹⁶, это, по-видимому, очень крупный католич[еский] богослов первой половины XIX в., принадлежавший к той же группе, что Мелер, а впоследствии Деллингер и др. сторонники первой генерации. Обычно его связывают с Шеллингом и затем с О. Гюнтером (тоже очень интересный католич[еский] богослов, особенно развивающий Creationstheorie, его «ереси» были осуждены еще в 40 годах). «Шеллингизм» Штауденмайера требует оговорок и бол (*нерафб.*). Но вот что очень интересно. В 1840 г. вышла его книга (выписывают заглавие полностью: *Die Philosophie des Christenthums oder Metaphysik der Heiligen Schrift als Lehre von den göttlichen Ideen und ihrer Entwicklung in Natur, Geist und Geschichte*, Bd. 1 (и единственный) – Die Lehre von der Idee. In Verbindung mit einer Entwicklungsgeschichte der Ideenlehre und der Lehre vom göttlichen Logos (923 стр)¹⁷. В сущности, это учение о Софии с очень богатым историческим аппаратом, правда имя Софии почти не поминается, оно переведено – Weisheit или подменено Idee. Дополнение представляется незаконченным. Догматика в 4 томах, обнимающая спекулятивное учение о Боге, твари в ее первом облике и обрывающаяся на *Lehre von Abfalle*¹⁸, – христологии нет вовсе, как и учения об искуплении. Большую ценность представляет подстрочный этаж и историч[еские] экскурсы. Спекулятивная сторона тоже очень сильна, несмотря на некоторое многословие. Я очень занят теперь штудированием этих книг. Не стану входить в подробности. Вас, конечно, эти книги очень бы заинтересовали, и, думаю, Вы встретились бы со своими (новыми) мыслями. Со своей стороны я замечу вот что. Как уже давно я говорил, есть два учения о Софии и даже – две Софии, точнее сказать – два образа Софии: истинный и реальный и – мнимый. Во имя первого строились святые храмы в Византии и на Руси. Вторым вдохновлялись Соловьев и его масонские и западные учители, вплоть до гностиков и Филона. Церковной Софии Сол[овьев] вовсе не знал: он знал Софию по Бему и бемистам, по Валентину и Кабале. И эта софиология – еретическая и отреченная. Ту, что Вы на-

ходите у Афанасия, относится к другой Софии. И еще больше о Ней можно найти у Вас[илия] Великого и Григория Нисского, от которых прямой путь к Паламе. И сама терминология (*οὐσία – ἐνέργεια*) ведет свое начало от Вас[илия] Великого. Я не вижу трудностей в этой терминологии. Аристотель тут ни при чем. Основная мысль каппадок[ийского] богословия сводится к отчетливому различению внутри (*не-разб.*) Плеромы, тройственной полностью вседовольной жизни, и это и есть *οὐσία, πέλαγος τῆς οὐσίας* у Дамаскина, — и «вовне» направленной Милости, Благодати, Любви, Деятельности — *Ἐνέργεια*. Весь вопрос (спекулятивно очень трудный) — в этом различии. В изв[естном] смысле, это есть раскрытие самой идеи творения как божественного замысла-изволения о другом, о не-Боге. *Οὐσία*, по В[асилию] Вел[икому] и по Паламе — непостижима и неведома, она — «в свете неприступном». Но «тот же Бог» (выражение Паламы) творит, т.е. полагает другое, и постольку открывается «во всем». Это и есть «Энергия», «Слава», «София», не ипостасное откровение «того же» Бога. Не «существо», не «личность», не «ипостась». Если угодно, да — Божеств[енная] акциденция, но акциденция «того же» Бога или самого Бога. И к этому именно сводится мысль Паламы — ударение на полноте *τῆς θεοτήτος*. Если хотите, София, это *Deus revelatio*, т.е. Благодать. Благодать — это — Бог к миру, *πρός τὸν κόσμον* (а не *πρός τὸν θεόν*, как у Ин. 1:1 о Логосе). София — вечная, ибо есть мысль-изволение Вечного Бога, но она еще мысль-изволение о Времени. На эту тему много у бл. Августина. София — не только мысль, «идея», которая *νοητός*, но и воля, сила... И в Боге нет, у Бога нет невечных сил и волений, но есть воления о времени. София ни в коем случае не есть мир, мир — другое, и по отношению к благодати, и по отношению к своему «первообразу». И потому «предвечность» и «превременность» изволения-мысли о времени не пре времени в вечность. «Иdealное творение», «предвечный совет», *toto genere* отлично от реального творческого *fiat*. София не есть «душа мира». Это отрицательное суждение отличает церковное софиесловие от гностического и (*не-разб.*). София не есть тварный субъект, не есть субстанция или субстрат тварного становления. Это *gratia*, а не *natura*. A *natura* = *creatura*. София — не *creatura*. И вместе с тем не

ипостась, а трисиятельная слава. Знаю, что своими суждениями я порождаю немало недоразумений и вопросов. Но вот что важно, всех этих вопросов Соловьев не видел и даже не подозревал. Думаю, что Е.Н. Труб[ецкой] верно заметил главный провал С[оловьева], но у него не хватило ни опыта, ни богословского развития для того, чтобы ясно выразить свое (*незад.*). Скажу рече, у Соловьева все лишнее, а с тем вместе главного нет вовсе. Просто все на другую тему, и потому не на тему. Все мимо. Думаю, что и Вам Соловьев долго мешал отыскать главное. А для отыскания нужно идти через христологию, а не через тринитологию, ибо только во Христе Иисусе «тройческое явится поклонение». Смысл здесь в том, что только из истории, из историч[еской] эмпирии мы в состоянии понять тварность твари и вечность мысли-воли о твари. При обратном ходе тварь обожествляется, и этот процесс получает не благодатный, а «натуральный» порядок. *Gratia* не расчленяется от *natura*, понимается как *natura naturans*. Тогда уже и вовсе нет «натуры», а зато и «благодать» уже не благодать. Все это, конечно, надо разъяснить лучше. Настаиваю на одном: есть два русла – церковная софиология и гностическая. Сол[овьев] – во втором, а до этого второго церк[овному] богослову (*незад.*) нет дела.

До скорого свидания. Не забывайте о нас. Кс[ения] Ив[ановна] передает привет. Привет Ел[ене] Ив[ановне]. Надеюсь, что все мои тревоги разрешатся, а пожелания исполняются.

Любящий Вас Г. Флоровский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962), протоиерей; историк, философ, педагог, в эмиграции с 1919 г., в 1923–1962 гг. председатель РСХД, с 1926 г. профессор Св.-Сергиевского института, стал священником в 1941 г.

² Богословский Вестник, 1908, т. 2, № 6, с. 221–245. С.С. Глаголев, профессор Московской Духовной Академии, был расстрелян в 1937 г.

³ Национальная Библиотека Франции (Париж).

⁴ в частном порядке, между нами (*лат.*).

⁵ Сен Мартэн (1743–1803), французский философ и богослов, юрист и офицер. Вошел в общество франкмасонов и способствовал распространению во Франции мистицизма Сведенборга.

⁶ Елена Ивановна, жена о. Сергея Булгакова.

⁷ Ксения Ивановна, жена Флоровского, вышивальщица.

⁸ Епископ Сергий (Королев; 1881–1952) был епископом в Праге, в 1945 г., поневоле присоединившись к Московской патриархии, был последовательно переведен в Вену, Берлин и Казань. В 1926 г. митрополит Евлогий прервал общение с Синодом русской заграницей церкви за возвведение, без его согласия, его германского викариатства в самостоятельную епархию.

⁹ Речь идет о так называемой Карловицкой юрисдикции, епископы которой относились отрицательно к Богословскому институту (в те времена называвшемуся Академией) и Русскому Студенческому Христианскому Движению.

¹⁰ Митрополит Владимир (Тихоницкий; 1873–1959), викарный епископ в Ницце, а после смерти митрополита Евлогия — его преемник.

¹¹ Зандер Лев Александрович (1893–1965) — ученик о. Сергея Булгакова, впоследствии философ и богослов, церковно-общественный деятель.

¹² Лаговский Иван Аркадьевич (1889–1941), эмигрировал в 1919 г., с 1926 г. ассистент кафедры психологии и педагогики Св.-Сергиевского богословского института, член центрального секретариата РСХД в Париже; совместно с Н.М. Зерновым был первым соредактором «Вестника РСХД»; в 1933 г. переехал из Парижа в Тарту (Эстония), возглавлял РСХД в Эстонии; после вступления советской армии в Прибалтику был арестован и расстрелян.

¹³ Сергей Сергеевич Безобразов (1892–1965), доцент Св.-Сергиевского института с 1925 г. по кафедре Священного Писания, с 1947 г. — епископ Кассиан, викарий митрополита Владимира.

¹⁴ Отец Лев Липеровский (1887–1963) — ген. секретарь РСХД, в те годы — член комитета по сооружению Сергиевского подворья.

¹⁵ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977), историк религии и культуры, преподавал в Московском университете, в эмиграции с 1920 г., с 1948 г. профессор Св.-Владимирской семинарии в США.

¹⁶ Штаденмайер (Franz Anton Staudenmaier, 1800–1856) — немецкий католический богослов; профессор католического богословия в Гиссене, потом во Фрейбурге.

¹⁷ Философия христианства, или Метафизика Священного Писания как учение о божественных идеях и о их развитии в природе, духе и истории. Том 1 (и единств.) — Учение об идее, в связи с историей развития учения об идеях и учения о божественном Логосе (нем.).

¹⁸ Учение о грехопадении (нем.).

ОЛИВЬЕ КЛЕМАН

А ВЫ ЗА КОГО ПОЧИТАЕТЕ МЕНЯ?*¹

В необъятной и трагичной проблематике отношений между христианством и иудаизмом меня особенно тронула большая статья Колетт Кесслер, опубликованная в «La Croix» 7 сентября 1989 года². В ней поднимается обращенный к христианам волнующий вопрос: кто мы для вас в конечном итоге? Этот вопрос удивительным образом соответствует тому вопросу, который был задан Эли Визелю кардиналом Люстиже: являемся ли мы, христиане, для вас только язычниками?³ Точнее, только ли мы Исаевы?

У меня нет ответов на эти вопросы. Нам прежде всего необходимо долго вслушиваться друг в друга, и некоторые уже начали это делать. И все же в связи с этими вопросами мне хотелось бы высказать несколько замечаний.

Во-первых, во время суда над Иисусом *все* участники драмы — судьи, обвиняемый и его сторонники — были евреями. В то время, писал Пеги, еврейский народ стал «театральной сценой человечества». Стало быть, следует правильно интерпретировать слово «иудей» в Евангелии от Иоанна, окончательная редакция которого, несомненно, сложилась на много позднее очевидного обоснления христиан от иудеев. Несколько лет тому назад в Сенанке⁴, бывшем в ту пору еще мирянским культурным центром, проходили встречи христиан и иудеев⁵. Последние, жаждавшие ближе узнать своих собеседников, попросили прочесть им вечером одно из Евангелий. К несчастью (в самом деле, говорю я, к несчастью), христиане выбрали Евангелие от Иоанна. По мере того как среди прекрасных отрывков о любви гремели ужасные слова против врагов Иисуса — «вы от отца вашего — дьявола» (Ин. 8:44), слушавшие такое евреи впадали в уныние, иные плакали... На самом же деле слово «иудеи» обозначает

* Перевод и комментарии о. Игнатия Крекшина (Тюбинген).

в Евангелии от Иоанна вождей народа, отвергших Иисуса и устроивших против него заговор.

Мы, христиане – или пытающиеся быть таковыми, думаем, что «кенозис», опустошение Бога перед злом мира, является – говоря словами Эммануэля Левинаса – углублением тайны единства Воплощения и Креста⁶. Итак, кто убил Иисуса? Это мы и я. Это мы каждый день сообща совершаем зло, каждый день уничтожаем любовь. Уже одна эта мысль невыносима, ибо она вынуждает нас встать на труднейший путь раскаяния. Поэтому проще всего обвинять других, обвинять евреев. Таким образом, совершилось искажение еще более ужасное: христиане, или, точнее говоря, христианские народы, вместо того чтобы раскрыть евреям образ Распятого, сами их распинают. Где обрести нам реальный образ страдающего Слуги Господня, образ, скорее изуродованный, чем преображеный? Без сомнения, в лицах мучеников и святых, но также в лицах стольких униженных, высмеянных, уничтоженных евреев, начиная с первого Крестового похода до Шоа...

Во время Второй мировой войны в среде русской эмиграции в Париже жили два замечательных человека, между прочим, друзья Николая Бердяева: монахиня в миру мать Мария Скобцова и священник Димитрий Клепинин. Оба они не щадили себя для спасения евреев. Сегодня в честь матери Марии в Израиле, на Аллее праведников посажено дерево⁷. Оба были арестованы и погибли в лагерях; мать Мария, излучавшая свет мира и дружбы, – как, в частности, свидетельствует Жевеньев де Гольль, племянница генерала⁸, заняла место другой женщины в веренице отправляемых в газовые камеры Равенсбрюка⁹. А когда гестапо допрашивало отца Димитрия Клепинина о его интересе к евреям, в своем ответе он ограничился тем, что показал на изображенного на наперсном кресте Распятого и промолвил: «А как вы относитесь к этому Еvreю?»¹⁰

Во-вторых, меня поражает та мощь духовной жизни, которая не переставала оживлять еврейский народ с начала послеевангельской эпохи до наших дней. Это делает очевидным отсталость рассуждений многих старых катехизисов – и даже некоторых Отцов Церкви – об упадке древнего Израиля в пользу Церкви. В наше столетие работы Бубера о хаси-

дизме и его современном возрождении¹¹, а также труды Шолема о великих течениях в еврейской мистике¹² показали, что иудаизм, отличительной чертой которого является мягкость ритуала и строгость морали, не переставал оживляться поразительным напряженным духовным динамизмом тикуна¹³ в духе восстановления гармонии, создаваемой не на далеком от жизни небе, а на исполненной мира и света земле. Современный перевод таких великих текстов, как Зогар¹⁴, показывает нам мистическую мысль, способную одновременно сохранить как непостижимую природу Бога (Эйн-Соф)¹⁵ и его присутствие в тяжелом изгнании (Шхина)¹⁶, так и видеть в любви мужчины и женщины один из возможных путей к Богу, что долгое время оставалось чуждым христианской духовности. Мне вспоминается – а было это в дни моей юности – последний приезд Мартина Бубера в Париж для выступления с лекцией в Сорbonне. Он рассказывал о великих хасидах¹⁷. Один из них говорил: поститься хорошо, но сама святость может быть и в еде, если в ней явлены отблески Шхины, которые есть и в пище земной¹⁸. Другого, известного силой своей молитвы, спросили: По чему – то есть по какому тексту Писания – вы молитесь? И он ответил: по половицам¹⁹. Третий утверждал, что никогда не встречал безнадежно плохого человека. Тогда его приводят в игорный дом, пользующийся очень дурной славой, где всю ночь играет и пьет шпана, готовясь к своим очередным аферам. О какое чудо, воскликнул он! Эти молодые люди способны бодрствовать всю ночь в размышлениях об одном и том же! Ничего не ведая, они таким образом учатся молитве²⁰...

Думаю, что Бубер принадлежит к той плеяде еврейских мыслителей, которые были известны в Центральной Европе и особенно в Германии непосредственно перед катастрофой. Все они были укоренены в традиции и одновременно являлись новаторами. Об этом вспомнил недавно Михаэль Лёви в замечательной книге «Искупление и утопия»²¹, в которой он говорит о Бубере, Розенцвайге, Шолеме, Ландауэре, Фромме и даже Лукаче. Этот так называемый марксист, будучи во время венгерской революции народным комиссаром просвещения²², предписал изучение сказок в школах. Избежав Шoa, он в 1956 г. оказался в окружении советских военных, которые вынудили его «сложить оружие»: он лишь

вынул из кармана ручку и положил ее на стол²³. Все эти мыслители развивали оригинальную мессианскую идею, согласно которой, по словам Розенцвайга, «каждая секунда была малыми вратами, через которые мог войти Мессия»²⁴. Согласно Буберу, Бог дал человеку «мессианскую силу»²⁵, устремленную к последнему Пришествию. Если человек приходит на помощь Богу, то религия является такой же глубиной жизни, как и музыка, которая преображает бренное время в вечность. Густав Ландауэр пришел к выводу, что все следует делать с верой, а не *по* вере²⁶. Религиозная сфера – это не часть культуры, а истина всего сущего, науки, искусства и любви. Как же это близко христианским мыслителям всех конфессий, подобным Тиллиху, Бердяеву, Блонделю или Лабертоньеру!

Конечно, христианского мессианизма не существует. Мы верим, что Мессия уже пришел, но это был «Мессия на выворот» – распятый, Бог, который трансцендирует свою собственную трансценденцию для того, чтобы стать человеком и встретить нас даже во тьме своего отсутствия, тайно воскреснуть и вложить в муки покрытой пеплом и облитой кровью истории угольный жар, который удостоверяет Слово Израиля и дает ему силу все воспламенить. Итак, если нет христианского мессианизма, то тогда должно быть пророчество, и оно уже есть. Ибо Царь пришел, но его оплевали, увенчали терновым венцом и в насмешку облекли в пурпур: *Ecce homo* – в этом сходном с рабом Царе все могут себя узнатъ. Царь пришел, но Его Царство еще не установлено, даже если мы переживаем его в Слове, в евхаристии, в святыни. Евреи – и мы должны быть им благодарны – усиленно напоминают нам о том, что оно *еще не наступило*. Они призывают нас не только к личному спасению, но и к осмыслиению совместной творческой эсхатологии, преображающей мироздание. Мы ожидаем второго Пришествия Мессии, они ожидают его Пришествия (правда, одна еврейская легенда рассказывает, что Мессия, подобно нищему в лохмотьях, уже тайно стоит у врат Рима...)²⁷. Это делает неспокойным наше пребывание в *уже* и мешает нам услаждаться прекрасными песнопениями любви, когда мы забываем о справедливости – о ней настойчиво говорят пророки, она является основой абсолютной трансценденции. Думаю, что мы могли

бы объединиться в этом *полном ожидании*. В нем для «освящения» всего встречаются «Имя», Союз-Завет — в том смысле, в каком его, например, трактует Андре Неер²⁸ — и «богочеловечество» русских религиозных философов.

Темпоральность Бога намного сложнее, чем нам это представляется. В ней меньше последовательности событий, чем их скрещения (да будет мне позволено столь широкое символическое толкование креста). Первый Союз-Завет не завершен, он продолжает нас «нести». Ибо мы, по словам святого Павла, не кто иные, как «дички», привитые к стволу еврейской маслины: «Не ты корень носишь, но корень тебя» (Рим. 11:18). Стойти ли в языческих философиях, за исключением философских систем эпохи относительной евангелизации (как в философии Индии, которая завтра сменит греческую), искать необходимые для выражения Откровения сомнительные средства, будь то античный эллинизм или вчерашняя и современная Германия?.. Уже Отцы Церкви покорвали с греческим мировоззрением, чтобы открыть путь к незыблемости личности, к единству человека в его «сердце», к тому божественному порыву — о чём так прекрасно говорит Клод Виже²⁹, который едва ли вмещался в «естественные» понятия. Нам предстоит продолжить этот процесс, насыщаясь больше чем когда-либо от несущего нас корня. Однако «сок маслины» поступает к нам не только от наших корней. Сегодня он доходит до нас *напрямую*. Всегда живой и живительный, он *перед* нашими глазами, в народе первого Союза-Завета.

В этом народе, повторяю, — и это нам давно пора осознать, «сок маслины» не переставал приносить плоды. Нам необходимо обратиться лицом друг к другу, но, поскольку мы долгое время друг друга не признавали, мы не можем не начать с покаяния. Известен «семейный» образ отношений между христианами и евреями, принадлежащий Розенцвайгу: вот это — старшие сыновья, они особенно близки Отцу, близость их непреложна; а вот на тех, младших братьев, возложена миссия разносить библейскую весть до самых краев земли³⁰. Правда, для Розенцвайга, умершего за несколько месяцев до рокового 1933 года, евреи тем самым были народом внеисторическим и миссия их заключалась именно в разоблачении идолопоклоннических притязаний в истории. По-

сле Шоа история идолопоклонников — а подготовлена она была продолжительной историей христианской идолатрии, которая имеет свои корни не в Евангелии, а в антисемитских убеждениях и предрассудках христиан, — едва ли не кнула в Лету. Однако после основания Израиля как государства евреи стали частью истории. «Революция камней»³¹ ставит вопрос как перед нами, так и перед ними. Ибо евреи прежде всего должны спросить об этом самих себя. И мы прекрасно видим, что они это делают.

В Освенциме, где погибло также много польских католиков, достаточно было бы одного скромного, выгравированного на плите креста. Слишком высокий и массивный крест выглядит притязанием на захват, в то время как крест — для Бога и для нас — означает последнее обнищание. Кроме того, следует заметить, что для евреев крест слишком часто становился мечом³². Так пусть же повсюду в Освенциме тишина сокроет и выразит то, что Шолем передал в молитве, составленной им спустя год после рокового 1933-го:

Так одиноко Откровение сияет
во времени, отвергнувшем тебя.
Твое Ничто лишь опыт выявляет,
что Откровение возможет от тебя³³.

Есть надежда — а она постепенно обретается в обоюдной открытости лицом к лицу благодаря покаянию христиан и доверию евреев, что старшие и младшие сыновья смогут однажды спросить друг друга: «А вы за кого почитаете меня?»³⁴

Вопрос, как известно, заданный Иисусом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Clément O. Mais qui dites-vous que je suis? // Clément O. Anachroniques. Paris, 1990. P. 312–318.

² Колетт Кесслер (Colette Kessler, 1928–2009) — активная участница иудео-христианского диалога. В 1977–2008 гг. была вице-президентом ассоциации «Иудео-христианская дружба во Франции» (L'Amitié Judéo-Chrétienne en France). Она представляла либеральное крыло французского еврейства. Итогом ее многолетней деятельности стала книга: Kessler C. L'éclair de la rencontre. Juifs et chrétiens: ensemble témoins de Dieu. Paris, 2004. Незадолго до своей смерти Кесслер написала статью памяти Клемана — см.: Olivier

Clément (1921–2009), un mystique dans la cité // Sens (Paris), juin 2009. P. 382–384 (перепечатано в: Service Orthodoxe de Presse, № 340, juillet-août 2009).

³ Речь идет об организованной Фредериком Миттераном дискуссии между архиепископом Парижским кардиналом Ж.-М. Люстиже и лауреатом Нобелевской премии мира Э. Визелем, проходившей 14 сентября 1989 г. в прямом эфире французского телеканала Antenne 2 (об этом см.: *Leclerc G. Cardinal J.-M. Lustiger – E. Wiesel: la rencontre providentielle // France Catholique*, № 2222, 15 septembre 1989). Позднее кардинал Люстиже осмыслил опыт иудео-христианского диалога в своей вдохновенной книге «Обетование»: *Lustiger J.-M., cardinal. La Promesse*. Paris, 2002.

⁴ Цистерциансское аббатство Сенанк (*Sénanque*), окруженное живописными лавандовыми полями, было основано в 1148 г. и расположено в департаменте Воклюз в Провансе. Его архитектурный ансамбль сформировался в эпоху классической романики. На протяжении своей истории монастырь неоднократно секуляризировался. С 1988 г. в нем вновь была воссоздана монашеская община — см.: *Morin Sauvade H., Fleischhauer C. Sénanque*, Paris, 2002.

⁵ Имеются в виду проходившие в Сенанке в 1985–1986 гг. летние сессии, посвященные традиции и молитве. Они были организованы ассоциацией «Диалог и союз жизни древа и корня» (*Dialogue et Alliance de Vie de l'Arbre et de la Racine*), основной задачей которой является изучение Слова Божьего.

⁶ Эту концепцию Левинас развел, в частности, в своей статье «Иудаизм и кенозис» (1985), вошедшей в книгу «Час наций», см.: *Levinas E. Judaïsme et Kénose // Levinas E. A l'heure des nations*. Paris, 1988/ P. 133–157.

⁷ В действительности 14 августа 1987 г. на Аллее праведников в Яд ва-Шем, мемориале памяти жертв Шоа и героизма, расположенному в Иерусалиме, были посажены два дерева: одно в честь матери Марии, другое — в честь о. Димитрия (см. фотографии свидетельств: *Mère Marie Skobtsov. Le sacrement du frère*. Paris—Pully 2001. P. 67; Жизнь и житие священника Димитрия Клепинина (1904–1944), М.—Париж, 2004. С. 200–203). Звание «Праведник народов мира» матери Марии и о. Димитрию было присвоено институтом Яд ва-Шем соответственно 14 января и 16 июля 1985 г. — см.: *Skobtzoff, Élisabeth (mère Marie); Klépinine, père Dimitri // Dictionnaire des Justes de France. Jérusalem—Paris*, 2003. P. 528–529.

⁸ Жевеньев де Гольль-Антониоз (*Geneviève de Gaulle-Anthonioz*, 1920–2002) — участница французского Сопротивления, соузница матери Марии по Равенсбрюку. Оставила воспоминания о последних днях матери Марии — см.: *De Gaulle G. Mère Marie (1891–1945) // Voix et Visages*, № 102, Janvier-Février. Paris, 1966.

⁹ Одна из неподтвержденных версий смерти матери Марии, наиболее близкая Клеману (подробнее об этом см. мой комментарий к его статье о матери Марии: *Клеман О. В пустыне сердце / // Вестник Русского Христианского Движения, № 196. Париж–Нью-Йорк–Москва, 2010. С. 66, 72.*)

¹⁰ На самом деле о. Димитрий сказал: «А этого Еврея вы знаете?» – см.: Жизнь и житие священника Димитрия Клепинина. С. 26; *Arjakovsky-Klepinine H. Et la vie sera amour. Destin et lettres du père Dimitri Klepinine. Paris–Pully, 2005. P. 140.*

¹¹ История и философия хасидизма интересовала Бубера на протяжении всей его жизни. Он посвятил этой проблеме множество работ, к основным из которых здесь хотелось бы отослать читателя: *Buber M. Die chassidischen Bücher. Berlin [1928]; Id. Der Weg des Menschen nach der chassidischen Lehre. Gütersloh, 1999; Id. Die Erzählungen der Chassidim. Zürich, 1949* (рус. пер.: *Бубер М. Хасидские истории. Первые учителя. М.–Иерусалим, 2006; Id. Хасидские истории. Поздние учителя. М.–Иерусалим, 2009*).

¹² Достаточно вспомнить два фундаментальных исследования Г. Шолема на эту тему: *Scholem G. Major Trends in Jewish Mysticism. New York, 1995* (рус. пер.: *Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.–Иерусалим, 2004*); *Id. Von der mystischen Gestalt der Gottheit: Studien zu Grundbegriffen der Kabbala. Frankfurt am Main, 1977.*

¹³ Шолем определяет процесс тикуна как «восстановление рассеянных огней (restoring the scattered lights) божественного света на их местах» (*Scholem G. Major Trends in Jewish Mysticism. P. 269*).

¹⁴ Подробнейшему анализу книги Зогар («Книга Сияния», конец XIII в.), основного трактата в корпусе каббалистической литературы, посвящены две главы монографии Шолема (*Scholem G. Major Trends in Jewish Mysticism. Pp. 156–243*). Отдельные части книги Зогар изданы по-русски в переводах М. Кравцова и А. Волохонского: *Раби Шимон. Фрагменты из книги Зогар. М., 1994; Блеск. Извлечения из книги «Зогар». М&А, 1994.*

¹⁵ Эйн-Соф трактуется в Каббале как «Бесконечное», «Непостижимое» сокрытого в себе Бога (*Scholem G.. Major Trends in Jewish Mysticism. P. 12, 208, 209*). Уже давно стало общим местом, что каббалистическое учение об Эйн-Соф было воспринято христианской теософской и философской мыслью (достаточно здесь вспомнить имена Якова Бёме и Франца фон Баадера). Концепция непостижимого Божества была разработана и С.Л. Франком, однако вопрос о его знакомстве с каббалистической традицией остается пока открытым и еще нуждается в исследовании (см. особенно: *Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии*

// Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 181–559; богочеловеческий аспект Непостижимого и теодицея Франка исследованы П. Эленом и мною – см.: Ehlen P. Russische Religionsphilosophie im 20. Jahrhundert: Simon L. Frank. Das Gottmenschliche des Menschen. Freiburg/München, 2009; Игнатий (Крекшин). Метафизика зла. Пролегомены к теодицеи в философии позднего С.Л. Франка // Вопросы философии, № 12. М., 2001. С. 128–139; Id. В разломе бытия. Пролегомены к антроподицеи позднего С.Л. Франка // Вопросы философии, № 8. М., 2006. С. 78–92.

¹⁶ Образ Шхины как «Славы Божьей» и как «присутствия и имманентности Бога во всем творении» в каббалистической традиции обогатился представлением о ней как об „общине Израиля“, роде Невидимой Церкви, воплощающей мистическую идею Израиля в его неразрывной связи с Богом, в его блаженстве, но также и в его страдании и изгнании» (*Scholem G. Major Trends in Jewish Mysticism. P. 66, 216, 230*). Этот страдательный, чисто пассивно-женский аспект Шхины обстоятельно разобран в более позднем исследовании Шолема (*Scholem G. Von der mystischen Gestalt der Gottheit. S. 135–191*).

¹⁷ Последний раз Бубер выступал с лекцией в Сорbonne в 1956 г. (см.: *Schaeder G., Martin Buber: A Biographical Sketch // Buber M. The Letters of Martin Buber. New York, 1991. P. 55*). В этой лекции он обращается к своим книгам «Хасидские книги» и «Хасидские истории» (см. прим. 12), что со всей очевидностью следует из приводимых Клеманом отрывков, которые он, впрочем, цитирует не совсем точно.

¹⁸ Хасидское учение о повседневном и деятельном восприятии Бога во всех вещах выявляет не только освящение Богом мира, но и активное участие в этом процессе самого человека. Так «сама еда стала в хасидской жизни сакральным служением: благодаря освященному приятию пищи в животных и растительных существах совершается искупление, возносящее творение к искрам (Шхины. – И.К.). «Поститься не следует, ибо тот, кто ест с достоинством, освобождает упавшие искры, запечатленные в пище и придающие ей аромат и вкус» (*Buber M. Die chassidischen Bücher. S. XVII–XVIII, 350*).

¹⁹ Шнеур Залман из Ляд (1745–1813), пишет Бубер, «спросил однажды сына: “По чему ты молишься?” Сын же, поняв вопрос в том смысле, каков предмет его молитвы, ответил: “По словам изречения: Всякое высокорослое да преклонится предо мною”. Тогда и он спросил отца: “А ты по чему молишься?” Он молвил: “По половине и скамье”» (*Buber M. Die Erzählungen der Chassidim. S. 418*).

²⁰ «Один хасид, – повествует Бубер, – жаловался рабби Вольфу на людей, которые ночами напролет играют в карты. “Это хорошо”,

ответил цадик. — «Как все люди, и они хотят служить Богу, только не знают как. А теперь они учатся бодрствовать и неустанно трудиться. Когда же они достигнут совершенства, останется им только обратиться — и какими служителями Божьими они тогда станут!» (*Buber M. Die Erzählungen der Chassidim.* S. 272).

²¹ Михаэль Лёви (Michael Löwy, род. 1938) — марксистский социолог и философ троцкистского направления. Клеман упоминает его книгу «Искупление и утопия. Анархистский иудаизм в центральной Европе. Исследование избирательного сродства» (*Löwy M. Rédemption et Utopie. Le Judaïsme libertaire en Europe centrale. Une étude d'affinité élective.* Paris, 1988). Лёви усматривает «избирательное сродство» (среди прочего, намекая на название едва ли не лучшего гётеевского романа «*Die Wahlverwandtschaften*»), то есть особый тип диалектического отношения между религиозным мессианизмом М. Бубера, Ф. Розенцвайга, Г. Шолема и Л. Лёвенталя («анархистующие религиозные евреи»), с одной стороны, и анархистским утопизмом Г. Ландауэра, Э. Блоха, Д. Лукача и Э. Фромма («ассимилированные, атеистически-религиозные, анархистские евреи»), с другой. Особый путь эволюции европейской мысли, сходной с названными и одновременно отличной от них, Лёви видит в творчестве Ф. Кафки и особенно В. Беньямина. В своем кратком обзоре европейской мысли Клеман основывается на исследовании Лёви.

²² Дьёрдь Лукач занимал этот пост в коммунистическом правительстве Б. Куна, ненадолго основавшего Венгерскую советскую республику (1919).

²³ Об этом эпизоде из жизни Лукача Клеман читал у Лёви (см.: *Löwy M. Op. cit. P. 8*). Лукач был одним из интеллектуальных лидеров Венгерского восстания 1956 г. и занимал — правда, всего лишь несколько дней — пост министра культуры в правительстве И. Надя. После поражения восстания он был смещён со всех постов и некоторое время подвергался преследованиям. С 1957 г. до своей смерти занимался научной деятельностью.

²⁴ На самом деле эти слова принадлежат не Францу Розенцвайгу, а Вальтеру Беньямину — см.: *Benjamin W. Über den Begriff der Geschichte // Benjamin W. Werke und Nachlaß. Kritische Gesamtausgabe, Bd. 19.* Berlin, 2010. S. 106. В атрибуции этой цитаты Клеман ошибся потому, что Лёви — а именно он, повторяю, был для Клемана основным источником — говорит о почти буквальном совпадении мысли Розенцвайга с тезисом Беньямина (*Löwy M. Op. cit. P. 76*). Вот что в своей книге «Звезда искупления» пишет Розенцвайг о непредсказуемом приближении Царства: «...каждое мгновение должно быть готово принять полноту вечности...» (*Rosenzweig F. Der Stern der Erlösung.* Frankfurt am Main, 1988. P. 254). Во всяком

случае, к какому бы направлению в еврейской мысли ни принадлежали Розенцвайг и Беньямин, их сближает сходное понимание мессианского будущего и грядущего Царства.

²⁵ Согласно Буберу, Иисус был первым, приоткрывшим сокровенную «мессианскую тайну». По сравнению с другими он «был наиболее чистым и законным, наиболее одаренным мессианской силой» (*Buber M. Die chassidischen Bücher. S. XXVIII*). Эта мессианская сила, напишет Беньямин тринацать лет спустя, даже в своей слабости способна преобразить историю в искуплении: «Всем нам, как и вся кому бывшему до нас поколению, дана слабая мессианская сила, на которую претендует прошлое» (*Benjamin W. Über den Begriff der Geschichte. S. 94*). Едва ли этот трудный для понимания отрывок из последнего текста Беньямина «О понятии истории» следует толковать в духе апостола Павла («сила Моя в слабости совершается» – 2 Кор. 12:9), как это делает Дж. Агамбен (*Agamben G. Il Tempo che resta. Un commento alla Lettera ai Romani. Torino, 2000. P. 130*). Однако и интерпретация А. Дойбер-Манковски, усматривающей в идее Беньямина влияние концепции Г. Когена, согласно которой мессианская сила обретается в процессе познания человеческой слабости, тоже не кажется мне достаточно убедительной (см.: *Deuber-Mankowsky A. »...das Bild von Glück, das wir hegen«. Zur messianischen Kraft der Schwäche bei Hermann Cohen, Walter Benjamin und Paulus // Die Entdeckung des Christentums in der Wissenschaft des Judentums*, hrsg. von G.K. Hasselhoff. Berlin/New York, 2010. S. 263–278). «Задешево,— продолжает Беньямин свои размышления,— от этой претензии не отделаться. Исторический материалист знает об этом» (*Benjamin W. Über den Begriff der Geschichte. S. 94*). Мессианизм Беньямина следует, думается мне, рассматривать в аспекте его анархистского утопизма.

²⁶ Здесь Клеман в цитации вновь обращается к Лёви (*Löwy M. Op. cit. P.168*), который в свою очередь отсылает читателя к неопубликованным заметкам Ландауэра «О романтизме» («Über Romantismus»), хранящимся в его архиве в Еврейском университете Иерусалима.

²⁷ Эту легенду о страждущем Мессии, основанную на талмудическом предании III в. (Санхедрин 98а), пытался воплотить Шломо Молхо (до принятия иудаизма – Диогу Пиреш, ок. 1500–1532), кабалист и инициатор мессианского движения, объявивший себя Мессией – см.: *Дубнов С. М. История евреев в Европе от начала их поселения до конца XVIII века. Т. 3: Новое время (XVI–XVII век). Рассеяние сефардов и гегемония ашкеназов, Иерусалим–Москва, 2003. С. 71–75; Oberhängsli-Widmer G. Der leidende Messias in der jüdischen Literatur // Judaica: Beiträge zum Verstehen des Judentums, 54 (1998). Zürich. S. 134–135; Mayer R., Rühle J. Die Geschichte der Messiasse Israels in drei Jahrtausenden. Tübingen, 2002. S. 140.*

²⁸ Андре Неер (André Neher, 1914–1988) – раввин, французский и израильский религиозный философ-экзистенциалист. В частности, разработал концепцию божественного и человеческого сотрудничества (*le contrat divin*), близкую к идеи богочеловечества (см. прежде всего его книгу «Кладезь изгнания. Диалектическое богословие Махарала Пражского»: *Neher A. Le Puits de l'Exil. La théologie dialectique du Maharal de Prague*. Paris, 1962).

²⁹ Клод Виже (Claude Vigée, род. 1921) – французский и израильский поэт, друг М. Бубера и Г. Шолема. Вместе с Клеманом основал в конце 70-х годов «Ассоциацию верующих писателей» (Association des écrivains croyants).

³⁰ Клеман кратко резюмирует мысли Розенцвайга о путях иудейской и христианской веры, изложенные им в третьей части его книги «Звезда искупления» (*Rosenzweig F. Der Stern der Erlösung*. S. 331–422).

³¹ Революцией камней принято называть первую палестинскую интифаду (1987–1991), во время которой палестинцы забрасывали камнями израильтян. Подробнее об интифаде см.: *Gelvin J. L. The Israel-Palestine Conflict. One Hundred Years of War*. Cambridge, 2005, особенно р. 212–221.

³² Клеман имеет в виду возведенный в Освенциме у стен монастыря восьмиметровый крест, что привело в 80–90-е годы к затяжному конфликту между католической Церковью Польши и еврейской общиной.

³³ Стихотворение «Кафкианское» («*Kafka-Gedicht*»), которое Клеман называет молитвой, написано Шолемом 11 августа 1934 г. в связи с перепиской с В. Беньямином. В нем Шолем выражает свою идею о мессианском аспекте творчества Кафки, который сводит Откровение к Ничто. Приведем текст немецкого оригинала, цитируемого Клеманом:

So allein strahlt Offenbarung
in die Zeit, die dich verwarf.
Nur dein Nichts ist die Erfahrung,
die sie von dir haben darf.

Подобный анализ поэзии и поэтики Шолема дан в статье Зигрид Вайгель, см.: *Weigel S. Scholems Gedichte und seine Dichtungstheorie. Klage, Adressierung, Gabe und das Problem einer biblischen Sprache in unserer Zeit // Gerschom Scholem. Literatur und Rhetorik*, hrsg. von S. Mosès und S. Weigel. Köln–Weimar–Wien, 2000. S. 16–47 (цитируемыхый стихотворный отрывок приведен на с. 46).

³⁴ Мф. 16:15; Мк. 8:29; Лк. 9:20.

Симона Вейль

Разные виды приковенной любви к Богу*

Назначение науки – изучение и теоретическое воссоздание мирового строя по отношению к ментальной, психической и телесной структуре человека. Вопреки наивным иллюзиям некоторых ученых, ни использование телескопов или микроскопов, ни употребление алгебраических формул, ни даже презрение к принципу непротиворечивости не позволяют выйти за границы этой структуры. К тому же это и нежелательно. Предмет науки – это присутствие в мире Премудрости, коей все мы братья. Это присутствие Христа в материи, составляющей мир.

Мы сами воссоздаем строй мира в образах на основе данных ограниченных, считанных, строго определенных. Мы легко оперируем этими абстрактными терминами, мыслим их соотношения, что позволяет нам образно, по мере нашего внимания, созерцать необходимость, которая и есть существо мира, но открывающаяся нам лишь на мгновенье.

Созерцание не дается без некоторой доли любви. Созерцание образа мирового строя содержит в себе прикосновение к красоте мира. Красота мира – это строй мира, нами любимого.

Физический труд вводит нас в особый контакт с красотою мира и даже, в лучшие минуты, в такой полный контакт, который не имеет себе равных. Художник, ученый, мыслитель, созерцатель должны реально любоваться вселенной, преодолевать тонкий налет нереальности, ее затемняющий и превращающий ее почти для всех людей, почти во все мгновения нашей жизни, в сновидение или в театральную декорацию. Они должны это делать, но чаще всего не могут.

* Перевод с французского Никиты Струве. Предшествующие главы см. в «Вестнике РХД», № 195, 196 и 197.

Тот, у кого члены изнемогают от усилий рабочего дня, то есть дня, в течение которого он был подвержен материи, имеет в своей плоти, подобно занозе, реальность вселенной. Но ему трудно на нее глядеть и ее полюбить. Если ему это удается, значит, он любит реальность.

Это огромное преимущество, дарованное Богом его беднякам. Но они почти никогда этого не знают. Им этого не говорят. Чрезмерная усталость, выматывающая забота о деньгах и отсутствие настоящей культуры мешают им это видеть. Было бы достаточно изменить нечто в их судьбе, чтобы открыть им доступ к такому сокровищу. Сердце надрывается, когда видишь, как часто было бы людям легко доставить себе подобные сокровища и как они веками об этом не радеют.

В те времена, когда существовала народная цивилизация, от которой мы теперь собираем крохи, как бы в виде музеиных предметов, под именем фольклора, народ, вероятно, имел доступ к этому сокровищу. Об этом же свидетельствует мифология, близкая родственница фольклору, когда вникаешь в ее поэзию. Плотская любовь во всех ее видах, от самой высокой — истинный брак или платоническая любовь — до самой низкой, вплоть до разврата, имеет своим предметом красоту мира. Любовь, обращенная на созерцание неба, полей, моря, гор, на тишину природы, передаваемую в тысяче шорохов, на дуновение ветров, на тепло солнца, эта любовь, которую всякий человек чувствует более или менее смутно в какие-то минуты, она — не полная, страдающая, поскольку она обращена на материю, на вещи, неспособные ей ответствовать. Люди стремятся перенести эту любовь на существо им подобное, способное ответить на любовь, сказать ей «да», отдать себя. Чувство красоты, иной раз связанное с внешним видом человеческого существа, позволяет, хотя бы иллюзорно, этот перенос любви. Но желание само по себе направлено на красоту мира, на красоту вселенной. Этот род переноса и есть то, что выражает литература о любви, начиная с метафор, с самых древних, избитых сравнений в поэзии до тончайших анализов Пруста.

Желание любить в человеке красоту мира есть по сути желание Воплощения. Желание ошибочно мнит, что оно ищет нечто другое. Только Воплощение может его удовлетворить. Совершенно напрасно упрекают иногда мистиков в

том, что они пользуются любовным языком. Они и есть его законные обладатели, остальные имеют лишь право его по-заимствовать.

Если плотская любовь на всех уровнях направлена более или менее к красоте (исключения могут быть только кажущиеся) – это потому, что красота в человеческом существе – в его воображении – нечто равняющееся строю мира. От этого грехи в этой области тяжки. Они оскорбляют Бога именно потому, что душа бессознательно ищет Бога. К тому же они сводятся все к одному: к желанию более или менее обойтись без согласия. Желать обойтись начисто без него – самое ужасающее из преступлений человеческих. Что может быть ужаснее не считаться с согласием того существа, в котором ишешь, пусть того и не зная, нечто равное Богу?

Такое же преступление, хотя и менее страшное, – удовлетвориться согласием, исходящим из нижней или поверхностной области души. Состоится или нет плотское единение, обмен в любви не действителен, если с той или другой стороны согласие не исходит из основного средоточия души, где «да» может только быть вечным. Обязанность брака, в которой в наши времена видят только социальную условность, вписана в самую природу человеческой мысли через сродство между плотской любовью и красотой. Все, что имеет какое-то отношение к красоте, должно быть изъято из бега времени. Красота – вечность в нашем дальнем мире.

Не удивительно, что человек так часто ощущает в искушении чувство абсолюта, бесконечно преодолевающее его и им непреодолимое. Абсолют здесь действительно присутствует. Но ошибается тот, кто думает, что абсолют находится в наслаждении.

Ошибка – следствие одного из основных механизмов человеческой мысли: переноса в воображении. Раб, как о нем сказано у Иова, который после смерти перестает слышать голос хозяина, думает, что этот голос причиняет ему боль. Это так. Голос действительно причиняет ему боль. И, тем не менее, он ошибается. Голос сам по себе не причиняет боль. Но, поскольку он раб, боль и резкость ударов хлыста входят с голосом через слух до глубины души. Он не может этому противиться. Несчастье завязало этот узел.

Таким же образом человек, который мнит, что он находится во власти удовольствия, на самом деле находится во власти того абсолюта, который он в него вложил. Этот абсолют относится к удовольствию, как удары хлыста к голосу хозяина. Но здесь связь абсолюта следствие не несчастия, а изначального преступления идолопоклонства. Апостол Павел указывал на родство между пороком и идолопоклонством.

Тот, кто вложил абсолют в удовольствие, им обязательно повязан. Человек не борется с абсолютом. Кто поместил абсолют вне удовольствия, обладает совершенством умеренности.

Разные виды порока, употребление наркотиков в прямом или метафорическом смысле слова означают поиск состояния, в котором ощутима красота мира. Ошибка заключается именно в поиске особого состояния. Ложная мистика также одно из выражений этого заблуждения. Если заблуждение проникло глубоко в душу, то человек неизбежно от него погибает.

Вообще говоря, все вкусы человека – от самых пагубных до самых невинных, от самых общих до самых причудливых – относятся к ряду обстоятельств, к среде, где ему кажется, что есть доступ к красоте мира. Преимущество того или иного ряда обстоятельств зависит от темперамента, от следов протекшей жизни, от труднопознаваемых причин.

Есть случай, встречающийся нередко, когда чары чувственного удовольствия не приводят к соприкосновению с красотой, а, наоборот, предоставляют от нее убежище.

Душа ищет прикосновения к красоте мира или, на еще более высоком уровне, с Богом, но вместе с тем она от него бежит. Когда душа бежит от чего-либо, это всегда или от ужаса уродства, или от прикосновения к тому, что безусловно чисто. Ибо все, что посредственно, бежит от света, а во всех душах, за исключением тех, что близки к совершенству, всегда имеется немалая доля посредственности. Эта доля паникует всякий раз, как появляется малость чистой красоты, чистого добра, и прячется за плотью, пользуется ей как прикрытием. Как воинствующий народ реально нуждается, чтобы преуспеть в своих завоевательных начинаниях, прикрыть свою агрессию любым предлогом, независимо от качества предлога – оно ему безразлично, так же и посредст-

венная часть души нуждается в самом незначительном предлоге, чтобы бежать от света. Привлекательность удовольствия, страх страдания и подают этот предлог. Опять-таки тут не удовольствие, а абсолют владеет душой, но здесь уже как предмет отвращения, а не как предмет привлекательности. Очень часто в поисках плотского удовольствия оба движения — стремиться к чистой красоте и бежать от нее подальше — сочетаются в неразличимом сплетении.

Так или иначе, в делах людских, какие бы они ни были, всегда наличествует забота о красоте мира, проявленной в более или менее изуродованных или опоганенных образах. Тем самым нет в человеческой жизни области, которая была бы ограничена природой. Сверхприродное тайно присутствует в самых разных видах, как и благодать, и смертный грех.

Между Богом и этими неосознанными, частичными, иной раз преступными поисками, единственный посредник — красота мира. Христианство до конца не воплотится, пока не присоединит к себе мышление стоиков, сыновнюю преданность мирскому граду, нашей здешней родины, то есть вселенной. Когда, по недоразумению, трудно сегодня объяснимому, христианство отрешилось от стоицизма, оно приговорило себя к абстрактной, отъединенной жизни.

Даже самые высокие свершения в поисках красоты, как, например, в искусстве или в науке, не до конца прекрасны. Единственная реальная красота, единственная красота, в которой реально присутствует Бог, — это красота вселенной. Ничто, что меньше вселенной, не является красотой.

Вселенная имеет ту красоту, которая могла бы быть в *совершенном* произведении искусства, если бы таковое могло быть и могло удостоиться этого имени. Она не содержит ничего, что могло бы иметь в себе конечную цель или качественность. Она не имеет конечной цели, иной, чем вселенская красота сама по себе; это основная истина, которую нужно знать касательно вселенной: она совершенно лишена конечной цели. К ней неприменимо понятие конечности, разве что по ошибке или заблуждению.

В стихотворении, когда задаешь себе вопрос, почему иное слово стоит именно в том, а не в другом месте, это значит, что стихотворение не первоклассное или что читатель

ничего в нем не понял. Если можно закономерно сказать, что слово стоит там, где стоит, чтобы выразить какую-то идею, или ради грамматической связи или аллитерации, или ради определенной окраски, или по совокупности разных причин того же рода, это значит, что автор стихов искал эффект, а не следовал вдохновению. В действительно красивом стихотворении единственный ответ сводится к тому, что слово стоит там, где ему надлежало стоять. Доказательство этой закономерности в том, что оно стоит тут и что стихотворение красиво. Стихотворение красиво, и читатель не желает, чтобы оно было иным.

Так искусство подражает красоте мира. Надлежащая уместность существ, вещей, событий заключается только в том, что они существуют, и в том, что мы не должны желать, чтобы они не существовали или были иными. Такое желание есть нечестие по отношению к нашей вселенской родине, погрешность против любви стоиков к миру. Мы так созданы, что эта любовь возможна: эта возможность и именуется красотой мира.

Вопрос, заданный Бомарше: «Почему эти вещи, а не другие», – не имеет ответа, потому что вселенная не имеет в себе конечной цели. Отсутствие конечной цели – это царство необходимости. Те, кто думает, что догадываются о замыслах Проридения, походят на профессоров, которые за счет красивого стихотворения подвергают его разъясняющему анализу. В искусстве этому царству необходимости соответствуют сопротивление материи и условные законы. Рифма обязывает поэта в выборе слов, навязывает направление, не имеющее никакого отношения к ходу идей. Ее функция в поэзии может походить на функцию несчастья в жизни. Несчастье заставляет нас всей душой почувствовать отсутствие конечной цели.

Если основное направление души – это любовь, то чем больше мы созерцаем необходимость, прижимая к себе, к своей коже, ее жесткость и металлический холод, то тем больше мы приближаемся к красоте вселенной. Это то, что испытывал Иов. Он был столь честен в своем страдании, не допуская ни малейшей мысли, способной исказить ее правду, что Бог снизошел к нему, чтобы открыть ему красоту мира.

Поскольку отсутствие конечной цели, намерения и есть сущность красоты мира, Христос и повелел нам видеть, как дождь и свет нисходят без различия на праведных и на злых. Это напоминает предельный крик Прометея: «Небо, проливающее свет для всех». Платон в «Тимее» нам тоже советует стать, благодаря созерцанию, похожими на красоту мира, похожими на гармонию круговых движений, сменяющих и возвращающих дни и ночи, месяцы, времена года. В этих кругообразных движениях, в их сочетаниях отсутствие интенции и конечной цели очевидно, и потому в них сияет чистая красота. Вселенная — наша родина, поскольку она может быть нами любима, поскольку она красива. Это наша единственная родина в этом мире. В этом суть мысли и мудрости стоиков. Мы имеем небесную родину. Но в известном смысле ее слишком трудно любить, потому что мы ее не знаем; а в другом смысле ее слишком легко любить, поскольку мы себе ее представляем по своей прихоти. Опасность в том, что под этим именем мы можем любить подобие. Сильная любовь к нему делает всякую добродетель легкой, но не очень ценной. Будем любить здешнюю родину. Она реальна; она сопротивляется любви, ее нам дал Бог, чтобы мы ее любили. Он хотел, чтобы любить ее было трудно, но, тем не менее, возможно.

На этом свете мы себя чувствуем чужими, беспочвенными, изгнаниками, подобно Улиссу, проснувшемуся в незнакомой стране и возжелавшему Итаку желанием, раздирающим его душу. Внезапно Афина открыла ему глаза, и он увидел, что он и был в Итаке. Таким же образом всякий человек, который без устали желает свою родину, который не отвлечен от этого желания ни Калипсо, ни Сиренами, вдруг видит, что он находится на своей родине.

Подражание красоте мира, ответ на отсутствие конечной цели, намерения, дискриминации, это и отсутствие намерения в нас самих, это отказ от собственной воли. Быть совершенно послушными — это быть совершенным как совершенен Отец наш небесный.

Среди людей раб не становится похожим на своего владельца, когда его слушается. Наоборот, чем больше он ему подвластен, тем больше расстояние между ним и тем, кто им повелевает.

Совершенно иначе в отношении человека к Богу. Разумное создание становится, поскольку ему возможно, совершенным образом Всемогущего, когда целиком послушено.

Образ Божий в человеке – это нечто связанное с тем, что он личность, но не самый факт этого. Это – способность отказаться от своей личности. Это – послушание. Всякий раз как человек восходит до той степени совершенства, которая делает его, по причастию, существом божественным, в нем появляется нечто безличное, анонимное. Его голос облекается молчанием. Это очевидно в великих произведениях искусства и мысли, в великих делах святых и в их словах.

В каком-то смысле правильно мыслить Бога безличным, в том понимании, что Он – божественный пример личности, которая себя превозмогает в отказе от себя. Мыслить Его как всемогущую личность или, под именем Христа, как человеческое существо – это изымать себя от подлинной любви Бога. Поэтому нужно любить совершенство Отца небесного в равном для всех излиянии солнечного света. Божественный абсолютный образ, самоотречение в нас – это и есть послушание; оно и есть начало творческое, устроившее вселенную. Такова полнота бытия. Поскольку отказ человека быть личностью уподобляет его Богу, так ужасно превращать людей в бездушную материю, ввергая их в несчастье. Вместе с достоинством быть человеческой личностью их лишают возможности от нее отказаться, за исключением тех, кто к этому достаточно подготовлен. Как Бог создал наше независимость, чтобы мы имели возможность от нее отказаться по любви, по той же причине мы должны желать соблюдать независимость наших близких. Тот, кто совершенно послужен, считает крайне ценной возможность свободного выбора в людях.

Нет противоречия между любовью к красоте мира и страданием. Любовь эта не мешает нам страдать за самих себя в несчастии. Она не мешает нам страдать, когда другие несчастны. Она находится в другой плоскости, чем страдание.

Любовь к красоте мира, сама по себе универсальная, влечет за собой любовь вторичную, подвластную основной, ко всем драгоценным вещам, которые злосчастие может уничтожить. Действительно драгоценные вещи составляют ступени к красоте вселенной, приоткрывают ее нам. Кто пошел

дальше вплоть до самой красоты мира, не имеет к ним меньше любви, но зато большую, чем прежде.

В их числе чистые и подлинные достижения в искусстве и науке. Одним словом, это все то, что окутывает поэзией человеческую жизнь во всех общественных слоях. Всякое человеческое существо укоренено в здешнем мире некоей земной поэзией — отсветом небесного света, которая ощущается им более или менее смутно, как его универсальная родина. Несчастие состоит в беспочвенности.

Земные грады, в первую очередь, каждый в зависимости от степени своего совершенства, окутывают поэзией жизнь их жителей. Они — образы и отсвет града мира. Впрочем, чем более они имеют образ нации, чем более они претендуют быть родиной, тем более они уродливы и осквернены. Но разрушать города, вещественно или нравственно, или исключать человеческие существа из них, доводя людей до социальных отбросов, — это уничтожать всякую связь поэзии и любви между человеческими душами и вселенной. Это — насиливо ввергать их в ужасы уродства. Нет большего преступления. Мы все по сообщничеству имеем свою неисчислимую часть в этих преступлениях. Если бы мы это осознавали, мы должны были бы все плакать кровавыми слезами.

Окончание следует.

*К 125-летию со дня рождения
Георгия Петровича Федотова
(1886–1951)*

14 октября исполняется 125 лет со дня рождения выдающегося русского мыслителя, агиографа и религиозного публициста Георгия Петровича Федотова. Он принадлежал к интеллектуальной элите ушедшей России – ученик знаменитого ученого медиевиста Ивана Михайловича Грэвса, он блестательно продолжил изыскания своего учителя. Но жизнь его сложилась так, что в 1925 году он покинул СССР, и вскоре митрополит Евлогий (Георгиевский) предложил ему преподавание в только что созданном Свято-Сергиевском богословском институте. В институте он читал курс лекций по истории западных исповеданий, а также агиологию. Предвоенный период стал для Федотова наиболее плодотворным периодом, когда раскрылись его многочисленные дарования. Он сумел совместить с преподаванием изучение древнерусской святости, и итогом этой многолетней работы явилась монография «Святые Древней Руси». Именно этой книге было суждено первой пробить стену советской цензуры, и в 1990 году она увидела свет в издательстве «Московский рабочий» тиражом в 100 тысяч экземпляров.

Прекрасно помню, какое ошеломление испытывали мы, российские христиане, когда эта книга ненадолго появилась на книжных прилавках и была мгновенно раскуплена.

С 1996 года в России издается Собрание сочинений Г.П. Федотова. Из задуманных двенадцати томов на сегодняшний день издано уже восемь. Впервые на русском языке изданы оба тома «Русской религиозности»,

которые были опубликованы в США на английском языке. Собраны и изданы его статьи американского периода. В двенадцатый том вошли его письма, начиная с 1905 года. Большинство из них не были известны исследователям его творчества. Его переписка с Татьяной Дмитриевой, жившей и трудившейся в Саратове, длившаяся пятнадцать лет, позволяет воссоздать непростой путь формирования его мировоззрения и становления как выдающегося ученого. Культурология Федотова прочно вошла в научный обиход российской науки. Его творчеству посвящено немало научных исследований в самых разных уголках России. Все это свидетельствует о востребованности его прозрений и восприятия прошлого и будущего России. Как и большинство его коллег по Свято-Сергиевскому богословскому институту, Федотов жил и трудился для России. Поэтому так важно, что его творческое наследие постепенно возвращается на Родину.

Прошло всего шестьдесят лет со дня его смерти. Даже по человеческим меркам это немного. Радостно, что его труды не преданы забвению и не пылятся на полках архивов. Важно, что в Москве, в Доме русского зарубежья осенью пройдет научная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Г.П. Федотова. Ожидается, что с докладами на ней выступят не только российские, но и зарубежные ученые, изучающие наследие мыслителя. Это еще раз подтверждает: работы Г.П. Федотова востребованы, они пробуждают мысль, открывают новые горизонты для изучения не только русской культуры, находящейся сегодня в весьма непростом состоянии.

Мы знакомим наших читателей с забытым докладом Г.П. Федотова, который он произнес в 1932 году на одном из заседаний Русского Студенческого Христианского Движения в Париже. Этот доклад был опубликован по записи одного из слушателей в двух номерах «Вестника РСХД» – майском и летнем за этот же год. Проблема христианского гуманизма, которую освещает в своем докладе Георгий Петрович, остается по-прежнему актуальной, и особенно в сегодняшней России, утратившей многие религиозные ориентиры. В библиографии трудов Г.П. Федотова, составленной его вдовой Еленой Николаевной, не указаны четыре его доклада, произнесенные на заседаниях РСХД и опубликованные в «Вестниках» с 1932 по 1935 год. Они вошли в четвертый том Собрания сочинений, который, как мы надеемся, увидит свет к юбилею Г.П. Федотова.

С.С. Бычков, доктор исторических наук

О христианском гуманизме

(Запись беседы Г.П. Федотова
в «Воскресном собрании»)*

Для большинства наших современников христианство и гуманизм представляются чем-то несовместимым. Наше православное возрождение отталкивается от гуманизма, утверждает себя как нечто противоположное антихристианскому гуманизму. Поражение гуманизма кажется торжеством христианства и обратно. Гуманизм в эпоху краткого, но бурного существования, действительно, был преимущественно движением антихристианским. Таким он проявил себя не только в XVIII и XIX веках, когда он стал определенно антихристианским, но и в самом первом своем расцвете, в XV столетии он обнаружился как сила отрицательная. Однако можно и должно говорить о гуманизме христианском, ибо гуманизм по своему происхождению есть явление христианское. Антихристианский момент не входит с необходимостью в содержание и сущность гуманизма. Нельзя забывать, что Пушкин, Достоевский были великими гуманистами.

Что такое гуманизм? Гуманизм делает особое ударение на человеке, человеческой личности, человеческом творчестве. Это ударение может быть так сильно, что подчеркивание красоты и достоинства человеческой личности, силы и значения человеческого творчества превращается в удар, направленный против Бога, — человек противополагается Богу. Тогда гуманизм становится безбожием. Но гуманизм может развиваться и внутри религиозной сферы ценностей, может существовать в христианстве. Тогда это ударение на человеке противопоставит человека силам природы, социальному порядку, построенному на порабощении человеческой личности.

* «Вестник РСХД» № 5, май 1932. С. 12–17; № 6–7, июнь–июль 1932. С. 13–17.

Говоря о гуманизме, следует отличать гуманизм творческий и гуманизм каритативный, альтруистический. Они связаны с двумя различными оттенками в понимании человеческой личности. Можно подходить к ней с утверждением силы, красоты, жизни этой человеческой личности — таков гуманизм эпохи Возрождения — или же относиться к человеку, как к существу страдающему и гибнущему, звать к сочувствию, к любви — это гуманизм каритативный, гуманизм сострадания («гуманность»). Каритативный гуманизм не свойственен гуманизму эпохи Возрождения. Последний жесток к человеку. Но Франция 30-х и 40-х годов прошлого века, как Россия в течение всего XIX века, создала литературу преимущественно каритативного гуманизма. Сейчас, когда идет бой против гуманизма, удары направляются и по той, и по другой линии — и против творческого утверждения личности, и против сострадания к человеку. Нашу эпоху характеризуют как эпоху крушения гуманизма. Действительно, удары против гуманизма сыплются со всех сторон. И религиозные, и антирелигиозные течения объединяются в оппозиции против гуманизма. Гуманизм, несомненно, умирает, но смерть его отнюдь не обозначает торжества религии и христианства. На развалинах гуманизма утверждается или стремится утвердить себя культура антигуманистическая, противочеловеческая, но безбожная.

Современная цивилизация пронизана антигуманистическими началами. Они торжествуют в современной технике; они порабощают личность, безмерно усложняют жизнь, развязывают силы природы, прежде служившие человеку и сейчас уже не желающие ему покоряться. XIX век видел в техническом прогрессе путь к комфорту, верил, что благодаря технике жизнь станет удобной и легкой. Но технический прогресс приставил человека к машине, потребовал огромного увеличения энергии, непосильного труда, принес все возрастающее безумие темпов, превратил жизнь и пролетариев, и капиталистов в постоянную тревогу и напряжение.

Искусство есть по преимуществу сфера свободы человека. Но в современном искусстве как раз особенно ясно презрение к человеку. В живописи это сказывается в исчезновении портрета. Гуманистическая эпоха не имела иконы, и портрет был высшим выражением ее живописного идеала,

ее словом о человеке. Портретная живопись достигает предельного совершенства у Веласкеса и Рембрандта. Классический портрет стремился разгадать и рассказать самое заветное, самое глубокое в человеке, запечатлеть человеческое лицо в его индивидуальности. Современный художник трактует лицо как *nature morte*: как сапоги, как кусок мяса; глубина, психическое содержание, стоящее за лицом, сознательно отрицаются; лицо ничего не выражает — это только определенное сочетание плоскостей и линий. В современных исканиях живописи идет борьба против сюжетности, содержания, так как сюжет, содержание — нечто привносимое человеком; единственной темой живописи должно быть пространство и краски. Раньше в центре картины, помимо портрета, стоял человек в отношении к природе (пейзаж), в отношении к окружающей среде (жанр), истории; сейчас — исключительно пространственные формы без всякого психического содержания.

В музыке также борьба с психологизмом. Старая музыка стремилась выразить настроения, чувства. Сейчас открыть в музыкальном произведении молодого художника следы настроений, чувств значит обвинить его в реакционности. Музыка хочет быть чистым искусством звуков и только звуков. Она обращается только к уху и к стоящему за ухом царству звуковых форм, может быть, выражимых математически, но лишенных какой бы то ни было связи с чувствами, с радостью и страданием человека.

В философии борьба с человеком, известная под именем борьбы с психологизмом, началась еще задолго до того, как она проникла в сферу искусства. С наибольшей остротой эта философская борьба против человека в философии велась в так называемом неокантианстве. Идеалистическая философия стремится исключить человека как познающую личность и хочет построить мир исходя из самого познания, из чистых форм познания. В стремлении к преодолению психологизма, особенно в научном творчестве, есть правда, которой никто не отрицает. Но нужно признать и то, что в результате преодоления психологизма в мире уже нет места человеку. Природа, минуя человека, соединяется с царством идей, идеи непосредственно и плотно налегают на вещи, и для человека уже не остается места. Душа распалась

на ряд автономных сфер, объективных ценностей — моральных, эстетических и иных, человеческое же «я» стало проблематичным.

Современный человек, особенно молодежь, утверждает себя в спорте. В спорте как будто можно видеть утверждение тела, воскресение идеи гармонического развития тела. Но в действительности и в спорте человек приносится в жертву. Движущим мотивом спорта является совсем не античный идеал гармонически развитого тела. Там, где царит рекордсмен, не может быть и речи о гармоническом развитии. Задача спорта сводится к тому, чтобы добиться от человеческого тела максимального эффекта энергии в каком-нибудь одном направлении — добиться максимальной длины прыжка, максимальной выносливости ног и т.д. Здесь есть какое-то странное соответствие с фабрикой, которая тоже стремится извлечь максимальное количество мускульной силы. Для того чтобы добиться цели, поставить рекорд, человек готов изуродовать себя. Человеческая личность приносится в жертву случайной задаче, интересы человека отрицаются во имя интересов коллектива — «команды», «клуба» и т. д. Судьба спортсмена глубоко трагична — он, в конце концов, обречен на то, чтобы надорваться, погибнуть в достижении рекорда. Можно было бы подумать, что спортсмены одержимы жаждой славы... Но ими движет не мотив славы, а стремление к достижению именно объективной цели. Что заставляет предпринимать полеты в стратосферу, рисковать жизнью в автомобильных гонках? Совсем не мотив славы, а нечто иное. Человек и здесь оказывается подчиненным стихии, стихии скорости, пространства или количества вообще.

Одно из характерных явлений нашей эпохи — помрачение любви или даже гибель любви, именно — эротической любви. Животность, чувственность в человеке, конечно, остались, в то время как любование личностью другого, влюбленность, поклонение любимому или любимой отсутствует. Не говорим уже о романтической любви. Не нужно быть романтиком, чтобы знать и чувствовать романтическую любовь. Шекспир не был романтиком и, тем не менее, написал «Ромео и Джульетту». Но именно Ромео и Джульетта невозможны в наше время. Взрывы страстей, доводящие до преступления, происходят и в наше время, но любовь как служе-

ние, как подвиг, когда в расцвете напрягаются все силы души, отмирает.

Православная аскетика говорит о трех сферах в человеческом существе – духе, душе и теле. Для современности характерно именно отмирание человеческой души, отмирание или замирание срединного элемента в человеке, открывающегося преимущественно как начало эмоциональное, чувствующее. Но с эмоциональной стороной связан целый ряд других проявлений человека в области интеллекта и других психических сил. Волевая деятельность человека коренится в духе; она менее всего связана с чувством, поэтому она менее угрожаема; умирает эмоционально-познавательный комплекс, срединная, душевная сфера человека.

Возникает резкое, крайнее развитие полюсов: на одной стороне – грубое одностороннее развитие тела, на другой – крайнее развитие духа. За счет гибнущей духовности развивается не только материализм, но и спиритуализм. Для нашего времени увлечение спортом столь же характерно, как и увлечение ясновидением, умножение всевозможных магов, развитие оккультных учений. С этим связано огромное влияние на современную жизнь индуизма, распространение практики йогов и, с другой стороны, различных систем чисто медицинского применения культуры духа к лечению тела. Почти вся современная медицина приходит к признанию значения духовного начала и к использованию его для лечения тела. Современный человек не раб тела; он сознает свою власть над телом и пользуется ею. То, что раньше казалось чудом, – преодоление духом пространства, духовное видение на расстоянии, и т. д. – становится обычным явлением. Недавно сообщалось о женщине, которая может без аппарата воспринимать волны радио; обилие всевозможных знахарей, предсказателей, ясновидящих свидетельствует о массовом нарастании людей с развившимися силами духа. Человек становится духовно-животным существом без души – страшное сочетание, открывающее возможность необыкновенных уродств и извращений. Тип мага-человека с сильно развитой чувственностью, служащего только своим страстям и вместе служащего им средствами своей незаконно развитой духовной жизни, становится обычным в наше время.

Как же этот разрыв духа и тела оказывается в христианстве? Христианство есть дело богочеловеческое и, следовательно, не может пренебречь душой человека. Но признаки бесчеловечной духовности проникают и в новые христианские воззрения в разных исповеданиях. В протестантстве это с особой силой обнаружилось в бартианстве. В нем очень остр антигуманизм и даже начало бесчеловечности, кальвиновское начало. Кальвин был одним из непримириимых врагов гуманизма. Если обратиться к православной среде, то давно уже ощущается, что наше православное возрождение свернуло на линию антигуманизма. Укажем несколько примеров. Борьба с психологизмом все заметнее проявляется в православной религиозности, и не только в области философии. Сейчас многие из нас не переносят пения и чтения с выражением. Конечно, подчеркнуто выразительное чтение непереносимо, но борьба ведется не с ним, а даже с минимальной степенью выразительности, с наличием некоторого личного лиризма, личных переживаний в оттенках голоса. Многие возмущаются, если священник при совершении литургии чем-нибудь обнаружит свою человечность, проявит свое, личное религиозное вдохновение. Все должно быть овеяно некоторым холодком, проникнуто бесстрастной сдержанностью, все должно быть только объективным выражением идеальной сущности. Разумеется, невозможно требовать, чтобы все и все читали с выражением, но когда боязнь выразительности приводит к деревянному чтению, это ярко выраженный момент антипсихологизма. Человеческое чувство должно звучать в молитве, хотя бы целомудренно приглушенное. Другой пример. Как-то пришлось спросить одного знакомого, стоявшего в очереди у исповеди, у какого священника он думает исповедоваться. Он подчеркнуто холодно ответил: «Я не психологизирую таинства исповеди», — очевидно, разумея под психологизацией установление личного отношения между духовником и исповедником. Вступление в общение с человеком — это психологизм. Конечно, исповедь в своих благодатных дарах от качеств человека-священника не зависит, но отсюда еще далеко до того, чтобы считать нерелигиозным, неправославным наличие личного момента в исповеди, как это прозвучало в ответе моего собеседника. С этой точки зрения, из мо-

литвы должны быть изгнаны слезы, личная молитва, словом, все, имеющее оттенок личного, эмоционального, человеческого. Эти мотивы очень сильны в евразийстве. Евразийство как религиозное течение чрезвычайно интересно именно своей бесчеловечностью. В религиозной жизни евразийство изгоняет всякое волнение, отвергает расправленность души, умиление; в конечном итоге остается только магизм таинств, обрядов, священнодействий. Но антипсихологизм встречается всюду, где религиозная жизнь строится на уставности.

В практике и идеологии современного монашества основное ударение ставится не на борьбу против плоти и телесных искушений, а на борьбу против души и душевности. Если сравнить отеческую проповедь с проповедью наших современников, то окажется, что для современного монашества душа гораздо более страшный враг, чем тело. Телу, наоборот, готовы оказать снисхождение, предоставить некоторые поблажки. Телесные слабости, с точки зрения современного монашества, даже имеют благое значение, могут содействовать развитию смирения. Телесные страсти не так опасны, как душевые, потому что в душе коренится человеческая личность. Такого типа аскетическая проповедь предостерегает и от увлечения любовью к близким, как будто здесь заключается главное искушение для современного человека. Новое аскетическое благочестие имеет жестокий характер: беспощадное к душе, оно беспощадно и к человеческой личности. Проповедники нового христианства с презрением говорят о «розовом христианстве» прошлого, христианстве любви к ближнему. Новое христианство должно быть мистически белым или — что все равно — черным, ибо черный цвет монашества на вершинах должен преложиться в белый. Человеческая личность должна быть принесена в жертву. Она должна быть подвергнута переплавке под высоким давлением, чтобы из нее в белом пламени выплавилось духовное существо, — таков смысл духовной жизни в понимании современной аскетики. Такая духовность безразлично относится к человеческим бедствиям. Она почти не знает сострадания, считает нехристианской борьбу против источников страданий и социальной неправды. Наоборот, новый аскетизм утверждает то, от чего отвращается любовь,

как нечто духовно ценное и значительное. Он утверждает войну, так как она ведет к преодолению гуманизма, розового христианства: в коренном раздвоении она ведет или к просветлению подлинного существа, или к гибели. Этот аскетизм имеет общую привлекательность и для жестоких эстетов типа К. Леонтьева.

Современный идеал христианства есть по преимуществу идеал монашеский. Для монашеского идеала основной смысл и содержание делания – преодоление тела и души во имя обожествления духа. Этот идеал входит и в мирской обиход. Добротолюбие читается очень широко. Начинают знакомиться с христианством, с Христом не по Евангелию, а по Добротолюбию. Нужно учесть во взаимной связи эти два характерных явления современной религиозной жизни – упадок Евангелия и возвышение Добротолюбия. Это и есть наиболее чистое выражение антигуманизма. Наше Студенческое Христианское Движение родилось из изучения Евангелия и несло Евангелие миру, но поэтому оно и «несовременно». Здесь причина холода со стороны некоторых церковных кругов к Движению и, может быть, неудачи евангельских кружков. Люди большого духовного опыта и глубины заявляют иногда, что Евангелие – нечто малоглубокое и неинтересное, что содержание евангельской проповеди так элементарно, что и изучать здесь нечего; иное дело – Добротолюбие. Существенное в Евангелии – не учение Христово, так как в Евангелии оно дано в простейшей, нераскрытой форме, а только Божественная Личность Христа, живущая в Церкви. Аскетическая литература, включая в себя все существенное в Евангелии, дает подлинное, глубокое учение Христа, а не ту детскую пищу, молоко словесное, что дано в Евангелии. Такое отношение к Евангелию, конечно, не проходит даром: оно порождает потускнение Лика Христова.

Можно утверждать, что в русском Православии как ни где был запечатлен Лик Христов, особенно в первые времена христианства на Руси. Но в последние десятилетия Лик Христов в русском Православии тускнеет, и это потускнение по времени совпадает с современным нам православно-церковным возрождением. Все живет – богословская литература, аскетическая жизнь, мистика, но только не опыт созерцания Лика Христова. Богочеловеческая Личность, которая

должна была бы все связывать воедино, исчезает из опыта православно-церковного возрождения. Появились целые богословские системы, где нет ни одной главы, посвященной Христу и искуплению. Прямым последствием этого является для многих невозможность и бессмысленность построения христианской жизни в миру. Как будто для современного церковного возрождения есть один путь, показавший, оправдавший себя, — путь монашества, отрыва от мира. На нем возможны срывы, гибель, но он — единственный путь истинного спасения; вне этого пути все представляется неясным, сомнительным.

Мы часто говорим, что для того, чтобы прекратились войны, революции, трагические конфликты современности, необходимо прежде всего внутреннее, духовное возрождение человека. Однако, если победит антигуманистическое понимание христианства, столь характерное для современности, уврачует ли оно болезни мира? прекратит ли дальнейшее разложение христианского общества?

Если антигуманистическое христианство сурово относится к человеку, то еще более жестоко его отношение к социальному миру. Война не отрицается. Отношение к ней часто бывает положительным, как к школе аскетических добродетелей или как к жестокому лекарству от пороков цивилизации. Человечество уже знало религиозные войны, и на почве антигуманистического христианства возможно возникновение их вновь. Возможно и возрождение инквизиции. Все предпосылки для нее налицо. Раздражение на почве религиозных расхождений возрастает. Католичество никогда принципиально не отказывалось от инквизиции, оно приостановило ее, но весь аппарат ее в полной сохранности и всегда готов начать действовать. В Православии аппарата инквизиции еще нет, но дух ее начинает витать и здесь, а аппарат всегда может быть создан. Антигуманистическое христианство сilitся увести из мира всю святость, предоставить мир в безраздельное обладание зверя. Поляризация мира и есть идеал этого нового христианства, вдохновляющегося Апокалипсисом и Добротолюбием. Замечательно, что Церковь не включила Апокалипсис в число книг, предназначенных для богослужебного употребления, но вопреки мудрой осмотрительности Церкви для антигума-

нистического христианства Апокалипсис, а не Евангелие, становится основной, определяющей книгой. На Апокалипсисе воспитывается и Апокалипсисом питается сознание безнадежности борьбы со злом в мире, и делается соответствующий вывод: задача христианского спасения — извлечение добра, концентрация его на одном полюсе с обречением всего остального на гибель. В апокалиптическом христианстве возрождается концепция манихейства. В противоположность всему нужно утвердить гуманистический смысл христианства, который дан в самом факте и догмате Боговоплощения. В Боговоплощении аскетическое сознание видит преимущественно только один момент — момент истощения, уничижения, «кенозиса» Божества. Но воплощение Христа, будучи уничижением, вольным умалением Бога, есть вместе с тем вознесение человеческого существа, начавшееся обожение человеческой природы. Это с особенной силой раскрыто и утверждено св. Афанасием Великим. В воплощении Христа и в Евангелии величайшее утверждение достоинства человеческой личности. Здесь корни христианского гуманизма. Замечательно, что в Евангелии слово «душа» встречается как раз там, где мы ожидали бы слово «дух». Следовательно, в слове «душа» нет ничего опорочивающего. В учении о взятии креста как условии следования за Христом Спаситель везде говорит о душе, а не о духе. «Кто хочет душу свою спасти, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душа повредит? Или какой выкупаст человек за душу свою» (Мф. 16:25–26)?

В Евангелии душа дана вне расколотости, расщепленности, душевное не противопоставляется духовному, проявления душевности не исключаются из содержания духа, а налицоствует в нем как нечто естественное и должное. Так, не исключены такие «душевые» чувства, как сострадание и сорадование. Христос прослезился над гробом Лазаря, и эти слезы, столь понятные и так много говорящие в плане душевном, возможны ли они в плане духовном, как он мыслится сейчас? Разве в порядке духовном можно оплакивать смерть праведника? Но центр Евангелия — живая, конкретная, духовно-душевная любовь, любовь и к Богу, и к человеку. Любовь к человеку является высшей мерой, решающим мо-

ментом и на Страшном суде. С точки зрения чистой духовности боль о том, что человек голодает, томится в тюрьме, стремление активно помочь ему – только «розовое» христианство. Но Христос судит об этом иначе. Для Церкви одна любовь и показывает настоящее место поста и аскезы. В песнопениях и в уставных чтениях Великого поста Церковь настойчиво внушает, что выше всего любовь к ближнему, что пост не может и не должен становиться поперек любви, превращаться в повод к осуждению.

Первый момент религиозного рождения человека дан в Евангелии, во Христе – Богочеловеке. Но задача христианской человечности оказалась слишком трудной для византийского и средневекового христианства. В классический век аскезы христианское достоинство человека испытывало значительный ущерб. Позвольте остановиться на одной черте в истории христианской иконографии, многозначительной по своему смыслу и последствиям.

Христианский Запад в раннее Средневековье как будто стыдился человечности Христа, стыдился унижения Христа. Благочестие Запада долго не могло освоиться с мыслью о страждущем Христе, отвращалось от распятий, где Христос изображался обнаженным, требовало, чтобы даже на распятии Христос изображался как царь, в короне, с несклоненной головой, без малейших признаков смертного. Евангелие было умалено, религиозность приобрела аскетический и жизненно жестокий характер. Иначе ли было на Востоке?

Византийская культура при всем своем блеске и пышности – одна из самых жестоких культур мира. Для византийских нравов урезание носа и ушей свергнутого императора, ослепление и оскопление военнопленных были обычной мерой. Как могло случиться, что целостная, глубоко-религиозная, бесспорно христианская культура оказалась столь жестокой? Это умаление любви связано с умалением человеческого Лика Хristova. «Пантократор» – Господь Вседержитель – не на земле страдающий, но миром правящий и мир судящий Бог – таков по преимуществу Христос византийцев. Благочестие монашеское ширилось. Линия великих аскетов не прекращалась. Мир преклонялся перед великими подвижниками, искал спасения в культе, но, по-видимому, не

считал особенно нужным для спасения дела любви и милосердия.

На Западе возрождение человека в христианстве началось очень рано – в XII веке. Я полагаю, что огромную роль сыграли здесь Крестовые походы. Тысячи пилигримов посещали места земной жизни Спасителя. Прикосновение к Святой земле расправило сердца, оживило евангельские воспоминания, обновило человеческий Лик Христов. В проповедях и богословских трактатах заметно возрастает значение евангельского Христа. Это изменение отношения ко Христу сначала обнаруживается у второстепенных писателей самого начала XII века, потом у великих, как св. Бернард Клервоский. Чем дальше, тем шире разливается в западном мире евангельская струя. На рубеже XIII века св. Франциск Ассизский предпринимает апостольский подвиг – в нищете и странствованиях проповедует любовь и мир, несет мирянам идеал евангельской жизни. Это было – впервые после целого тысячелетия – как бы новое откровение Евангелия миру. До сих пор Евангелие было только одной из книг, которую цитировали наряду со Второзаконием, Числами и т. д., сейчас оно стало первой среди всех. Но уже у св. Франциска религиозно-этическое откровение Евангелия было связано с эстетически-религиозным приятием мира. Здесь корни христианского гуманизма в широком смысле слова, то есть не только человечности – человеколюбия, но и оправдания человеческого творчества в культуре. Сам Франциск не принимал культуры, как не принимал богатства. Но его духовное движение оплодотворило культуру. Вся жизнь оказалась под творческим воздействием нового христианского гуманизма. Особенно ярко и сильно сказалось это в искусстве. Связь нового искусства с францисканством несомненна. В иссказиях Дуччо, Чимабуэ, Джотто строгость греческих иконных лиц смягчается, нежность и страдание находят отражение в иконе, она очеловечивается. Если бы духовная жизнь позднего Средневековья стояла на уровне этого культурного «гуманистического» цветения, может быть, Возрождение, с которого ведет свое начало новая эпоха человечества, сохранило бы христианский характер. Но в XV веке происходит огромный, катастрофический срыв. В этом срыве повинен, конечно, не явленный по человечеству Лик Христов, а надлом тео-

кратии, преувеличенные, апокалиптические чаяния францисканцев, разочарование в папской Церкви и многое другое. Как бы то ни было, но новое содержание не вместилось в церковной культуре, и урезание красоты человеческой личности нашло себе иную икону — кумиры греческих богов и воскресшую античность. Но и в языческом гуманизме была все же сильна христианская струя. Поэтому и возможны были такие явления, как Амброджио Траверсари, гуманист-аббат, причисленный к лицу святых. В XVI веке орден иезуитов в благочестии св. Франциска Сальского — новое явление христианского гуманизма. Франциск Сальский, получивший классическое образование, пишет для мирян руководство для духовной жизни в миру, определяющее и до сих пор мирское и культурное католическое благочестие.

Обратимся к России. Русское христианство в своем рождении было человечным, по крайней мере в смысле любви и жалости к человеку. В страстотерпцах Борисе и Глебе вчерашим язычникам сразу открылся страдающий и уничиженный Лик Христа. В русском монашестве определяющим является идеал служения любви. В этом отношении исключительное значение имел св. Феодосий Печерский. Феодосий — подлинный монах и аскет, но аскеза у него подчинена любви. Феодосий вывел Печерский монастырь из подземелий, куда укрыл его от мира основатель монастыря Антоний, поставил его рядом с Киевом, чтобы монастырь служил миру. Служение любви, служение миру на долгое время становится основной традицией русского монашества. Она умирает только в XVI–XVII веках, когда возобладало уставно-обрядовое отношение к религиозной жизни.

XIX век в России является веком, когда сияние вековой народной святости в русской культуре, прорвавшись сквозь оболочку рационалистического просвещения, создает творческий христианский гуманизм. Создается литература, которую западный человек воспринимает как насквозь христианскую. Пушкин воспитался на Вольтере, близок к Гёте по своему художественному темпераменту. Но Пушкин — в его лучших произведениях — христианин. Его творчество — живое свидетельство того, что христианство у него в крови, что сам он — зрелый плод тысячелетней мудрости. Достоевский, Гоголь, Толстой — явления той же тысячелетней муд-

ности сердца, она живет в них, говорит через них. Но прививка западного творческого мироотношения к православной человечности создает из русских писателей XIX века христианских гуманистов.

В чем же смысл и задача христианского гуманизма, который должен быть возрожден в наше время, ибо без него духовное возрождение личности не спасет мира? Гуманизм — любовь к душе и культуре души, срединного слоя человека; ее хотят уничтожить, но мы должны сохранить и освятить ее. Но для нашего времени эта всегдашая идея христианского гуманизма принимает особую направленность: она ставит задачу создания христианского общества как общения личностей.

Аскетическое христианство не ставило и не могло поставить такой задачи, ибо в душе, являющейся основой личности, видело предмет искушения. Оно учило скорее защищаться, отъединяться от чужой личности, ибо общение с людьми вызывает страсти. Как вступить с ней в общение — этому оно не учило и не могло учить. Проблема общения была поставлена гуманизмом. Об отношении к личности говорили литература, искусство, светская этика, но в религии эта проблема не заняла достойного места. При евангельском понимании христианства она становится в нем центральной. В аскетическом отшельничестве оказалась нераскрытоей тема любви. Мир, раздираемый противоречиями, ждет от христианства ответа на вопрос о том, как установить общение между людьми. Это общение на религиозной основе возможно лишь тогда, когда мы увидим в ближнем отблеск Лика Христова, будем чтить в ближнем нерукотворную икону Христа. Для современного, бесчеловечного, «духовного» понимания христианства этой задачи не существует. Но вместо прозрения и отрицания грешного образа человека мы должны разглядеть в нем черты его небесного первообраза, Того, Кто «просвещает всякого человека, грядущего в мир».

Г.П. ФЕДОТОВ

Deus sive Amor

Для изучения жизни и творчества Г.П. Федотова за последние годы сделано немало. Важную роль в этом играет публикация источников, содержащих новые данные и позволяющих глубже понять этого оригинального религиозного мыслителя, культуролога, историка и публициста. Важным открытием для исследователей и почитателей его таланта стало издание 12-го тома Собрания сочинений (М., 2008), в который вошли письма Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой*, в которую он был безответно влюблен долгие годы. Они охватывают период с 1905 по 1920 г. и позволяют по-новому увидеть не только отдельные эпизоды его биографии, но и процесс становления его личности в целом. Архивная коллекция Дмитриевых хранится в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ, ф. 745) и содержит как письма, так и сопутствующие им материалы: стихотворения, переводы, наброски философских работ, эссе. Некоторые из них были опубликованы в приложении к упомянутому тому. Однако ряд эссе по техническим причинам не увидел свет. Одно из них предлагается вниманию читателей этого номера журнала. Рукопись не датирована, однако на основе знакомства со всем комплексом документов коллекции можно предположить, что она была написана в период с 1910 по 1912 г. В ней отражается то умонастроение, которое в воспоминаниях Е.Н. Федотовой, предваряющих первый том «Полного собрания статей» Г.П. Федотова, охарактеризовано как манихейство, а точнее может быть определено как антиномическое видение мироустройства.

Публикацию подготовил д.и.н., проф. ПетрГУ А.В. Антощенко.

* * *

Природа, которая тысячию уст открывается перед нами – в цветах и звуках, в боли и наслаждении, пожелала явить

* Подробно их взаимоотношения охарактеризованы в послесловии к публикации писем и в статье: Антощенко А.В. Трагедия Любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008.

нам свое последнее, полное откровение. Как странно, что человечество его не поняло! Вернее, утратило свое первоначальное ясное понимание. Как можно думать, что любовь – один из роскошных цветов его, когда это сама жизнь дерева, его жизненный сок, его тайная душа? Любовь – это «все», в начальном и конечном единстве, любовь – это природа, созерцаемая изнутри нас. Природой мы называем это таинственное «все», как объективное, как мир научного познания. Любовь – субъективное переживание в нас самих. Не называем ли мы его также и Богом, когда хотим в этом субъективном запечатлеть смутно чаемую объективность его жизни? Тогда Бог – не что иное, как синтез природы и любви, которые одно. Deus sive natura sive Amor.

Есть два пути убедиться в тождестве того, что мы называем природой, и любовью. Во-первых, это единственный инстинкт, который не сохраняет, не украшает жизнь, а творит ее. Разрывать всякую связь между чувством и материальным процессом внутри нас мы не смеем. Это значило бы запутаться в бесконечном дуализме. Если нас не прельщают туманные обещания окказионализма и предустановленной гармонии, нам остается только поверить, что между любовью и рождением лежит глубокая внутренняя связь. Вот почему не будет слишком смелым предположить любовь везде, где мы угадываем рождение, творчество, новую жизнь. И если наука разрушила иллюзию абсолютного рождения и в творчестве увидела только трансформацию энергии, не вправе ли и мы видеть любовь во всех движениях энергетических волн? Впрочем, это очень старая истина. Древние прекрасно понимали, что Эрос¹ движет звездами.

Попытаемся теперь распознать любовь. Не определить ее, ибо определения немыслимы для простых элементов чувственного опыта. Объясните Зигфриду², что такое страх. Он поймет его лишь тогда, когда сам испытает. Если нет, напрасны реалистически-точные описания Миме³. Они не научат его даже отличать страх от любви. Но распознать, т[о] е[сть] уметь отличать любовь пережитую от пережитых же чувств страха, ненависти, – попробуем сделать это. Боже, как это трудно. Не благость ли это? Любовь – сострадание, амор – caritos? Дай мне поцеловать глаза твои, милая. Усни на моей груди, беспокойная. Не алчность ли это ненасыт-

ная, что говоришь ты, Платон⁴? Сын скудости и обилия твой Эрос, вечно жаждущий. Дай твои губы, чтобы утолить мою жажду, чтобы, утолив, зажечь новый огонь, не знающий угасления. Зигфрид, что такое любовь? Это страх. Мое сердце бьется тревожно, и я едва смею взглянуть тебе в глаза. Твой голос заставляет меня дрожать. Кто сказал, что любовь и ненависть полярны? Ты, Эмпедокл⁵, подошел к порогу истины, но можешь ли ты отличить любовь от ненависти? Вот я вижу любовника, который открыл красный родник на белой груди и целует его окровавленными, как у тигра, губами. Глупые девочки скажут: это не любовь, а чувственность. Глупые старики скажут: это психическая болезнь. Но мы-то знаем, что высшее в любви – это смерть. Старцы и девочки боятся грозы и прячут голову в подушки, но мы-то благословляем молнии и подставляем им свою грудь. Ударь меня! Сожги меня! Это молитва юношей. Что же такое любовь, когда в ней живут пышность и жадность, жестокость и страх? А разве нет в ней молитвы? Нет тихой печали? Нет шумной радости, минувших песен? Мать любит свое дитя. Пьяница – свое вино. Художник – свое создание. Гражданин – родину. Человек – Бога. Любовник, истинный любовник любит все. Любовь – это одно бесконечное «Да» жизни, восторг ее, приятие ее без выбора, без разделения. Все люблю, все благословляю. Благословляю небо и землю, Бога и дьявола, бурю и ясность, брата-зверя и нежного ангела. Кто это? Франциск Ассизский⁶ или Уитман⁷? Поймите же, что любовь не вносит в жизнь новых начал, не зажигает новых светильников. Но тусклую свечу жизни человека она раздувает в яркое пламя, а то основное, что мы чувствуем в ней, – не что иное, как чувство горения, скорости, Бога. Не так же ли действует и опьянение? Ведь это процесс быстрого сгорания. Вместить разлитые капли благовоний, вместить разлившиеся годы жизни в одно мгновение, в одну каплю эссенции, в одну искру, вспыхнувшую во мраке... Пусть чувство жизни поднимается на недостигнутую еще высоту, чтобы от пламенеющего костра своего зажечь новую, таинственно тлеющую жизнь... Любовь, как и природа, стоит вне добра и зла. Она выводит человека из человеческого, роднит его с богами и сатирами, с землей и небом. В бесконечности, исполненной столкновениями ослепительных миров, в буре

рождений и смерти, где солнце — атомы и души — эфир, кто укажет здесь грань, поставит верх и низ, великое и малое? Здесь место только трепету трезвых и откровенному соединению пьяных любовью.

Великий художник — это тот, кто вечно любит. Он живет великим восторгом перед природой и ничего не отвергает. Он знает страстный зной полдневных объятий Зверя, когда земля дает трещины и одни пресмыкающиеся находят силы любить — в ярости и самоистреблении. Он знает вечную печаль распятых вечером, их грусть о вечном отществии и вечных возвращениях, когда раскрываются глаза влюбленных детей, видящих за дверями смерть. Он знает скрытое сладострастие ночи, этот томящий звук натянутой струны, песню цикад, муки зачатия в хаосе и любовный трепет звезд в холодной бездне черных пространств. Он знает влажную свежесть рассвета, ясные глаза, доверчиво улыбающиеся другу после блаженной ночи, омытые тела, готовые к труду, освященные любовью, песню пахаря на заре. Зерна жизни, брошенные в черное лоно земли. Он все знает: Толстой⁸ и Леонардо да Винчи⁹. Вот почему они благословляют сладострастие насекомых и любовь ангелов.

Что такое религия, как не попытка закрепить навеки достигнутое однажды откровение любви? Религия, как и любовь, — это связь, приобщение к целому, подъем и горение, расторжение проклятия — обособленности, одиночества, собирание себя из рассеянных частей, расплавление на костре мирового огня. Но как слабы, робки попытки религии, если сравнить их с живым горением любви. Благо им, если они, по крайней мере, ясно сознали свое родство и свое призвание, если они поклонились Эросу в природе, веселому и кровавому богу, повелевшему чтить его жертвами всесожжения и вожделением ночного ложа. Горе им, если они подняли руку, чтобы связать всепобеждающего бога. Мы имели несчастье родиться среди людей, которые поклоняются вечерней любви, умирающему закату, тишине распятой плоти, знаменующей вечную смерть. «Предоставьте мертвым погребать своих мертвцев»¹⁰, — сказал Христос. Он мог бы прибавить: «Я пришел погребать живых». Все историческое христианство — это любовь заживо погребенного. И как же отомстил за себя полуденный Эрос своему вечернему брату!

Погасили солнце, но забыли о сладострастии ночи. Ночь отомстила кровью и кострами. Христианство, кормящее своего бога человеческими жертвами, восстановило, казалось, нарушенное равновесие. Полно, так ли? Единый Бог разорван на части, и нет им слияния. Благость и зверство ищут сочетаться в Эросе, но не узнают в своих личинах великого Лика, отталкиваются и проклинают друг друга. Найдут ли они его когда-нибудь? Кто знает? Но в своем одиноком скитании, в своем проклятии враги сохранили, как залог утраченного единства, одно слово, оскверненное, почерневшее от лжи истолкований, но полное тайной власти над людьми: Бог есть любовь.

Deus sive Amor.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эрос (Эрот) – бог любви в древнегреческой мифологии.

² Зигфрид – персонаж цикла эпических сказаний о nibелунгах и написанной на их основе одноименной оперы Р. Вагнера. Главная черта его характера в опере – бесстрашие.

³ Миме – персонаж оперы «Зигфрид», карлик-нибелунг, воспитывавший главного героя и надеявшийся с его помощью овладеть кольцом из золота Рейна, но погибший от его меча. По сюжету оперы в третьем действии яркими описаниями ужаса, который наводит на него шум ночного леса, Миме пытается вызвать у Зигфрида чувство страха в надежде избежать пророчества Вотана, который предсказал ему смерть от меча бесстрашного.

⁴ Платон (428 или 427 до н. э. – 348 или 347 до н. э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

⁵ Эмпедокл (ок. 492 – ок. 432 до н.э.) – древнегреческий философ, поэт, врач, политик и религиозный деятель.

⁶ Франциск Ассизский (Francesco d'Assisi, наст. имя – Джованни Бернардоне) (ок. 1181–1226) – итальянский религиозный деятель, с 1206 г. проповедник евангельской бедности, основатель ордена братьев-миноритов (францисканцев). Канонизирован в 1228 г.

⁷ Уитмен (Whitman) Уолт (1819–1892) – американский поэт, журналист, эссеист. В 1907 г. в России был издан первый перевод сборника его стихов, сделанный К.И. Чуковским. Стихи У. Уитмена переводил на русский язык и друг Г.П. Федотова М.А. Зенкевич.

⁸ Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – писатель. Своими впечатлениями от чтения рассказов, помещенных в первом томе «Посмертные художественные произведения Л.Н. Толстого» (М., 1911), Г.П. Федотов делился в письме к Т.Ю. Дмитриевой: «Толсто-

го я читаю сейчас, и кроме “Купона” мне все очень нравится. Дьявол удивителен именно потому, что он против эпиграфа и против толстовства. Но истинный Толстой сказался в нем так, как давно уже не говорил о себе. Алеша и остальное трогательно и прекрасно. Христианское стремление к жизни в них не убило жизни и не превратилось в проповедь (о езdkе еще не читал)».

⁹ Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) (1452–1519) – итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый и инженер.

¹⁰ Мф. 8:22; Лк. 9:60.

СУДЬБЫ ЦЕРКВИ

Ольга МАРТЫНЕНКО

Советский рай глазами дяди Коли*

Послушание подпольного епископа

27 апреля 2010 года в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» прошла презентация книги, по незатейливому названию которой – «Дядя Коля против» – трудно предположить, что ее автор – один из образованнейших людей нашего времени, знаток древних и современных европейских языков, создатель пятитомного труда «Основы искусства святости»: ему были равно близки вопросы аскетического православия и драматические проблемы окружавшей его действительности. «Дядя Коля» – это известный епископ Варнава (1887–1963), который значительную часть жизни провел отшельником-юродивым в миру, где его и звали по имени, данном при крещении, – Николай. Его «Записные книжки» с 1950 по 1961 год подготовил к печати историк и писатель Павел Проценко.

* Варнава (Беляев), еп. «Дядя Коля» против... Записные книжки епископа Варнавы (Беляева). 1950–1960 / Сост., вступит. очерк, коммент. П.Г. Проценко. Нижний Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2010.

Выпускник Московского литературного института, издавший немало книг о противостоянии личности тоталитарному режиму, Проценко в 1986 году за религиозную и правоохранительную деятельность был приговорен к трем годам заключения, и лишь перемены в стране избавили его от участия лагерника. Судьбой епископа Варнавы (Николая Никаноровича Беляева) он заинтересовался в начале 80-х годов: составил и прокомментировал его «Основы искусства святости», написал биографию владыки «В Небесный Иерусалим. История одного побега», что стало одним из мотивов выдвинутого против него обвинения. С «Записными книжками» епископа и всем его архивом Проценко познакомила келейница Варнавы матушка Серафима: сшитые в шестнадцать тетрадок, они лежали в огромном сундуке, к ним прилагалась шкатулка с драгоценностями, предназначенными для их возможного издания.

С октября 1950 года, говорит составитель, «дядя Коля» начинает заполнять убористым почерком записные книжки, подклеивая к ним газетные вырезки, фотографии, рисунки, чтобы у читателя сложилась наиболее полная картина далеко не самого светлого периода нашей истории.

С раннего детства будущий епископ жил с родителями в подмосковном селе Раменское, ныне получившем статус города; дед его был крепостным крестьянином, отец – старшим слесарем на ткацкой фабрике. Мать – из духовной семьи. Долгожданного сына Николая отдали в гимназию, которую он окончил с золотой медалью и поступил в Московскую Духовную Академию. Начало его жизненного пути совпало с бурным развитием России в конце XIX – начале XX века, пока империя не рухнула в уготованную ей пропасть.

Мне не раз доводилось бывать в этом симпатичном городке с разрисованными многоэтажными домами, а чаще проезжать мимо него по железной дороге. И меня всегда восхищали кирпичные корпуса местной ткацкой фабрики, образец промышленной архитектуры конца XIX века. Увы, скоро от них не останется и следа: на их месте соорудят, как теперь принято, торгово-развлекательный комплекс.

Но епископа, которого вряд ли бы порадовала подобная метаморфоза, это уже не касается. В 1911 году он принял мо-

нашеский постриг с именем Варнавы, подружился с о. Павлом Флоренским, в 1913-м был рукоположен в иеромонахи. После Академии стал преподавать в Нижегородской духовной семинарии, которую после революции благополучно закрыли, а в феврале 1920 года патриарх Тихон назначил Варнаву епископом Вассильсурским, викарием нижегородского архиепископа. В сентябре 1922 года он посетил старцев Зосимовой пустыни, благословивших его на подвиг юродства и на труд об искусстве святости.

Как-то, будучи во Владимире, я разговорилась с одной из его жительниц, которая рассказала мне, как неподалеку от города закрывали женский монастырь (возможно, Спасо-Боголюбский) и какое это было печальное зрелище, когда из него чередой в черном одеянии уходили в неизвестность монахини. Монастырь превратили в музей, а в части зданий разместили приемник для беспризорных. Это вам не торгово-развлекательный комплекс. О том, как обошлись обитатели приемника с древним наследием, свидетельствует письмо, отправленное в 1927 году властям руководителями музея: «К памятнику положительно не стало доступа вследствие невыразимого бесчинства беспризорных... замки на дверях заклеиваются экскрементами, ими же сплошь завалена часовня по соседству, выбита не одна сотня стекол в старинных храмах...» К 1921 году по России было закрыто до 700 монастырей, и в течение 1922–1923 годов, согласно официальным подсчетам, «физически были уничтожены 1962 монаха и 3447 монахинь». В это самое время епископ Варнава и приступает к работе над «Основами искусства святости», обдумывая возможности возрождения порушенной церковной жизни.

Репрессии, как говорится, не заставили себя ждать. В марте 1933 года за создание тайного монастыря и антисоветскую пропаганду среди молодежи владыку приговорили к трем годам лагерей. Милосердное по тем временам наказание епископ отбывал на Алтае. После освобождения в 1936 году жил в Томске, куда еще раньше приехала его духовная дочь Вера Васильевна Ловзанская (она же матушка Серафима). В 1948 году они перебрались в Нижний Новгород, где откопали спрятанные ранее рукописи епископа, а позже – в Киев. На окраине этого города, в полуподвале, неза-

метно для окружающих, и прошли последние пятнадцать лет жизни преосвященного Варнавы. Он постоянно пребывал в молитве, писал летопись трагедии своего народа, «построившего для себя на земле подобия ада». Зато составитель «Записных книжек» это невзрачное жилище, которое посещали немногие верующие, напротив, именует уголком земного рая. Откровенно говоря, без подвижнического труда Павла Проценко, разобравшего и тщательно прокомментировавшего все бумаги епископа, об авторе по имени «дядя Коля» никто бы и не узнал, хотя епископ даже продумал макет своих «Записных книжек» и, по словам дизайнера этого издания Бориса Трофимова, оставил для будущего художника свои заметки об оформлении, которые «хранят тепло его рук». Книга выпущена нижегородским издательством «Христианская библиотека» (директор Вадим Матисов) при поддержке ныне покойных митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Кутепова) и Патриарха Алексия II.

Итак, что за человек предстает перед нами в образе дяди Коли, который против? Да и против чего он, собственно? Ответ дают его записные книжки: против царившей повсеместно фальши, жестокости, лицемерия тех советских, а до 1953 года еще сталинских порядков, проникнуть в суть которых ему помогли проницательный ум и немалое мужество, подкрепленное опытом отсидки, основательная эрудиция, самоирония и чувство юмора, как ни странно, нередкое среди служителей культа. А умение мыслить непредвзято ему было присуще и в самые мрачные годы советского режима.

Народ забалтывают

От своего духовного отца старца Алексия Варнава получил необычное послушание: внимательно изучать умонастроения всех слоев российского общества, быть в курсе новых литературных и научных изысканий, следить за периодической печатью, чтобы со временем выступить в защиту церковного миропонимания. Этому послушанию епископ оставался верен до конца дней.

Болея за свою страну и угнетенный народ, владыка был начисто лишен модного ныне исторического высокомерия: «Раньше говорили (писатели, ученые и прочая высшая ин-

теллигенция), что мы отстали от заграницы на 400 лет. Помоему, больше. На месте Москвы (основанной в 1147 году) еще волки бегали, а в Западной Европе уже существовали университеты... Это тогда, скажу, когда религия делала любого {нашего} мужика философом. А что же теперь? Какую, не говорю — философскую, а просто бытовую, житейскую максиму могут дать (не мужики, нет) ученые, профессора, писатели? И теперь все время народ забалтывают: на телевидении, в кино (широкоэкранном) и во всей культуре, едва-едва скрывая, что {нечего} сказать».

Живя в Киеве, пишет Павел Проценко, владыка положил за правило в воскресные дни пешком совершать паломничество по разоренным святым местам, молясь о городе и его жителях. Он предсказывал, что рано или поздно безбожному правлению придет конец и народ получит доступ к Слову Божьему. В конце 1950-х годов он даже купил две бутылки вина, завещая открыть их, когда советской власти не станет. Правда, замечает Проценко, вино к тому времени выдохлось. Не выдохлось его духовное наследие.

За убийство — семь лет, за анекдот — десять

Практически нет проблемы, которая не попала бы в поле зрения епископа, даже сверхактуальная нынче Катынь. Откуда она там? Оказывается, записывает епископ, «американцы снова подняли так называемое Катынское дело». Добавить к этому он мог только напечатанное в «Правде» 3 марта 1952 года сообщение Чрезвычайной комиссии, свалившей вину за расстрел в Катынском лесу военнопленных польских офицеров на «немецко-фашистских захватчиков». Тем более удручет владыку безжалостное отношение властей к собственным бывшим военнопленным и изувеченным на фронте калекам, вынужденным, надев боевые награды, просить подаяние. Он пишет об униженности женщин, о полуолодном существовании, задавленности и отчаянии бедного люда, среди которого жил. Вот случай, рассказанный кондуктором трамвая: «Пропала служащая. Не выходит день-два на работу. Муж говорит: ушла, не приходила. А, оказывается, он ее убил и спрятал в шкаф. Держал четыре дня. Когда труп нельзя было держать, пришлось самому за-

явить. Ему дали только семь лет за душу человеческую! А за анекдот (с насмешкой над правителями, коммунизмом) – десять дают!» На фоне «восторженного стиля советской журналистики» епископу особенно бросаются в глаза дикие нравы, пьянство, поголовный разврат в рабочих общежитиях, тем паче угодничество обласканных властью писателей и крупных ученых. А неоднократно упоминаемые Варнавой тайные публичные дома для начальства? «Про какую тут “Яму” Куприна говорить! – восклицает владыка и подводит итог: – Снова разливанное море разврата...»

Борьба за мир

Особый предмет его записок – борьба за мир. Свою журналистскую деятельность я начала в Советском Комитете защиты мира и потому к высказываниям владыки на этот счет отнеслась с особым интересом. К пониманию того, что было епископу Варнаве ясно с самого начала – что под борьбой за мир скрывается стремление к мировому господству, я пришла позже, а тогда к таким важным, упоминаемым им иностранным «сторонникам мира», как настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон, немецкий пастор Мартин Нимеллер, бывший узник Заксенхаузена и Даахау, бельгийская общественная деятельница Изабелла Блюм, не говоря уже о нобелевском лауреате Жолио-Кюри, относились с должным пietетом. Хотя и в те времена заметно было, как вокруг этих господ крутились безымянные сотрудники «органов», удачно заманившие в свои сети столь крупную рыбу.

Церковь

Конечно же, владыку Варнаву больше волнует участие официальной Православной Церкви в этих миролюбивых сбоярицах. Он не преминул процитировать выступление на одном из них митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (который, кстати, и подпись свою поставил под сообщением Чрезвычайной комиссии о Катынском деле), «пламенно» зовущего христиан к единству «в борьбе с агрессивными акциями противников мира». Официальная Церковь – отдельная тема его беспокойства: «Архиерей приедет

в мантии к службе, молча ее без проповеди проведет, уедет, послужит на приходе с последующим обедом и выпивкой, западет дачу — и чтобы там овчарка по всем комнатам бегала, для охраны, — вот и все его подвиги». В главке «Участковый о религии» приводятся такие соображения «службиста»: «Теперь Церковь в большом почете и, говорят, обслуживаетя “нами”... Среди священников есть наши агенты... Рассказал о множестве агентов среди верующих».

Доносы

Одно высказывание владыки, касающееся всего советского образа жизни, стоит привести почти целиком: «Некоторые дела носят названия, испокон веков заклейменные (самиими красными) презрением и ненавистью. Таково слово “донос”. Но, оказывается, это хорошая вещь, когда он служит нам на пользу... И поэтому, так как сейчас все построено на доносах, вся жизнь, пришлось для него подыскать какое-то новое наименование, и оно было введено: “сигнал”, “сигналить”... И теперь “сигналят” пионеры и октябрята, весь Союз».

Наука и культура

Небольшая заметка в «Правде» об академике Павлове, который, замечает епископ, до конца жизни был церковным старостой, дает владыке повод для рассуждений о совместимости Библии и научных открытий, что ясно себе представляли уже ученики царской гимназии, которую он окончил. Нельзя, продолжает он, растолковать дикарю евангельскую проповедь о любви к врагам, он и слов-то таких не знает, уверенный, что врага нужно убить и съесть. Но дальше мысль его приобретает парадоксальный оборот: «Если враг не сдается, его уничтожают — ведь это недавно сказал не дикарь, а человек, которым думает хвалиться шестая часть человечества. Или это тоже дикарь?»

Пережив жесточайшую войну и с трудом одолевая разруху, бдительная власть шестой части человечества не допускала ни малейшего отступления от «передового учения». Это касалось и композиторов, призванных «вести неустанную борьбу с реакционными буржуазными влияниями», которые

проявляются — представьте себе — даже в песенном творчестве! Прочитав такое в «Правде», епископ не может удержаться от гневной отповеди: «Почему наши народные песни так неподражаемо задушевны, мелодичны, сердечны? Потому что они были выстраданы тяжелой жизнью... А сатана боится всего этого... И теперь он добился того, что все это ошельмовано, названо “дешевым украшательством”». Его самобытное мышление сказалось и в отношении к Александру Вергинскому, приехавшему в Киев на гастроли, чей романс «Ваши пальцы пахнут ладаном» он увидел в совершенно неожиданном ракурсе: «Романс мне нравится. Именно с точки зрения главного аскетического делания монашества, “памяти смерти”».

Вопреки официозу, епископ ценит современное западное искусство, в частности авангард: «Безусловно, в этом течении есть здоровое зерно, которое люди разглядели только посредством очищающего действия скорбей. Наше же понимание его неглубокое и близорукое». Даже в экстравагантном поведении стиляг, за которыми охотились дружинники, автор «Записок» разглядел ростки нормальной жизни, пробивавшейся сквозь толщу идеологии. Мимо наблюдательного автора не проходят ни поиски молодых поэтов, мечтавших «о необычайной стране, где все идет наоборот», ни, тем более, «дело» Пастернака, вызвавшее, «как по команде, в совгазетах вой и свистопляску... А сам писатель и то, что он создал, отошли уже на задний план».

Идеология

Павел Проценко пишет, что епископ Варнава, как правило, не выносит никаких вердиктов, лишь фиксирует увиденное, и это придает его записям особую убедительность. Из правила бывают исключения.

Вот, например, его отзыв о докладе Хрущева на пленуме ЦК КПСС в марте 1954 года, с религиозной, отмечает он, и просто философской точки зрения: «Советская власть есть наказание, а вместе с тем показательный пример для всего человечества — что бывает с народом, отступившим от заповедей и повелений Божиих. Конечно, люди смотрят на него из партера или с галерки (больше оттуда). И все им кажется

красивым в ярких огнях рампы или рекламы. Но мы, захлебывающиеся в поте и собственной крови, голодные, холодные, преследуемые, безгласные, как овцы, на которых русский народ похож по характеру (тысячу лет воспитываемый Церковью в добродетели послушания, смирения, терпения, он в этом видел свою цель, а если бы был гордым и свободолюбивым, давно бы, как щепку, море гнева народного выкинуло коммунистов), мы видим настоящую жизнь, как она есть...»

Разумеется, дядя Коля против такого верного прислужника партии, как публицист Юрий Жуков, который «в назидание молодежи и будущим внукам» превозносит романтику первых пятилеток. «Пятилетки выполняют ударным трудом в четыре года, — комментирует епископ, — а страна лежит в руинах». Пружинами пресловутого «соцсоревнования» он называет «три страсти, которые свергли сатану с неба: гордость, тщеславие, зависть».

Последняя запись владыки от февраля 1961 года касается повторного закрытия Киево-Печерской Лавры. Первое завершилось к 1930 году, часть братии была вывезена и расстреляна, остальные — заключены в тюрьмы или сосланы. Епископ приводит справку, которая выдавалась ее сотрудникам с предписанием освободить здание (жилплощадь им не предоставлялась), а затем сообщение «Вечернего Киева» о закрытии Лавры якобы в связи «с опасными для богомольцев и туристов оседанием и сдвигами почвы».

Рецепт счастья

Епископ Варнава похоронен на одном из киевских кладбищ, поток паломников к его могиле не иссякает, некоторые даже получают там если не исцеление, то утешение обязательно.

Напоследок еще одно наблюдение-наставление владыки, которое полезно почтче вспоминать и верующему, и неверующему: «Главный корень, который мешает спасению и покаянному подвигу и всей духовной жизни, — это море самооправданий». Сюда же отнесем другое афористическое высказывание Варнавы, которое в наши дни повального блатного засорения русского языка, сравнимого лишь с бесчинствами беспризорников в Спасо-Боголюбском монастыре

ре, звучит особенно злободневно: «Мат — не наследие проклятого прошлого, а естественное порождение безбожного настоящего».

Каков же, по словам епископа, рецепт истинного счастья? «Есть маленькие люди, — убежден он, — которые, сидя в лаборатории, в конторе, на фабрике, в кухне, могут, подобно евангельской вдовице (Лк. 21:3), потратить на сокрушение о грехах всего две-три минуты, даже секунды, и получить утешение и награду в свою меру (Мк. 7:29). Бог награждает этими дарами не голый труд, как таковой, хотя бы и великий, а смирение...»

А.К. КЛЕМЕНТЬЕВ, Т.А. БОГДАНОВА

Крым в 1921 году по письмам учителя Ялтинской мужской гимназии А.В. Попова к родным (Из архива Н.Н. Глубоковского)

Об Александре Васильевиче Попове известно немногое. Родился он в селе Кобыльско-Ильинское Никольского уезда Вологодской губернии, был младшим сыном священника Николо-Ильинской церкви о. Василия Михайловича Попова (15 апреля 1844 – 3 августа 1905)¹ и Анны Никаноровны (6 октября 1843 – 14/27 февраля 1922), рожденной Глубоковской. У Поповых было четверо сыновей – Михаил², Николай, Константин, Александр – и две дочери – Мария, замужем за священником о. Иоанном Быстровым, и Александра, замужем за священником о. Викторином Философовичем Ржаницыным. Все три старших брата Александра стали священниками. В отличие от братьев, Александр после окончания Вологодской духовной семинарии выбрал светскую карьеру и окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Написал более десятка статей для Православной Богословской Энциклопедии, с 1905 г. выходившей под редакцией его дяди – профессора СПбДА Н.Н. Глубоковского. С 1910 г. жил в Ялте, состоял учителем Александровской мужской гимназии.

Первые два письма А.В. Попова адресованы Николаю Никаноровичу Глубоковскому (6 декабря 1863, Кичменгский городок Никольского уезда Вологодской губернии – 18 марта 1937, София), профессору Санкт-Петербургской Духовной Академии, доктору богословия, члену-корреспонденту Императорской Академии наук³. В семье Поповых Н.Н. Глубоковский воспитывался с двухлетнего возраста после смерти своего отца свящ. Никанора Петровича Глубоковского (1819 – 23 февраля 1866), настоятеля Спасо-Преображенского собора Кичменгского городка, что в двадцати верстах

от села Кобыльска. Впоследствии Н.Н. Глубоковский приезжал в Кобыльск, поддерживал с семьей Поповых тесные отношения, проявляя интерес к служебной карьере своих племянников, и состоял с ними в переписке, особенно со старшим — Николаем. Не раз бывал он и в Ялте, куда заезжал на короткое время летом, проездом с Кавказа.

Третье письмо А.В. Попова адресовано брату Константину (10 мая 1875 — 19 октября 1965). К.В. Попов в 1895 г. окончил Вологодскую духовную семинарию, в 1896 г. женился, был рукоположен во диакона и получил назначение в Америку. По приезде рукоположен во священника Крестовоздвиженской церкви Квихпахской православной миссии на Аляске⁴. Как приезжающий священник служил также на приходах в Allegheny Valley, Осцеола Миллс и Филиппсбурге (Пенсильвания). В 1899 г. переведен в Покровскую церковь в Миннеаполис, тогда же назначен ректором и преподавателем Миннеаполисского миссионерского училища, после преобразования училища в 1905 г. в семинарию стал председателем попечительского совета. Совершал многочисленные миссионерские поездки по Америке и Канаде. В 1907 г. вернулся в Россию. Состоял тюремным священником и служил в храме школы для глухонемых в Петрограде. После отъезда Глубоковского с супругой за границу (август 1921 г.) проживал с семьей на его квартире (Петроград, Невский просп. д. 180, кв. 5). В конце декабря 1924 г. приехал к Глубоковскому в Софию⁵, куда привез часть книг из его личной библиотеки, тогда же по поручению Глубоковского перевел с английского языка на русский несколько статей по грамматике греческого языка, которые затем с русского были переведены на болгарский и изданы в 1927 г. в Софии под редакцией Н.Н. Глубоковского⁶. После отъезда в 1924 г. из России служил в различных приходах в Европе, в том же году вернулся в Америку. Служил в Sioux City, в Айове (1928), в Windsor, в Онтарио (1929–1930), в Hartshorne, в Оклахоме (1931) и в Joliet, в Иллинойсе (1931–1945). В последний период жизни состоял членом и затем секретарем Чикагской епархиальной администрации. В мае 1945 г. переведен в Bryte, Chicago, в июле — в Santa Rosa. В марте 1946 г. перешел в юрисдикцию Московского патриархата. Служил в Brookside, в Алабаме, и в San Diego, в Калифорнии. С 12 ноября

1946 г. являлся секретарем митрополичьего совета в Нью-Йорке, а с января 1947 г. до своей отставки в июне того же года был настоятелем собора Св. Николая в Нью-Йорке. Умер в Seattle, штат Вашингтон, где жил после ухода на покой⁷. Написал воспоминания, остающиеся неопубликованными. Автор многих статей в журнале «Наш путь», выходившем в Чикаго.

После отъезда о. Константина с сыном Борисом из России в Ленинграде оставалась его семья, проживавшая в квартире Глубоковского. Жена о. Константина умерла в 1940 г. в Ленинграде. Дочь – Галина Константиновна Фатеева-Попова – в конце 1920-х гг. была преподавателем.

Публикуемые письма относятся к числу немногих сохранившихся письменных свидетельств современников о страшных событиях конца ноября–декабря 1920-го – начала 1921 г., когда тысячи военнослужащих и представителей гражданского населения, волею случая или по собственному недомыслию оказавшихся в смертельных объятиях рожденной многими народной власти, получили возможность в полной мере ощутить декларированные ею равенство и свободу...

Первая серьезная документальная летопись преступлений ЧК против населения России была составлена протоиереем Михаилом Афанасьевичем Польским, умудрившимся в прямом смысле пешком уйти из советского рая и через Персию добраться до Иерусалима. Его двухтомник «Новомученики российские»⁸, посвященный истории уничтожения православных граждан Российской империи, до сего дня остается непревзойденным трудом в этой отрасли новейшей истории нашего отечества. Казалось бы, после выхода этой книги и последовавшего за нею «Архипелага ГУЛаг» А.И. Солженицына сложно поразить читателя, знакомого уже с сущностью советского социалистического режима.

Однако после издания действительно жуткой книги Л.М. Абраменко «Крым. Последняя обитель. 1921–1922», опубликовавшего доступные, однако, несомненно, далеко не полные списки истребленных в первые месяцы советской оккупации Крымского полуострова армейских чинов и гражданских лиц, уже не приходится говорить о каких-либо иных мотивах устроенной резни, кроме ущербно-вырожден-

ческой мести большевицких и иных уголовников, растянувшейся на многие десятилетия.

События, о которых рассказывает автор публикуемых писем, стали убедительной иллюстрацией утверждению, высказанному Н.Н. Глубоковским на страницах берлинского журнала «Двуглавый орел» уже через девять месяцев после получения им писем А.В. Попова: «Если самый большевистский переворот, как не оправдываемый объективно, был делом преступным, то способ его коварного осуществления оказывается уголовно обманным, а в результате вся большевистская власть является несомненно уголовною по самому своему происхождению. Вот почему она является символизациею всего дикого, грубого, зверского, лишенного простой человечности во всех своих проявлениях и олицетворениях. Но какова порода, такова и природа. Уголовное по существу необходимо бывает уголовным и по действию. Отсюда неизбежно, что большевистское правление столь же всецело становится уголовным по своей внутренней конструкции и по окончательному обнаружению»⁹.

Публикуемые письма, как и книга Л.М. Абраменко, имеют весьма важное значение, поскольку являются документальным свидетельством безусловной преступности и противоестественности уже самых первых дней социалистического режима большевиков на крымской земле – тех самых дней, которые и поныне старательно представляются иными бессовестными историками эпохой прекрасного романтического служения светлым идеалам бредового всеобщего равенства и беспробудного счастья... «Итак, – заключал Глубоковский в феврале 1922 г., – весь большевистский государственный символ – целиком преступно уголовный, как выражают уголовное попранье провозглашаемых норм. А такое положение, что уголовно нарушаются собственные государственные догмы, возможно только в уголовном государстве, каким и является большевистская „Совдепия“ по происхождению и функционированию»¹⁰.

Сегодня трудно даже попытаться представить себе, какую же была тогда в действительности повседневная жизнь постепенно превращавшегося в огромную братскую могилу полуострова, оказавшегося во власти самых отпетых из со-

ветских деятелей. Подробности этой безысходно-трагической повседневности и составляют основное содержание публикуемых писем А.В. Попова...

Письма эти, несомненно, сыграли вполне определенную роль в судьбе самого Н.Н. Глубоковского, став дополнительным стимулом в осуществлении его намерения как можно скорее покинуть советскую Россию, где, в городе Уральске, уже погиб его старший брат Александр, который «был захвачен (вместе с шестью другими лучшими гражданами) ворвавшимися в город красными мерзопакостниками, расстрелян на берегу реки, тела всех брошены в воду и не разысканы. Как, что, почему — никто не знает и даже не догадывается, ибо все погибшие безупречны и лично, и граждански (служебно), и политически», после чего для Николая Никаноровича «стала ненавистна [...] самая социалистическая атмосфера, где практикуются и патронируются подобные злодейства, и он ушел, так как всякое существование в Совдепии, созданной усилиями либеральной революции, сделалось абсолютно бессмысленным и ничем не обеспеченным в простом физическом сохранении»¹¹. Уже в первые недели большевистского управления Николай Никанорович безошибочно разглядел характер и перспективы развития новой власти и сразу по пересечении пограничной с Финляндской республикой реки Сестра 7 сентября 1921 г. со всею серьезностью предупреждал современников, что «Россия лишь крупный этап по пути коммунистически-социалистической заразы, несущей с собой смерть и уничтожение для всего высокого и благородного, культурного и чистого... Правда, давно пора ликвидировать это гнусное варварство и покончить с Вальтасаровым пиром коммунистических тварей»¹², — писал Глубоковский и до конца своих дней призывал к разрушению столь опасного для всей христианской цивилизации большевистского государства, обличая лукавство прежних союзников Российской империи,бросивших ее население на произвол наиболее преступного из когда-либо существовавших режимов.

Последствия советской оккупации России Николай Никанорович предсказал тогда же: «Разумеется, этому надо только радоваться, и едва ли кто-нибудь будет сожалеть о том, что социалистический большевизм провалился в тьму

кромешную, уготованную диаволу и злым, коммунистическим ангелам его. Но ведь после этого краха останется социалистически загаженная пустыня, в которой мирные люди будут задыхаться от скопившегося смрада и отравляющих испарений из большевистской бездны»¹³. Сегодня правота его очевидна каждому...

Автографы писем сохраняются в архиве Н.Н. Глубоковского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге (Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 1027) и публикуются впервые. В начале писем в угловых (<>) скобках приводятся пометы Н.Н. Глубоковского о времени их получения.

Письма А.В. Попова Н.Н. Глубоковскому

№ 1

<1921, V, 11 (24) – Вторник. Н. Глубоковский>

8 мая 1921

Дорогой дядя!

Спешу ответить на Ваше письмо, полученное на пасхальной неделе: я справился у д-ра Кувчинского¹⁴ (кстати, он выселен и живет теперь Бульварная ул. д. б. Фольгова¹⁵) о Сергееве Николаевиче¹⁶. С. Н. был арестован еще в конце прошлого года и дальнейшая судьба его неизвестна¹⁷ (об аналогичном случае я писал Конст.[антину] Вас-[ильевич]у¹⁸). Более подробно писать о том, что происходило здесь в ноябре и декабре 1920 г., пока преждевременно, но я думаю, что, не делая выводов из сделанного выше сообщения, следовало бы подготовить отца. Нонна Александр.[овна] и Володя¹⁹ здравствуют; они бывают у Кувчин.[ского]. По его словам, она писала о. протоиерею, но очевидно ее письма не доходили.

Здесь на почве недоедания массовые заболевания цингой. Заболела и Ксения Влад. [имировна]²⁰, пока в начальной форме. Принимаем меры, чтобы болезнь не развилась дальше: покупаем щавель и редис. В общем ничего утешительного тоже сообщить не можем. Не меньше Вас завидуем Николаю Михайловичу и сочувствуем Вашим планам²¹. Считаю

возможным, что письма Николая Вас.[ильевича]²² изъемляются и к Вам не доходят. Мне рассказывали об аналогичных случаях. А главное, пока была возможность, Ник.[олай] Вас.[ильевич] писал мне часто и подробно, чаще, чем я к нему. Видимо, он очень рад был представившейся возможности связать себя с родными. Конечно, и теперь он не отказался бы от удобного случая написать Вам письмо и получить от Вас весточку о родных. Насколько в настоящих условиях могут быть неосновательными предположения, видно из следующего случая. Одна барышня, заброшенная судьбой сюда из Украины, по восстановлении сообщения с Украиной недоумевала, почему не приезжает за ней отец, и тем более была возмущена, когда получила от родных письмо, что отец „хорошо устроился“. Теперь на Пасху за ней приехали и все выяснилось. Отец, оказывается, хорошо устроился... в подвале, куда его посадили и держали 9 месяцев до высылки (?). А родные „страха ради иудейска“ сообщили в такой оригинальной форме, предполагая, что дочь догадается, применительно к тому, что происходило повсеместно... О. Дионисий²³, к сожалению, еще не вернулся и сведений о нем не имеется.

Устали мы здесь очень, измучены, еле ноги волочим, целый день проводим в мелкой борьбе за существование, за кусок хлеба, подобно дикарям. Изнервничались, очерствели, друг другу надоели, ссоримся из-за пустяков, озлобились. Вот когда поистине наблюдаешь кругом себя оскудение братской любви. Смешно. Можно умереть на улице от голода – никто не даст куска хлеба. Доколе все это? Одно утешение – письма и весточки от родных и близких. Ксен.[ия] Влад.[имировна] шлет Вам и Анне Васил.[ьевне]²⁴ сердечный привет. Желаем Вам доброго здоровья и сил пережить настоящее тяжелое время. Да хранит Вас Господь! Привет и пожелания Констант.[ину] Вас-[ильеви]чу с семейством. Любящий Вас и преданный Вам племянник

А.

Р. С. Пишите о переменах, касающихся свободной торговли и т. д. Может быть, тяжелые материальные условия нашего существования дальше изменятся к лучшему. Ведь так дальше жить невозможно.

№ 2

23 мая 1921 г.

<1921, VI, 2 (15) – среда. НГ.>

Дорогой дядя! Все Ваши письма я получил исправно, хотя не всегда в том порядке, в котором Вы их писали. Последнее Ваше письмо от 5 мая получено мною сегодня. Очень сожалею о кончине В.В. Латышева²⁵, столь ревностно и с таким блестящим успехом работавшего в области классической науки. При иных условиях он еще продолжал бы жить и работать во славу классицизма. Вечная ему память! Но все же он скончался, достигнув старости, у него было достаточно времени развернуть все богатство его дарований, раскрыть свое «я». А что сказать о безвременной кончине других, юных и молодых? Я уже писал Вам в прежнем письме о судьбе С.Н. Миловидова. Постараюсь писать с возможным хладнокровием, не вдаваясь по некоторым причинам в оценку происходивших событий. В ноябре и декабре были произведены массовые аресты в нашем городе, причем судьба лиц арестованных и в скором времени не освобожденных официально неизвестна. Их партиями (по 50, по 30 человек и т. д.) отправляли через Шеломе и Верхнюю Аутку на Исар под усиленным конвоем, через несколько часов конвой возвращался, но без арестованных. Проход на Исар до весны был закрыт особыми караулами. Родственники арестованных не могли добиться определенного ответа на вопрос о судьбе несчастных, им отвечали различно: отправлен в Сибирь, в Донбас [sic!] на принуд. [ительные] работы, расстрелян. Последний ответ давался неофициально наиболее настойчивым из просителей, просивших сказать всю правду. К тому же состав органов, осуществлявших на месте принцип красного террора, т. е. Полит-бюро и Особ-отдел'а, все время менялся, отчасти попадал на скамью подсудимых, и новый состав был неосведомлен (или делал вид, что неосведомлен) о деятельности прежнего состава. А главное – «Чрезвычайная тройка», приехавшая с особыми полномочиями из Москвы, производя упрашенный суд и расправу над тысячами граждан в Ялте, уехала в другие города... Еще в свое время ходили ужасные слухи о массовых расстрелах. Ревком особым приказом объявил,

что слухи провокационны и что виновные в распространении их понесут тягчайшее наказание. Но отдельно было опубликовано о некоторых казнях: трое (указаны поименно) расстреляны за хранение огнестрельного оружия²⁶ (револьвера), двое (муж и жена) расстреляны за намерение и попытку бежать за границу... Знакомый врач (он мне лично рассказывал) сидел в подвале, наконец представал пред очи тройки, заседавшей по ночам во дворце эмира Бухар.[ского]²⁷. На допросе выяснилось недоразумение: заполняя анкету и сообщая о своей службе врачом в таком-то полку, врач по ошибке внес эти сведения не в графу о службе в царской армии, как бы следовало, а в графу армии Врангеля. Один из тройки сказал ему: Как вы могли допустить такую ошибку? Она могла стоить Вам жизни. Мы уже заочно присудили Вас к расстрелу и через несколько часов Вас отвели бы на место казни... Теперь вы свободны. Утром он был отпущен, а остальных его сотоварищей по подвалу в то же утро отвели на Исаар, откуда они уже не возвращались и не последовали дальше на Симфер.[ополь] или Бахчисарай. Подвал был очищен с тем, чтобы через несколько часов быть набитым новыми арестованными... Некоторых подробностей, о которых рассказывали жители Верхн.[ей] Аутки и Исара, лучше не писать и не вспоминать, но лично мне они вскрывают всю ужасную правду... К весне что-то закапывали на Исааре. Затем сняли караулы. Часть родственников ходит на предполагаемые свежие братские могилы, украшает их цветами, служит панихиды в церквях о несчастных. Другие не теряют надежды, и к числу их относится жена несчастного С.[ергея] Н.-[иколаеви]ча. Рассуждают так: в числе отправленных из Ялты тройкой в роковых партиях были лица, арестованные из-за пустяков. Неужели и они могли быть расстреляны? Так тройка арестовала и отправила в одной из роковых партий 16 сестер милосердия за то, что они подписали ходатайство за старшую сестру Трубецкую²⁸ (кажется, даже не княгиню), что для суда тройки имело первостепенное значение, и титулованных ни мужчин, ни женщин ныне в Ялте нет: арестована и погибла и престарелая княг.[иня] Барятинская²⁹. Есть еще такая версия: С.[ергей] Н.[иколаевич] был отправлен в одной из последних партий в декабре перед самым отъездом тройки; будто бы все отправленные в первых партиях расстреляны, а от-

правленные в последних уцелели, так как часть местных коммунистов, возмущенная происходившим, телеграфировала в Москву о прекращении массовых расстрелов. Но факт (ужасный факт) тот, что отправленные политическим бюро и особым отделом в Симферополь и Севастополь доходили до этих городов, там разыскивали их родственники по тюрьмам, где они обретались до окончательного суда; да и отправляли их по тем дорогам, которые действительно ведут в эти города. А дорога на Исар и есть дорога только на Исар. По дорогам, ведущим в города, никто не видел партий, направленных тройкой; родственники лиц, арестованных и отправленных тройкой, разыскивали несчастных и по другим городам, главн.[ым] обр.[азом] в Симфер.[ополе] и Севастополе, никаких, ни прямых, ни косвенных указаний о пребывании несчастных в этих городах найти не удалось. Я не сразу решил написать Вам все это; но, думаю, лучше знать всю горькую правду, чем терзаться в ужасных догадках и подозрениях. Впрочем, Вы сообщите бедному отцу, которого мне ужасно жаль, то из моего письма, что найдете возможным. О. Дионисий (Мартыненко), как я уже писал, был арестован накануне Благовещения вместе со своим настоятелем о. Виктором (Баженовым)³⁰, и в Великую Пятницу их отвели в Симферополь, где они доныне содержатся в пересыльной тюрьме. Симферопольские власти их не освобождают по первомайской амнистии, так как они числятся за ялтин.[ским] полит-бюро, последнее не применяет к ним амнистии, так как они находятся в другом городе, и будто бы решение о применении к ним амнистии зависит теперь от Худобокова (?). Так сообщал мне один из сослуживцев. Из того же источника я беру сведения и о том, за что они арестованы. Сначала о. Дионисия и о. Виктора арестовали еще в январе мес.[яце] по обвинению в принадлежности к народно-государ.[ственной] партии и в том, что они состояли членами так называем.[ого] кооператива Пурышкевича [sic!]³¹. Ни то, ни другое обвинение не было ничем доказано, и они были освобождены. Позднее они были обвинены (ссылаясь на тот же источник) в том, что во время «белогвардейщины» они вели знакомство и оживленные сношения с правыми кругами... Сколько времени еще продолжатся страдания несчастного о. Дионисия, ни-

кто этого не может сказать. Ведь арестованных держат здесь в тяжелых условиях, как это видно из дальнейшего.

И до нас дошли реформы. В мае мес.[яце] нас обрадовали сообщением, что учреждается в Ялте «чрезвычайка» взамен политбюро, которые упраздняются (особый отдел, по-видимому, сохраняется, но отношение его к чрезвычайке не выяснено в приказе). По слухам, председатель чека на представление тюремного врача о невозможном содержании арестованных прежними учреждениями заявил, что арестованные впредь будут содержаться в комнатах, а не в подвалах, с правом пользоваться для сна кроватями. (Арестованных раньше бросали в подвалы, не освещаемые дневным светом; напр.[имер] в том доме на Виногр.[адной] ул., где была молочная Гули, арестованных держали в угольной яме; нечастных, которых в подвалах скапливалось по несколько сот без различия пола, так что все не имели возможности на ночь улечься и уснуть на сырую землю, буквально заедали паразиты.)

Нас очень беспокоит сообщение о вашей болезни. Да поможет Вам Бог поскорее оправиться; болеть теперь страшно, ведь нет помощи ниоткуда. К.[сения] В.[ладимировна] оправилась от своего недуга и шлет Вам сердечный привет и пожелания всего доброго. Моя болезнь носит затяжной характер, и конца ей не видится [sic!].

Сердечный привет и благожелания Анне Васильевне, брату³² и его семейству.

Еще раз желаю Вам доброго здоровья.

Сердечно преданный Вам племянник А.

ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 1027. Л. 4-6об.

Письмо А.В. Попова К.В. Попову

11 июня н. ст. 1921

<1921, VI, 14 (27) Понедельник. – Н. Глубоковский>

Дорогой брат!

Третьего дня я получил твою открытку и вижу, что мое письмо, написанное в день Благовещения, к тебе не дошло.

Дошло ли по назначению письмо, адресованное дяде и написанное мною на второй день Пасхи? Попробую написать тебе еще и послать почтой, потому что уезжающие на север писем с собою не берут, так как по дороге производятся обыски именно с целью обнаружения писем, отправляемых не по почте. А как здесь функционирует почта, видно из того, что письмо из Симферополя приходит в Ялту через 2 недели. На случай, если настоящее письмо дойдет до тебя, а предыдущие потеряны, передай дяде относительно С.Н. Милovidова. Он был арестован в ноябре-декабре 1920 г. И затем в одной из партий отправлен по Исарскому шоссе. Дальнейшая судьба их неизвестна. Относительно арестованных и отосланных позднее сведения имеются, но судьба лиц, арестованных полномочной «тройкой» (которая закончила свои действия в Ялте к началу 1921 г.), принципиально хранится в строгой тайне, хотя многочисленные косвенные данные заставляют родственников тех лиц, которые были судимы и не оправданы тройкой, носить траур. Таков мой печальный ответ на запрос дяди.

Занялся я огородом. Участок маленький, но работы много, так как мой компаньон по огороду стар и нередко болеет. Вижу, что потрачу последние силы на эту комбинацию, но какой может быть толк, когда кругом дети и куры. Одно огорчение. Сейчас выяснилось, что один из уезжающих сегодня может взять с собой письмо, хотя он едет не в Питер, а только в Рязань. Но там, на севере, по-видимому почта более налажена и письмо из Рязани скорей придет в Питер, чем из Ялты. Поэтому потороплюсь закончить письмо. Не могу умолчать, но здесь, на южном берегу, очень тревожно. Сообщение по шоссе между Ялтой с одной стороны прервано «зелеными». Последние выставили патрули и заставы, проверяют документы проезжающих с целью изловить коммунистов и евреев, занимают временно ту или другую местность (недавно вывезли казенное имущество из советских имений около Ялты: б. Наташино, б. Таран Канделаки и Никитского имения) и, можно сказать, с суши блокируют Ялту. Из последней уезжают те лица, которым могла бы грозить опасность в случае занятия Ялты зелеными. Недавно вся ялтинская милиция арестована за отказ нести караульную службу на внешней заставе, после того, как один отряд мили-

ционеров вернулся с охранной службы без оружия и без верхнего платья (в одном белье), потеряв одного из своей среды убитым. Говорят, что для борьбы с зелеными присылают сюда буденовцев, но вести борьбу с зелеными в лесах и в горах очень трудно.

В день Вознесения я имел удовольствие видеть служащим в церкви о. Дионисия (Мартыненко). Слава Богу, он амнистирован и вернулся в Ялту свободным гражданином. Я не имел еще возможности поговорить с ним и передать ему привет дяди, но при случае это непременно сделаю. Как здоровье дяди? Нас очень беспокоит его болезнь. Если у него плохо действуют ноги, то не цинга ли это? И как он обходится без посторонней помощи? Ведь нужно убрать комнату, сходить за продуктами, приготовить обед и т. д. Кто делает для него все это? Ужасно теперь положение больного. И мы просим Бога, чтобы Он исцелил болящего и воздвиг его от одра болезни. Передай же дяде наш сердечный привет и желание доброго здоровья. С настоящей оказией я не успею написать ему письмо, но на днях напишу. Кто может, уезжает из Ялты еще по другим основаниям: боятся умереть голодной смертью. Тяжело и грустно. Но не теряю надежды, что еще увидимся в лучших условиях жизни. Усердно кланяемся Людмиле Николаевне, Гале и Боре³³.

Сердечно преданный тебе
брат А.

ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 1027. Л. 1–2 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О священнике В. Попове см.: Знаменательный день в жизни сельского пастыря. СПб., 1902. 96 с. Книга была издана на средства детей о. В. Попова и редактирована Н.Н. Глубоковским. О Н.Н. Глубоковском см.: Богданова Т. А., Клементьев А. К. Уроженец Северной Фиваиды (140 лет со дня рождения Н.Н. Глубоковского) // Православный путь. Джорданвиль. 2003. С. 165–167.

² Михаил Васильевич Попов († 20 октября 1909) после окончания Вологодской духовной семинарии служил священником Моломской Михайло-Архангельской церкви Никольского уезда Вологодской губернии, составил очерк истории этой церкви: Моломская Михайло-Архангельская церковь Вологодской губ. Никольского у. за первый пятнадцатилетний период ее существования (1889–1904

гг.). СПб. 1904. 67 с. В 1904 г. перешел на место отца настоятелем Николо-Ильинского храма в селе Кобыльск. См.: *Глубоковский Н.Н. Священник Михаил Васильевич Попов (Некролог)* // Вологодские Епархиальные ведомости. 1909. № 24, 15 декабря. С. 608–616; 1910. № 5, 1 марта. С. 64–75; № 7, 1 апреля. С. 114–121 и отд. отт.: Вологда. 1910. 54 с.

³ См.: *Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский. Путь церковного ученого*. М., СПб., 2010. 1020 с. *Богданова Т.А., Клементьев А.К. Глубоковский Н.Н.* // Православная Энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 601–610.

⁴ [Глубоковский Н.Н.] Новые православные миссионеры в Северной Америке // Церковный Вестник. 1897. № 1. Стлб. 28.

⁵ См.: *Богданова Т.А., Клементьев А.К. Педагогическая, научно-литературная и церковно-общественная деятельность профессора Н.Н. Глубоковского в Болгарском Царстве* // Доклады от международна научна конференция «В памет на проф. Николай Никанорович Глубоковски (1863–1937)», София, 1908. С. 39–77. Летом 1924 г. Глубоковский обращался к архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру) с просьбой помочь в получении визы для о. К. Попова, а летом 1925 г. – для его сына Бориса, уволенного как сына священника с третьего курса института в Ленинграде и зачисленного к тому времени на третий курс Горной Академии в США. К архиепископу Иоанну обращался непосредственно и сам о. Константин. (Оригиналы писем Глубоковского и о. К. Попова хранятся в архиве архиепископа Иоанна (Поммера): ЛГИА (Рига). Ф. 7131. Оп. 1. № 26. Л. 151–152, 171, 182, 186; № 44. Л. 38, 41, 60; № 27. Л. 27, 28.)

⁶ Граматика на гръцкия библейски език – Ветхи и Нови Завет. Под редакцията на професор д-р Н.Н. Глубоковски. «Университетска библиотека» № 67. Изздание на Соф. университет. Соф. печатн. «Художник». 1927. 115 с.

⁷ Очерк биографии прот. К.В. Попова (Машинопись. Частное собрание. Париж).

⁸ *Польский, прот. Михаил. Новомученики российские*. Джорданвилль. Т. I, 1947. Т. II, 1951.

⁹ *Николай Проворов [Глубоковский Н.Н.]*. Уголовное государство // Двуглавый орел. Берлин. № 26. 15 (28) февраля 1922. С. 11.

¹⁰ *Николай Проворов [Глубоковский Н.Н.]*. Уголовное государство // Двуглавый орел. Берлин. № 26. 15 (28) февраля 1922. С. 9–10.

¹¹ *Н. Проворов [Глубоковский Н.Н.]*. Кому теперь живется весело, счастливо на Руси // Двуглавый орел. Берлин. № 21. 1 (14) декабря 1921. С. 45.

¹² Там же. С. 48.

¹³ *Н. Проворов [Глубоковский Н.Н.]*. Чем же все это кончится? // Двуглавый орел. Берлин. № 19. 1 (14) ноября 1921. С. 11.

¹⁴ Владимир Григорьевич Кувичинский – врач, консультант Ялтинской женской гимназии.

¹⁵ Торговый дом Фольгова с сыновьями – торговля бакалейными, мучными, колониальными, табачными, кондитерскими и гастрономическими изделиями, – существовавший с 1865 г., находился по адресу: Ялта, Бульварная улица, дом 172.

¹⁶ Вероятно, Глубоковский интересовался судьбой Сергея Николаевича Миловидова по просьбе его отца, протоиерея Николая Васильевича Миловидова, который с 11 ноября 1911 г. состоял настоятелем храма св. Александра Невского при Правительствующем Сенате (на Сенатской площади). По-видимому, он исправлял эту должность вплоть до окончательного закрытия храма в сентябре 1919 г. Впоследствии служил настоятелем Свято-Троицкого храма поселка Дружноселье Гатчинского района. В 1940 г. был арестован и осужден на один год лишения свободы. Протоиерею Николаю Миловидову довелось дождаться возрождения церковной жизни с приходом германской армии в окрестности Ленинграда. Скончался он 20 февраля 1943 г. и погребен в поселке Дружноселье.

¹⁷ «По постановлению чрезвычайной тройки Крымской ударной группы управления особых отделов ВЧК при РВС Южного и Юго-Западного фронтов от 10 декабря 1920 г. в составе председателя Удриса, членов Агафонова и Тольмаца в Ялте была расстреляна очередная группа солдат, офицеров и чиновников. Список XXIX. [...] 45. Миловидов Сергей Николаевич, уроженец с. Киверина, Кировского уезда, Владимирской губернии, в Ялте на лечении» (*Абраменко Л.М. Последняя обитель...* С. 383).

¹⁸ Т. е. Константину Васильевичу Попову.

¹⁹ Возможно, речь идет о жене и сыне С.Н. Миловидова.

²⁰ Ксения Владимировна Попова, жена А.В. Попова, служила домашней учительницей, с 1914 г. – классной надзирательницей Ялтинской женской гимназии.

²¹ Глубоковский решил покинуть Россию и хлопотал о получении заграничной командировки по линии Академии наук.

²² Брат А.В. Попова Николай Васильевич Попов (19 марта 1873 – 3/16 мая 1951). Окончил в 1897 г. Московскую Духовную Академию. До Первой мировой войны настоятель церквей в городах Порто и Биаррице на юге Франции. После революции по собственному желанию переведен в Копенгаген, состоял духовником императрицы Марии Феодоровны, «но там он не мог продержаться долго, и был, по прошению, уволен Владыкою Митрополитом» (Хроника епархиальной жизни. Порто // «Церковный Вестник Западноевропейской епархии». Париж. 1929. № 12, декабрь. С. 23). Переехал в Порту и вскоре был назначен настоятелем храма. При начале

«церковной смуты» перешел в юрисдикцию митрополита Антония и в 1927 г. основал «карловацкую культиоельскую ассоциацию в По» (Там же. С. 23. Многие русские церковные общини во Французской республике пользуются статусом «association cultuelle», т. е. культовых объединений, что дает им определенные преимущества. Здесь речь идет о создании такого русского культового объединения, находившегося в ведении Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей, иногда называемой также Синодальной или Карловацкой – по месту тогдашнего пребывания ее Синода – городу Карловци Сремски в Королевстве сербов, хорватов и словенцев). Церкви в По принадлежала, кроме здания храма и дома для причта, и вилла «Дагмар». Она была продана о. Н. Поповым за сто тысяч франков некоему французу из г. По. Парижским епархиальным управлением было начато судебное дело об аннулировании состоявшегося акта продажи (Там же. С. 23). Впоследствии протопресвитер Н. Попов, страдавший тяжелым сердечным недомоганием, переехал в Марокко к сыну Олегу (род. 26 марта 1906 г., крестник Н.Н. Глубоковского), служившему врачом в Рабате. Здесь, на квартире сына, о. Николай и скончался. Чин погребения совершил 4/17 мая настоятель рабатского приходаprotoиерей Григорий Баранников («Православная Русь». Джорданвиль. 1951. № 11, 14 июня. С. 15).

²³ Дионисий Кондратьевич Мартыненко родился в Ялте в 1875 г. (сообщено прот. Н.Н. Доненко). Приведем некоторые подробности биографии Д.К. Мартыненко, известные из его писем Н.Н. Глубоковскому за 1904–1917 гг., сохранившихся в архиве последнего (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 606).

С 1903 г. Д.К. Мартыненко состоял внештатным псаломщиком при храме архиерейского подворья в Ялте, затем благодаря содействию Н.Н. Глубоковского получил штатное место в Никитском училище г. Ялты, куда зачислен 23 марта, перешел 3 мая 1906 г. При прощании прихожане поднесли ему за трехлетние труды икону Спасителя в серебряной ризе. Пребывание в училище было недолгим. По словам самого Мартыненко, за чтение рабочим речей и проповедей Таврического епископа Алексия (Молчанова), которого «обзывают хулиганом черносотенным [...] некоторые из духовных гор. Ялты», ученики Никитского училища были на него «озлоблены» и в него (Мартыненко) стреляли, но он продолжалходить к рабочим и читать поучения. Тогда ученики написали донос директору училища, что он ничего не понимает в пении, и отказалась ходить к нему петь в церковном хоре. Чтобы церковь не оставалась без пения, Мартыненко насобирал в хор детей служащих и продолжал «бороться» против революционного брожения. Он писал Глубоковскому: «Одно мне больно и обидно, что такого Еписко-

на как Алексий Ялтинское духовенство поносит и кто же больше? Сытые всем и ничего не делающие Псаломщики [...] но эти люди забывают чего они пошли в духовное звание и вот на одном из благочиннических собраний постановили высказать еписк. Алексию порицание и Св. Синоду, что не делают распоряжения о съезде духовенства, я с этим пунктом не согласился и не подписал, то мне диакон Аутской церкви Эндеко [sic!] и Александро-Невского Собора Псаломщик Одинцов сказали что меня за это побьют, но я поставил на своем и не подписал [...]» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп.1. Ед. хр. 606. Л. 16). Осенью 1906 г., опять-таки не без помощи Глубоковского, получил место псаломщика в Александро-Невском соборе Ялты, 22 августа 1908 г. читал и исподиаконствовал на освящении одного из самых оригинальных и удачных церковных сооружений Крыма — дворцовой церкви Преображения Господня и Святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, возведенной в 1906–1908 гг. в стиле древних грузинских храмов академиком Н.П. Красновым в имении «Харакс» великого князя Георгия Михайловича. На освящении храма присутствовала и великая княгиня Елизавета Феодоровна. (Об этом храме, чудом сохранившемся в период советской вакханалии и лишь изуродованном пристройкой (отдельно стоящая колокольня была разрушена), см.: Калинин Н.Н., Кадиевич А., Земляниченко М.А. Архитектор Высочайшего Двора. Симферополь, 2003. С. 88–90). В начале 1911 г. переведен в Феодосию, но благодаря ходатайству Н.Н. Глубоковского в сентябре того же года возвращен на прежнее место в Ялту недавно назначенным епископом Феофаном (Быстровым). 18 сентября 1911 г. Мартыненко писал Глубоковскому из Феодосии накануне отъезда в Ялту: «Испытание за девять месяцев надеюсь даст мне вполне оправдать Ваше ходатайство; но умоляю Вас Ваше Превосходительство и на будущее время быть мне отцом и благодетелем, таким маленьким людям как я нет возможности прожить на свете без посторонней твердой защиты, которой вот уже 10 лет Вы были Ваше Превосходительство для меня. Епископ Феофан дал мне инструкцию как держать себя, потому что против моего возвращения в Ялту был благочинный Протоиерей Терновский» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 606. Л. 9–9об. Прот. А.Я. Терновский в 1912 г. состоял настоятелем Иоанно-Златоустовского собора Ялты). В 1912 г. значится псаломщиком Александро-Невского собора Ялты (*Покровский П.Л. Адрес-календарь по Таврическому Епархиальному Ведомству на 1912 год. Симферополь, 1912. С. 208*). Во время Великой войны жил в Симферополе, служил в певческой команде 32-го пехотного запасного полка. В марте 1917 г. в «Таврическом Церковно-Общественном вестнике» упоминается как военный псаломщик, избранный на Епар-

хиальный съезд (Таврический Церковно-Общественный Вестник. 1917. № 11–12, 10–20 апреля. С. 202).

²⁴ Анна (правильно – Анастасия) Васильевна Глубоковская (19 ноября 1859 – 15 февраля 1945, София) – жена Н.Н. Глубоковского, дочь прот. В.П. Нечаева (15 марта 1823 – 30 мая 1905), знаменитого проповедника и церковного писателя, с 1894 г. доктора богословия МДА, в монашестве (с 8 июня 1889 г.) Виссариона, епископа Костромского (с 14 декабря 1891 г.). Н.Н. Глубоковский и А.В. Лебедева, бывшая спутницей его «земного странствования» с 1890 г., узаконили свой союз лишь 27 ноября 1920 г., ввиду предполагаемого отъезда из советской России. (С 1877 г. Анастасия Васильевна состояла в браке с учителем Глубоковского, профессором МДА, крупнейшим русским историком Церкви А.П. Лебедевым (1845–1908), который не соглашался на официальный развод с нею.)

²⁵ Василий Васильевич Латышев (29 июля 1855 – 2 мая 1921) – академик, председатель Императорского Православного Палестинского Общества.

²⁶ Комментируя постановление ялтинской «тройки» от 22 декабря 1920 г., Л.М. Абраменко указывает, что кроме двадцати двух перечисленных им поименно приговоренных «по делу проходят еще трое офицеров, которые своевременно не сдали оружие. Генеральная прокуратура Украины на этом основании отказала им в реабилитации [...].» (Там же. С. 410). Не исключено, что это те самые лица, о которых упоминает А.В. Попов.

²⁷ Построенный в 1901 г. дворец Его Высочества Сеид Абдул Ахад хана (скончался 23 декабря 1911 г.), Эмира Бухарского, с 1893 г. ежегодно посещавшего южный берег Крыма, расположен был на участке на углу Николаевской и Мейеровской (сейчас Севастопольской и Володарского) улиц, на окраине тогдашней Ялты и являлся одною из интереснейших городских построек. 15 марта 1921 г. в здании дворца был открыт Восточный музей. При паническом бегстве Красной армии с Южного берега Крыма в 1941 г. дворец, как и многие иные лучшие здания на полуострове, был подожжен. После войны музей возобновлен не был, во дворце эмира разместили санаторий Черноморского флота «Ялта».

²⁸ Н.Н. Трубецкая расстреляна по решению той же тройки, что и С.Н. Миловидов, в составе Удриса, Агафонова и Тольмаца, постановившей 21 декабря 1920 г. расстрелять очередную группу из 203 человек. «Список XXX. [...] 171. Трубецкая Наталья Николаевна, 1870 г. р., уроженка Харьковской губернии, княжна, сестра милосердия в санатории Красного Креста № 10 в Ливадии». (Абраменко Л.М. Последняя обитель... С. 405). Далее воспроизведены: фотография «Анкеты для регистрации бывших участников белых армий» с резолюцией «Княжна Расстрелять 16/XII Удрис» и поясне-

ние Н.Н. Трубецкой о причине ее пребывания в Крыму: «Меня, вместе с другими служащими санатория, врач Трушевский спрашивал о моем желании или не желании эвакуироваться перед приходом советской власти, но я отказалась эвакуироваться» (Там же).

Л.М. Абраменко приводит сведения о судьбе восьми сестер милосердия, приговоренных к расстрелу в один день. По меньшей мере три из них были убиты в связи с арестом кн. Трубецкой, поскольку из их анкет следует, что они давали поручительство за кн. Трубецкую (вероятно – в благонадежности последней): «По постановлению чрезвычайной тройки крымской ударной группы управления особых отделов ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов в составе председателя Удриса и членов Тольмаца и Агафонова от 22 декабря 1920 г. были приговорены к расстрелу 22 человека. [...] Список XXXI. [...] 4. Возницкая Изабелла Ивановна, 1896 г. р., уроженка Киева, сестра милосердия Ялтинского военного госпиталя, состояла в союзе сестер милосердия Крыма, проживала в Ялте, ул. Масандровская, 29. На анкете Возницкой имеется резолюция члена “тройки” Тольмаца: “белогвардейка, расстрелять”. Это же определение указано и в постановлении “тройки” со списком обреченных. [...] 6. Залиева Нина Захаровна, 1895 г. р., уроженка Моздока, армянка, образование среднее, проживала в Ялте, работала сестрой милосердия в морском санатории. В анкете написала: “Добавления. Удостоверяю, что я поручилась за с. Трубецкую, но теперь снимаю поручительства. 22. Дек. 20 г.” 7. Кашинова Елизавета Николаевна, 1875 г. р., уроженка Петрограда, образование среднее, проживала в Ялте, работала сестрой милосердия. На анкете Кашиновой написано: “Расстрелять как белогвардейку”. 8. Киселева Александра Романовна, 1898 г. р., уроженка Петрограда, проживала в Ялте, работала сестрой милосердия в Ялтинском морском санатории. На ее анкете имеется резолюция Тольмаца: “Белогвардейка, работала у Врангеля, дочь чиновника министерства, расстрелять”. [...] 13. Мансэ Евгения Львовна, 1891 г. р., уроженка Одессы, проживала в Ялте, работала сестрой милосердия в госпитале. На ее анкете такая же резолюция Тольмаца: “белогвардейка, работала у Врангеля (*Врангеля* написано со строчной буквы. – Авт.), расстрелять”. 14. Негоженко Мария Кузьминична, 1867 г. р., уроженка новгородской губернии, проживала в Ялте, работала сестрой милосердия. В конце анкеты написала: “Удостоверяю, что я поручилась за Трубецкую, не зная ее. Также не знала, что бумага, на которой я расписалась, фальшивая”. И все же получила резолюцию чекиста: “белогвардейка, расстрелять”. [...] 18. Попова Евгения Федоровна, 1897 г. р., уроженка Харькова, сестра милосердия в санитарном поезде. 19. Фотиева Евгения Ивановна, 1895 г. р., уроженка Севастополя, проживала в Ялте, работала сестрой милосердия в

морском санатории. В анкете тоже под диктовку написала: “Удостоверяю, что я поручилась за сестру Трубецкую, не зная ее, и не знала, что бумага была фальшивая”» (Там же. С. 409-410).

²⁹ Парализованная кн. Н.А. Барятинская расстреляна по решению той же тройки, что и С.Н. Миловидов, в составе Удриса, Агафонова и Тольмаца, постановившей 21 декабря 1920 г. расстрелять очредную группу из 203 человек. «Список XXX. [...] 16. Барятинская Надежда Александровна, 1847 г. р., уроженка Санкт-Петербурга, княгиня, статс-дама двора Императора Александра III» (*Абраменко Л.М. Последняя обитель...* С. 390). Далее воспроизведены тексты доносов на кн. Н.А. Барятинскую и ее семью, переписка о разгроме одного из принадлежащих ей имений (Там же. С. 390–392).

³⁰ Виктор Дмитриевич Баженов, священник Александро-Невского собора в Ялте, законоучитель Кирилло-Мефодиевского начального училища. По сообщению прот. Н.Н. Доненко, родился около 1869 г. в с. Змиево Крапивицкого уезда Тульской губернии, второй раз арестован 6 апреля 1921 г. вместе с Дионисием Мартыненко, оба приговорены к пяти годам заключения.

³¹ В.М. Пуришкевич состоял председателем Главного совета Народно-государственной партии, созданной летом 1919 г. Кроме него в Совет входили Н.П. Формор (товарищ председателя), А.И. Мосолов, Я.Н. Офросимов, Н.И. Юрлов, Л.М. Савелов (управляющий делами Совета), А.В. Аслев. Председателем Ялтинского отделения партии, которое размещалось в гостинице «Джалита» (№ 55), являлся М.М. Раевский. См.: Народно-Государственная Партия. Программа и Устав Партии. Ростов-на-Дону. Типография Ф.А. Полубитко. 1919.

³² Т. е. К.В. Попову.

³³ Людмила Николаевна – жена К.В. Попова, умерла в 1940 г. в Ленинграде. Галя – Галина Константиновна Попова-Фатеева, дочь К.В. Попова, в конце 1920-х гг. преподавательница в Ленинграде. Борис – Борис Фатеев, муж Г.К. Поповой, преподаватель.

Записки миссионера о советской России*

Миссионерство в России... Как странно звучат эти слова в наше время. Кого понадобилось просвещать и крестить в христианскую веру в наши дни почти в центре России? Не зырян и не бурят, ибо они уже давно были обращены в веру христианскую св. миссионерами Православной Церкви (Стефаном Пермским и Иннокентием Иркутским) в XVIII и XIX веках. Нет, это происходило почти в наши дни. Когда в 1940–1944 гг. открылась брешь в «железном занавесе» СССР силою войны, то туда устремились добровольно десятки миссионеров-священников Православной Церкви из Прибалтики. В числе них был и я, недавно вышедший чудом Божиим из застенков НКВД ЛССР. Добровольно и с великой радостью в сердце я откликнулся на зов предательски убитого затем митрополита Сергия (Воскресенского), который создал и направил первую группу миссионеров из Латвии в Псково-Новгородский край северной России. Это было на кануне Спаса – Преображения (6 августа 1941 г.). В солнечный августовский день наша группа в немецком автобусе под конвоем двух эсэсовцев переезжала заветный рубеж Эстонии и СССР (за Печерами). Десять священников и два пасломщика пересекли границу Эстонии и многострадальной Русской земли, чтобы помочь залечить глубокие духовные

* Записки подписаны «N.N.». Мы предполагаем (по материалам книги: *Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг.* М., 2008), что автор – священник Михаил Толстоухов (1914 – ?) жил в Латвии, в 1939 г. закончил Св.-Сергиевский Богословский институт в Париже, в Риге служил вторым священником в Благовещенской церкви. В августе 1941 г. включен в состав Псковской миссии, служил на территории Псковской епархии. В конце 1943 г. отозван в Ригу, где занял должность уполномоченного по делам внутренней миссии Латвийской епархии. Осенью 1944 г. эвакуировался в Германию, какое-то время служил во Франции. Скончался в США. – Примеч. ред.

раны в душах русских людей, насилию лишенных Церкви и веры отцов. Когда вдалеке засияли кресты им купола Св.-Троицкого собора г. Пскова, то все миссионеры, осенив себя крестным знамением, запели Пасхальный канон. Потекли слезы умиления и зазвучали радостные возгласы «Христос Воскресе!» — «Воистину Воскресе!» Это было нечто от той «Пасхи среди лета», о которой предсказывал наш русский народный святой, Серафим Саровский. Немецкий конвой смотрел и слушал с изумлением... Окончилась эстонская, хорошо возделанная земля и опрятные деревни, начала наша земля... Не надо было уже и смотреть на пограничные столбы, ибо сама местность и ее унылый, запущенный вид приграничной полосы СССР свидетельствовали ярко, вопиюще о том, что мы едем по земле многострадального русского народа. Бездорожье, невозделанные поля и пустыри, ветхие избы без забора и пристроек, крыши, едва прикрытые гнилой соломой, и чахлый колхозный скот ярко свидетельствовали о том, что мы очутились в стране победившего коммунизма. Да, здесь была видна рука злого гения, сравнявшая всех и вся под одно мерку нищеты, запустения и бесправия. Вскоре попались нам и первые представители русского народа: бедные жители Пскова — «мешочники», тащившие на своих плечах и спинах добытый трудом или выращенный хлеб из Эстонии. Они с удивлением уставились на нас, миссионеров в рясах и с крестами, как будто бы мы были выходцами из другого мира. Оно и понятно, ибо старики лишь помнили свое русское духовенство до революции, а молодежь его и вовсе не видела, разве только в тюрьмах да концлагерях. А тут — живые, молодые и энергичные батюшки, часть из них воспитанники Высшей богословской школы в Париже, на свободе и говорящие чистым русским языком, без советской терминологии. Прямо чудо! «Вы люди или же ангелы с небес?» — спросили они нас в первую очередь, и затем, убедясь, что это не сон, группа «мешочников» взяла у нас благословение со слезами на глазах. Условились с ними встретиться вскоре во Пскове на службе в церкви. Поехали дальше в том же «пасхальном» настроении. Увы, этому светлому, праздничному настроению пришлось вскоре уступить место другому: печальному и даже мрачному, столкнувшись с грубой действительностью. Переехав «Ольгин мост»

через р. Великую по понтонному немецкому мосту рядом с первым, мы очутились перед живой стеной людей, загромождавших «Торговую площадь». А на ней было вкопано десять столбов, уже поцарапанных немецкими пулями... У столбов стояли мученики — «заложники», простые русские люди из города, взятые немецким патрулем накануне вечером при обходе. Ночью же был убит один немецкий постовой солдат, а за него должны были быть расстреляны публично десять неповинных жертв. Десять немецких солдат стояли наизготовку, а десять русских — с завязанными глазами — готовились к смерти. За что? Раздалась короткая команда и затем залп: мученики обвисли на столбах, а их одежда покрылась кровавыми пятнами; народ ахнул, несколько женщин заголосило в толпе. Мы стали читать отходные молитвы по вновь преставившимся безымянным душам. Таков был наш въезд в первый русский город — плохое предзнаменование, особенно для гитлеровцев. Ни Бог, ни народ русский им этого не простили. «Око за око, зуб за зуб», а кровь — за кровь. Таков неумолимый закон еще из древности. Площадь понемногу редела, и мы прошли пешком в кремль к Св.-Троицкому собору. Около собора увидели пустырь, заросший бурьяном, и остатки какого-то фундамента. Спросили у старожилов, что здесь было. Ответ: был Благовещенский собор, снесенный начисто советской властью. Зачем, почему? Кому мешал он — неизвестно. Троицкий собор уцелел, но лишь как музейная ценность. В нем и был до нас музей религиозных вещей, или «предметов культа». Осмотрев собор, решили в нем служить немедленно, как есть — на простом столе вместо престола. Народа вокруг собралось множество, так как увидели нас, миссионеров, идущих в кремль еще на площади, после ужасной казни. Со слезами радости кидались к нам псковичи, умоляя не оставлять их, жить и служить для них. Видно было, что духовный голод был гораздо острее, чем физический! Немедленно начали служить всем «собором», то есть вместе, первую службу — вечерню для народа, беспрерывно наполнявшего огромный храм, вмещавший до пяти тысяч человек. Стоны и вопли духовной радости раздавались беспрерывно в народе, так что даже и мы, миссионеры, не могли удержаться от ответных слез умиления.

Следующий день (6 августа 1941 года) принес нам новые духовные радости и огорчения. Утром была служба — обедня. Под звон колоколов народ стекался тысячами: стар и млад, мужчины и женщины, но не было среди них ни богатых, ни бедных, скорее все были одинаково бедны. Появился и хор из тридцати пяти человек, под руководством женщины-регента, в тайном постриге монахини, пели все ста-ринным псковско-новгородским напевом, от которого замирал у нас дух и грезились времена великой вольницы и Александра Невского. Каким чудом создался и сохранился этот хор в тисках безбожной власти — уму непостижимо! Служба шла своим чередом, а три священника без перерыва исповедовали народ. За два-три часа исповеди прошло не менее 1000–1200 исповедальников. Это были люди разного возраста, не только пожилые, но и на одну треть молодежь. Когда приобщали Св. Таинами народ, то снова потребовалось немало времени. Не менее трех часов подавали Св. Дары людям, и не менее десяти священников сменилось при раздаче их.

Наперебой звали нас к себе откупать чем Бог послал радушные псковичи. Приносили крестить десятки младенцев, а с ними приводили и подростков. Затем нередко крестили мы и взрослых, от 20–25 лет.

Прием нам был оказан самый радушный со стороны русского народа, чего нельзя сказать о властях предержащих, то есть о подвластных немцам подхалимах — уездных начальниках, городских головах, сельских и деревенских старшинах. Они, почти без исключения, отнеслись враждебно к нашему делу. Началось это здесь же во Пскове. Местный городской голова, г-н Ч.*, сразу же постарался нас, миссионеров, «огородить» и «поставить на место», то есть под его всецелое руководство и зависимость. Без пайки и квартиры мы очевидно не могли жить, а потому попали к Ч. на квартиру и «стол». Последнее ограничилось лишь 200 гр. горелого хлеба и горячей водой, а квартира была отведена в необитаемой части дома (городского головы). Через два дня утром

* В.М. Черепенькин. — Примеч. ред.

рано мы были все разбужены немецким патрулем: «Aufstehen! Anziehen!»* Куда, зачем нас поведут, мы не знали, а патруль молчал на все наши вопросы, дожидаясь нас у выхода. В шесть часов утра мы уже стояли на большой площади, куда приводили немецкие полевые жандармы все новые и новые толпы мужчин со всего города. Только к десяти часам утра выяснилось наше положение и в чем дело. Оказалось, что по приказу местного командира в наказание за систематические убийства немецких патрулей все мужское население в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет подлежит уводу из города в «Кресты» (котловина в шестидесяти километрах от г. Пскова). Только благодаря вмешательству патрульного офицера нас не постигла общая участь. Нас оставили взаперти на три дня в доме городского головы.

После освобождения от домашнего ареста мы снова двинулись в кремль. В подвалной церкви Св.-Троицкого собора мы обнаружили не только «мерзость запустения», но и кощунство. Здесь были раскрыты и опоганены моши свв. Епископов г. Пскова, в том числе и знаменитых святых, чтимых народом: Всеволода-Гавриила и Довмонта-Тимофея. Но это сделали не большевики, а члены гитлеровской рати, искавшие в рамках и саркофагах золото и драгоценные камни. Кое-как рассортировав моши и остатки одежд по принадлежности, перенесли мы эти поруганные ценности духовного достояния народа на свои столетние места. Вечером того же дня служилась вечерня с бесчисленными заказными молебнами — перед раками поруганных святых. Народ пел и молился слезно, коленопреклоненно, прося мира и жизни у своих любимых небесных покровителей. Службы шли беспрерывно до полуночи. Народ шел непрерывной лентой «прикладываться» к ракам святых. Слышались стоны и молитвенные вопли истерзанных душ.

Однако не могли и не должны были оставаться все миссионеры в одном городе Пскове, ибо нас ждали и в других местах те же обездоленные русские люди. Исходя из этого положения, мы попросили городского голову Ч. отправить

* «Поднимайтесь! Одевайтесь!» (нем.) — Примеч. ред.

нас по районам, хотя бы на обывательских лошадях. Немецким военным транспортом мы принципиально пользоваться не хотели. После многократных заявлений и требований стояло у нашего жилья два транспорта: одна ободранная извозчичья пролетка с хромой лошадью и одна телега, запряженная слепой лошадью. Ясно было, что на таких «рысаках» далеко не уедешь. Но все же четверо миссионеров немедленно двинулись в путь, на юг от Пскова — к Острову и Опочке, надеясь на дороге сменить больных лошадей. В десяти-двадцати километрах от города нам удалось это осуществить.

При переезде через р. Великую у вновь сооруженного немцами моста мы натолкнулись на группу русских военно-пленных. Человек двадцать-тридцать под конвоем двух немецких солдат тянули к мосту бревно. Вид их свидетельствовал о крайнем утомлении, а глаза горели лихорадочно-голодным блеском. Из грудей вылетал хриплый крик или песня, похожая на стон, чтобы легче было волочить бревно. Мы решили дать им хлеба. При виде двух горбушек черствого псковского хлеба военно-пленные разом бросили свое бревно и кинулись опрометью к нам, простирая руки. Мы подали им хлеб, и тут-то началось что-то невообразимо страшное и безобразное. Вырвавая друг у друга хлеб, эти голодные люди-звери душили, царапали и били нещадно один другого. Образовалась страшная куча рычащих, стонущих и плачущих людей — на земле. Хлеб был разорван на клочки и вряд ли достался кому-либо. Немецкий конвой кинулся разнимать эту свалку, нещадно ударяя прикладами по головам, плечам и спинам голодных людей. Когда им это наконец удалось сделать через пять-шесть минут, то начальник конвоя строго приказал нам убираться подальше и не подавать впредь милюстини этим «Untermensch'ам», ибо они, по его словам, «вовсе не люди, а животные». А несчастные солдаты провожали нас просьбами дать им еще чего-нибудь съестного, ибо буквально умирали от голода.

Дальше наш путь пошел до г. Острова почти без осложнений. Повсюду видна была нищета и колхозная обреченность. По бокам дороги выселились обгорелые остовы танков и автомобилей, между ними валялись трупы солдат, едва

присыпанные землей. Мы совершили про себя тихие панихиды по безымянным русским бойцам.

Приехали в наполовину сгоревший г. Остров. В центре города, рядом с развалинами, двухэтажное каменное здание *Ortskommandatur'ы**. Спросили там о властях русского самоуправления и очутились затем у местного уездного начальника. Этот человек оказался прототипом г-на Ч. из города Пскова. Он не только отказался нам в чем-либо помочь, но вообще посоветовал убираться подальше и поскорее. Снова пришлось обращаться к немецкому начальству. Тогда был нам найден и ночлег и транспорт на следующее утро. Один из четверых миссионеров пожелал остаться в Острове, чтобы привести в порядок местный собор, а остальные двинулись на грузовом автомобиле городского самоуправления дальше на юг. Как и везде, местное население с молитвенной радостью встречало нас и со слезами огорчения провожало нас в дальнейший путь. Но мы шли вперед неуклонно, каждый в свой район намеченной миссионерской работы. В полдень мы достигли Святогорского района, или Пушкинского (по советскому переименованию), там, где находится Пушкинский музей и заповедник (село Михайловское), а на горе Синичьей — три дорогих русским могилы: А.С. Пушкина, его матери и деда. Могила А.С. Пушкина в полном порядке — против алтаря Успенского собора. Собор уцелел, но внутри был продовольственный склад. Грузовик прибыл в село Велье, под. Св. Горами, и дальше нас не повез: шофер сослался на нехватку бензина. Пока мы слезали с грузовика, образовалась толпа в несколько сот женщин и мужчин. Они буквально подхватили нас на руки и понесли к местной церкви. К нашему изумлению, эта церковь была уже наполовину отстроена самим народом. Главный алтарь был в полном порядке, а иконостас собран и склеен из мелких кусков и обломков руками верующих поселян. Оставалось только славить Бога и молиться вместе с народом. Снова после службы просили нас не покидать их и остаться с ними на жизнь и служение. Этому воплю русской души вняло мое сердце.

* Местной комендатуры (нем.). — Примеч. ред.

С этого дня я поселился в этом живописном уголке Псковского края. Мои коллеги-миссионеры двинулись на лошадях дальше. Я же поселился возле церкви, в бывшем доме священника, между тремя озерами. Отсюда и началась моя непосредственная духовная работа миссионера в Псковско-Новгородском крае, продолжавшаяся более трех с половиной лет. А работы оказалось много, очень много, так как за двадцать лет с лишком здесь никто не хоронил, не венчал, не крестил и не исповедовал. Последний священник был сослан давно за неплатеж прогрессивного налога на церковь, других же не находилось вовсе. Так и жили, рождались и умирали русские люди — без креста и покаяния...

После утренней службы до поздней ночи шли трёбы: заочные отпевания ранее умерших христиан, погребенных без церковной службы, крестины и свадьбы. На все это требовалось ежедневно десять-двенадцать часов беспрерывной работы. Мы уставали физически, но духом росли и окрылялись, так как видели потребность и плоды нашей деятельности. Часто у нас не хватало времени на обед или ужин, но душа была полна радости за проведенный в трудах день. Появились и активные сотрудники церкви: певчие, псаломщики и псаломщицы, старосты и прочий церковный причт, из среды тех же поселян, нередко отбывшие годы ссылок и заключения за церковное дело. С ними стало еще легче и радостнее работать, ибо они были нам верны и полезны. Через них завязывалась все более и более прочный контакт с народом и расширялась сфера нашей деятельности.

Вскоре мне удалось побывать в селе Михайловском, где находился музей имени А.С. Пушкина. Там же рядом и «домик няни». В феврале мне довелось служить панихиду на могиле А.С. Пушкина. Было много народа, и все усердно молились. Одно было печально: что советские власти сняли крест с памятника Пушкина. Ходили слухи, что они собирались раскрыть могилу и исследовать кости А.С., чтобы доказать народу, что великий поэт был безбожник, ибо на его груди, как предполагалось, не найдут крестильного креста. Однако почему-то этой процедуры не совершили, быть может — из опасения, что крест все-таки найдется... А в соседнем селе Воронич была церковь, в которой, как гласила над-

пись на стене ее, А.С. заказывал заупокойную службу по лорде Байроне («болярине Георгие»).

Понадобилось ремонтировать Успенский собор; на этом основании к весне 1942 года я перебрался в село Воронич (в четырех километрах от с. Михайловское). Здесь был «дом туриста» имени Пушкина, бывший священнический дом, и церковь возле него. В этом храме после небольшого ремонта я начал служить. Народ, как и всегда, стекался массами — за сорок-шестьдесят километров шли люди на богоявление. Приносили и привозили больных, слепых и убогих, чтобы «поговореть» и помазать их святым елеем.

Здесь же мне пришлось столкнуться с особой сектой «говорящих с Богом» — «воздыхателей». Эта секта, несомненно, появилась от ненормальных условий духовной жизни народа под советской властью. Церквей не было, священников тоже, а потому духовный голод должен был найти какой-то исход. Таким исходом оказалась фанатическая молитва и общение с Богом в духе. Но, как часто бывает, этот самостоятельный путь Богоискания искался затем в уродливую форму кликушества и изуверства. Встреча моя с этой сектой произошла при довольно странных обстоятельствах, а именно: возвращался я из десятилетки, где преподавал Закон Божий и русскую историю. Перед дверями моего дома стояли сани, а на них сидел, пригорюнясь, худой и, видимо, больной человек. Я подумал, что зовут меня к больному, и участливо обратился к крестьянину. Он же, с нервной торопливостью, стал излагать мне цель своего приезда. Оказалось, что его молодая жена «уснула» после родов и, вот, мне надлежит с молитвой оживить ее. Я подумал, что он помешался в уме от горя или же здесь, быть может, случай летаргии. Я предложил ему позвать местного доктора, а не меня. Он наотрез отказался, заявив мне таинственно, что именно меня «отец небесный» избрал своим орудием для воскрешения умершей, поэтому я не имею права отказываться от такой миссии. Конечно, я отказался, но крестьянин все наставлял и остался ждать моего решения до позднего вечера. Вечером я позвал его к себе и велел ему наутро привезти покойницу для погребения в церковь. Он, со вздохом сожаления от моего «неразумия», удалился. Когда и на другой день не привезли покойницу в церковь, я попросил местно-

го полицейского с фельдшером отправиться в ту деревню, где была покойница, для выяснения на месте этого странного случая. Но, увы, мои посланцы не доехали до места назначения, так как по дороге они заехали к «куму», у которого застали окончательно. Дело принимало с каждым днем все худший оборот, так как, по слухам, уже шесть дней как «изуверы» терзали тело покойницы, заставляя ее есть и пить, и даже водили ее за руки по комнате. Тогда я обратился к уездному начальнику В., дабы он прекратил это безобразие. Был послан наряд полиции, и на девятый день утром к моей церкви прибыла похоронная процессия. Вид у всех был нарочито торжественный, даже радостный, как бы чего-то выжидавший. Началось отпевание покойной; и вот, когда я положил на грудь покойной Св. Евангелие и начал читать его, наступила особая тишина, как перед бурей. Когда же я прочитал евангельские слова: «и услышат мертвые глас Сына Божьего, и услышавши оживут» (Ин. 5:25), — все присутствующие изуверы кинулись к покойнице... чтобы помочь ей встать из гроба. Но она не встала, вопреки обещанию их «пророка» Ивана. Поднялся плач и вопли неподдельного горя и разочарования. Едва смог я закончить из-за этого чин отпевания. Несли покойницу на руках до близлежащего кладбища. После погребения представители секты пришли ко мне «рассчитываться», вернее, чтобы снова укорять меня в моем злоупрямстве и нежелании вовремя приехать к ним в деревню и сотворить чудо. Снова объясняли мне, что «отец небесный» именно меня избрал своим орудием для этого чуда, а я так глупо не поверил и не послушался. Таким образом, грех за покойницу лег всецело как бы на меня. Я слушал этот бред изуверов и думал, как вразумить их, надеясь, что Бог Сам укажет мне путь к их заблудшим душам. Так оно и вышло впоследствии. Через несколько дней явилась снова ко мне эта группа изуверов с просьбой исповедать их в ближайшее воскресенье. При этом одна женщина начала кликушествовать. На нее снизошел «дух святой», и она заговорила разными голосами, мужским и женским. Мужской голос изображал «отца небесного», отвечавшего кликуше на ее духовные вопросы. Так, например, ею были заданы вопросы о моей миссии или роли в отношении секты. Ответ «отца небесного» был краток, но ясен: я должен

помогать и покровительствовать секте, так как в этом и заключается мое задание. Мне стало ясно, к чему это клонит-ся: сектанты решили меня заставить им покровительство-вать во что бы то ни стало. Я потребовал от них покаяния и прекращения этой кощунственной комедии. Они обещали «покаяться» на следующей церковной службе. И действи-тельно они явились почти в полном составе в следующее воскресенье. Я их исповедовал особо — группой — и требо-вал прекращения изуверства; они обещали — лукаво. Во вре-мя причастия произошла у Св. Чаши безобразная сцена. Старшина секты Иван подошел к Св. Чаши и грозным голо-сом произнес: «Иван Св. Таин не принимает, а только Чашу лобызает. Слышишь, я тебе это говорю», — обращаясь прямо ко мне и выпучив страшно глаза. Я же велел ему подойти к Св. Чаши немедля и принять Св. Таин. После этого он пови-новался и как-то разом пришел в себя. Однако эта заминка у Св. Чаши вызвала всеобщее негодование народа, и он едва не побил сектантов затем на дворе. Только мое вмешательст-во остановило расправу. Много времени и сил пришлось мне употребить, чтобы обратить сектантов на верный путь. Сек-та продолжала жить своей особой, нездоровой жизнью, и никто не вмешивался в их уклад. Лишь слышно было, что они гонят самогон из посевного зерна и устраивают пьяные «радения», как некогда хлысты. В церковь они больше не приходили. Весной, когда началась посевная кампания, сек-танты отказались обрабатывать свою землю, а их вождь Иван агитировал против полевых работ, разгуливая между работающими с тросточкой. Крестьяне ему этого не прости-ли и пожаловались властям. Началось «дело» против сабо-тажников. Вмешалась немецкая хозяйственная комендату-ра, и сектантов потребовали в районный центр к ответу. Та-ким образом, в одно весеннее утро у меня на дворе оказалась толпа — более ста человек. Предводитель, Иван, с помощни-ками явились в мой кабинет. Уже с порога они стали на коле-ни и просили о помощи. Они знали, что за саботаж и агита-цию против посевной кампании им грозит строгая кара. По-этому грозящая беда научила их «каяться» и просить моего заступничества. Я потребовал встать с колен и дать мне клятву перед иконой, что они все прекратят свое изуверст-во. Посоветовавшись с народом, руководители секты дали

такое торжественное обещание. Тогда я отправился сам в хозяйственную комендатуру и склонил власти к прощению и выдаче новых семян бывшим изуверам. С тех пор секта, по-видимому, распалась, так как многие из них стали регулярно посещать мою церковь и честно трудиться на поле.

К этому же времени относится и мое посещение одной староверской деревни. Однажды приехал ко мне старшина деревни Муравейное, чтобы пригласить отслужить у него на дому молебен в день Ангела его единственной дочери. Я согласился, и на его лошади мы отправились в путь. Дом был убран по-праздничному: в красном углу были образа-складни, старинного письма, а перед ними теплилась лампада. Дочь старшины была миловидная девушки в русском национальном наряде. Она же была и хозяйкой дома, так как матери уже давно не было в живых (мать ее была православной). Начал служить молебен с водосвятием. Под конец молебна набралась полная изба народа. Когда я, по обычаяу, поднял крест и кропило, чтобы осенить и окропить комнаты и народ, то произошло нечто неожиданное. В тот самый момент, как я обернулся лицом к народу и поднял над ним крест и кропило с освященной водой, толпа в ужасе шарахнулась от меня. Все присутствующие, кроме хозяев, очутились мигом на улице. Я недоумевал и спросил объяснения у хозяина. Он отвечал, что все в деревне – старообрядцы, а потому боятся православного креста и святой воды. Это было мне тем более удивительно, что среди толпы было много молодежи, которая родилась и выросла при советской власти, а потому, естественно, не могла быть фанатичной. Но оказалось, что советская власть «бережливо» относилась к старообрядцам и позволяла им чтить свою веру отцов. Даже все религиозные праздники были у них выходными днями, а их наставники едва ли сидели в тюрьмах или концлагерях. Это было, несомненно, особой тактикой безбожной власти, чтобы разлагать Православную Церковь и вредить ей. Даже сами колхозы старообрядцев имели совсем другой вид, то есть более зажиточный и опрятный, так как они пользовались некоторой привилегией у советской власти. Разница с православными колхозами была, во всяком случае, вопиющей на взгляд. Мастера религиозных предметов – отливальщики оловянных нательных крестов и иконок староверческого

образца — мирно трудились в своих домах. Так что при моем приезде в это село я уговорился с ними о постоянной поставке крестильных крестов для нашей церкви. А нужда в крестиках была большая, так как все люди хотели их носить на груди в знак своего христианского достоинства. Да и немецкие власти часто судили о людях по этому отличительному признаку. Если был крестик на шее, то, значит, — не коммунист и не партиец. Людям с крестиками на шее больше доверяли, а потому народ вскоре догадался обзавестись ими. Бывали даже случаи, что эти крестили спасали жизнь поселянам, обвиненным в связи с партизанами. Довольно было немецким жандармам увидеть этот святой символ на груди заподозренных в противоборстве властям, как гнев сменялся на милость. Так было по крайней мере в первое время немецкой оккупации, чему я сам был не раз свидетелем. Потом и эта привилегия была отменена.

Рядом с селом Воронич находился парк и остатки имения Осиповых (друзей Пушкина) — Тригорское. Здесь до революции стояли господский дом и службы. Остались одни лишь фундаменты и сад вокруг бывшего барского дома. В 1917 году были изгнаны последние хозяева. Взбунтовавшиеся крестьяне вытащили старушку Осипову (современницу А.С. Пушкина) из дома и как она была всегда в кресле-качалке, так ее и спустили с горы вниз в реку (с высоты пятнадцати метров). Мебель и прочая утварь были растищены по избам. Когда же приехали комиссары, то они во хмель подожгли и самый дом. Все сгорело, даже пристройки вокруг; пострадал и сад, «вишневый сад — приют задумчивых дриад». Парк же уцелел и разросся. В нем было много надписей и мест, связанных с А.С. Пушкиным и его творчеством. «Зеленый зал», где танцевал Пушкин с молодежью под сенью лип, сросшихся верхушками. Возле была баня, где А.С. после бала любит помыться, а по субботам — крепко попариться. В углу парка был дуб, описанный Пушкиным как «исполин лесов, дуб уединенный...». Затем «ель-шатер», под которой пряталась во время дождя, так как ее ветви склонялись почти до земли: «на эту ель / повесил я свою свирель», — писал Пушкин. Садик-часы, разделенный на двенадцать секторов и осенний двенадцатью липами, тени которых отмечали время дня. Под горой парка — «береза-седло», где писал Пушкин,

облокотясь спиной и глядя на реку. У воды был камень, сидя на котором Пушкин написал начало трагедии «Борис Годунов». Зачастую можно было почти увидеть его живой облик. Так велик был его дух и сила гения, оставившая на неодушевленных предметах свой вечный отпечаток. Надо отдать справедливость Академии Наук СССР – не забывала родных ценностей и заботилась о пушкинских местах. Ее заботами везде была наведена чистота и порядок, все места, связанные с А.С. Пушкиным, помечены табличками, подчас цитирующими целые стихотворения или отрывки из его писем к друзьям. Был и штат надзирателей и прислуги, ходившей за музеем и другими ценностями в округе.

Время шло вперед, а ремонт Успенского собора подвигался медленно. Тогда я решил перебраться непосредственно в Св. Горы. Пришлось снова хлопотать о квартире через немецкое командование, так как русские власти и тут не шли мне навстречу. Однако к осени 1942 года я все же обзавелся двумя комнатами с кухней в центре Св. Гор. Тогда и ремонт собора стал подвигаться успешнее, так что к Успению можно было освящать главный придел. Не хватало лишь одной иконы в иконостасе, а именно местной чудотворной иконы Божией Матери с Младенцем, так называемой «пядичной». Эта маленькая икона представляла большую духовную и историческую ценность, так как была явлена в 1637 году на горе Синичьей одному юродивому пастуху, но, по преданию, не давалась никому в руки, пока не пришел туда собор духовенства с народом. На месте явления этой иконы стоял дуб, затем спиленный, а пень его лег в основание престола Успенского собора. Вот эту самую чудотворную и горячо чтимую народом икону обобрали и затем снесли на склад вместе с прочим церковным имуществом большевики. Произошел пожар этого склада, и все погибло в огне. Народ долго вздыхал и плакал о своей святыне – чудотворном образе, но вернуть его уже не мог. Теперь, когда весь иконостас был собран, не хватало лишь «хозяйки» храма, то есть этого самого чудотворного образа Божией Матери. Я решил заменить его иконой явления пастуху Тимофею чудотворного образа. На следующий день прибежала ко мне сторожиха кладбищенской церкви-часовни, единственной уцелевшей от разгрома и закрытия во всем округе, и позвала меня посмот-

реть на чудо в часовне. Придя на место, я увидел под лестницей, ведущей на колокольню, некую дощечку, повернутую лицом к стене. Подняв ее – ахнул, так как это и был подлинный чудотворный образ Святогорской Божией Матери. Без риз, без оклада с драгоценными камнями, но все же подлинная икона. Как она уцелела от огня и как попала сюда – один лишь Бог ведает! Мне не удалось разгадать ее историю. Вскоре собралась тысячная толпа, жаждавшая увидеть и помолиться перед своей родной святыней. Собрав хор, мы понесли на руках чудотворный образ в Успенский собор – с пением и молитвами. По пути народ стоял на коленях и кланялся в землю чудотворной иконе – со слезами духовного восторга и умиления. Образ был водворен на свое место в иконостасе Успенского собора – «хозяйка» вошла в дом свой, как говорил благоговейно русский народ. С тех пор несколько дней не закрывались двери собора, так как со всего округа стекались на поклонение тысячи верующих. Горели сотни свечей, непрестанно молились, пели и читали акафисты Божией Матери. Так верил и молился русский люд своей Заступнице и в бедах Скорой Помощнице. А молиться и плакать народу было о чем, так как кругом гибли сотни тысяч людей – в боях и на поле брани, иные умирали в лагерях военнопленных – от голода, холода и болезней. Текли толпы беженцев из северных областей России – из-под Гатчины, Детского Села и Новгорода. Были они измучены до безумия и голодны как волки. Обнаруживались даже случаи людоедства. Так, например, в Пушкинские Горы пришла женщина – скелет, обтянутый кожей, которая имела в паспорте пометку: мать двоих детей. Она не могла дать ясного отчета о местопребывании детей, а спутники утверждали, что она их съела... Эта женщина была затем расстреляна немецкой комендатурой. Нередко умирали женщины и дети в пути – от холода и голода. Часто приносили матери лишь трупики своих детей в наш хлебный район.

Завелись вскоре и партизаны. Сначала они появлялись лишь редко где – в густых лесах, и двигались ночью, и с течением времени их стало очень много, и они уже не боялись передвигаться и появляться даже днем. Стало заметно, что гитлеровцы «пересолили», и народ их начал явно ненавидеть. Партизан укрывали охотно и снабжали зачастую доброволь-

но провизией. Вскоре и Пушкинские Горы попали в полное окружение партизан. Мосты были взорваны ими, и мы очутились в кольце. Дело происходило под Св. Пасху, и мы ее едва пережили. На Страстной Неделе пошли тревожные слухи: все дороги с районными центрами отрезаны, мосты через р. Великую и Сороть взорваны партизанами и они идут к Св. Гарам. Спросил об этом местного коменданта — немецкого майора, он ответил утвердительно, не скрывая грозящей опасности быть «раздавленными» партизанами к Пасхе. По ночам вокруг Св. Гор горели деревни, поджигаемые партизанами. Кольцо вокруг нас все более суживалось. Немцы из местной комендатуры делали крепость, но силы их были ничтожны по сравнению с партизанами. В Страстную субботу приехал ко мне комендан트 и взял ключи от церкви, дабы никто без его ведома не подымался на колокольню. Немцы боялись сигнализации партизанам из Св. Гор, опасаясь, что среди населения имеются партизанские друзья. Но не только «друзья» оказались в Св. Горах, но и даже сами партизаны. Во время утренней службы староста церкви мне подал записку от неизвестного лица. Там стояло нижеследующее: «Товарищ священник! Мы тебя знаем. Ты нас не бойся, мы тебя не тронем. Ты с народом, а не с немцами. На Пасху будем у вас в Пушкинских Горах. Красные партизаны». Я пропустил лишь его грамматические ошибки, которых было немало. Ясно, что партизаны готовились напасть на Св. Горы в пасхальную ночь. Никому не показывая эту записку, я стал особенно усердно служить и молиться, готовясь почти к верной смерти, несмотря на заверение партизан.

Народ все прибывал из соседних деревень и располагался лагерем вокруг собора, ожидая Светлой Заутрени ночью. Приехал к церкви немецкий комендан트 и заявил мне, что из-за тревожного положения он не разрешает совершать ночную службу, а лишь утром, в 6 часов. Что было делать? Пришлось подчиниться и объявить об этом народу. Народ остался терпеливо ждать до утра. В моей квартире на полу расположились вповалку знакомые мне люди. Вскоре все заснули. Не спали лишь мы со старостой и неким беглецом из советской тюрьмы — Н. Говорили вполголоса о грядущих событиях и тяжело вздыхали, молясь про себя: «Да минует нас всех чаша сия!» После полуночи задремали. Проснувшись

вдруг все от пулеметной очереди в ближайшем лесу, что подходил к самым Св. Горам. В ответ на это раздались три винтовочных выстрела. Это был сигнал тревоги у немцев. Сейчас же двинулись грузовики с двумя-тремя десятками солдат из комендатуры. Вскоре исчезли и они в темноте ночи. Наступила угрожающая тишина. Мы ожидали выстрелов, короткого боя и захвата партизанами Св. Гор. Но время шло, а немцы не возвращались. Тогда к утру на их поиски выехали две мотоциклетки с полевой жандармерией. Было уже около шести часов утра, когда появились вместе солдаты и жандармы. Оказывается, они всю ночь прочесывали тот лес, где стреляли партизаны, но ничего кроме пустых гильз от патронов там не нашли. Партизаны почему-то не вступили в бой.

Мы двинулись все в церковь на Светлую Заутреню. Началась служба пасхальная, с таким подъемом и чувством, как, быть может, она бывала у первых христиан перед мучениями и смертью. Все молились со слезами о том, чтобы сохранил Господь, Воскресший из мертвых, всех нас от мук, ран и безвременной смерти. И молитва веры была услышана Богом. В девять часов утра в Св. Горы вошло несколько сотен латышских стрелков, боровшихся вместе с немцами против красных партизан. Мы могли праздновать Пасху относительно спокойно, так как кругом шел бой и перестрелка. Привозили в Пушкинские Горы раненых с поля сражения, были и умирающие, которые хотели приобщиться Св. Таин. Работы было достаточно и по духовной линии.

Однако покинуть Св. Горы было еще невозможно, несмотря на приказ из центра, то есть из Пскова, где находилось тогда Главное управление миссии. Миссию возглавлял покойный митрополит Сергий (Воскресенский), экзарх Прибалтийского края. Приказ же гласил о моем назначении благочинным в Дно-Порхов-Солецкий районы, на место убитого там священника Р*. Что было делать? Пришлось ждать несколько дней, сидя в наполовину окруженных Св. Горах. Бои шли вокруг день и ночь. Разведывательные самолеты

* Имеется в виду, вероятно, священник Василий Рушанов (июнь 1942 – март 1943). — Примеч.ред.

немцев кружились низко над нами, сообщая о передвижениях партизан. Через неделю после Пасхи комендант пригласил меня к себе и сообщил, что на следующее утро идет полугрузовая машина в Остров и она могла отвезти меня туда, если я дам подпись. Подписать следовало под актом, что в случае моей смерти в пути немецкое командование не отвечает за то, ибо мне была поставлена на вид таковая опасность. Ясно было, что немецкое командование не могло охранить путей сообщения от засиля красных партизан. Подумав, я согласился и подписал упомянутый акт. Наутро в шесть часов я сел в закрытую кабинку полугрузовика и с молитвой двинулся в путь, быть может, на верную смерть... Я слышал, как мы переплывали на пароме реку Великую, возле сожженного партизанами моста, и затем почувствовал, как грузовичок ринулся вперед, сильно загудев мотором. В то же время я услышал и ряд сильных перебоев в его моторе, но грузовик не уменьшил своего хода, а, наоборот, заметно набирал скорость. Когда мы доехали до шоссейной дороги Варшава — Петербург, тут наш грузовичок остановился. Один из сопровождавших немецких солдат открыл дверку кабинки и пошарил по мне рукой, как по неодушевленному предмету. Я отозвался по-немецки и спросил, в чем дело. Немец сказал: «А Вы живы и не ранены?» Меня это удивило. Тогда он мне указал на ряд пробоин в кузове автомобиля. Это стреляли в нас партизаны у моста, к счастью, не попали ни в кого. Я снова возблагодарил Бога за спасение. Дальше поехали не останавливаясь и без приключений. В г. Остров прибыли благополучно. Остановясь у местного священника, миссионера И.⁵, я разведал на станции о следующем поезде во Псков. Он уходил на другой день рано утром. Пришлось остаться ночевать в Острове. В полночь, когда мы все крепко заснули в церковном доме, близ моста через реку Великую раздался страшный грохот. Дом зашатался до основания, и окна вылетели вон. Я очутился на полу, выброшенный из постели каким-то вихрем. Оказалось, что советский само-

* Вероятно, имеется в виду священник Алексей Ионов. — Примеч. ред.

лет сбросил семнадцать бомб на мост, но не попал в него, а угодил в церковные постройки. Мы остались каким-то чудом живы и невредимы все. Из разбитого церковного дома мы вышли рано поутру. Я пошел прямо на станцию и вскоре сел в поезд, идущий во Псков, и через два часа очутился во Пскове. За это время, то есть за год с небольшим, Псков принял иной вид. Развалины были уbraneы, улицы почищены, и многие дома поправлены. Работало несколько церквей в городе; духовенство прибывало с разных сторон, частью из Прибалтики, вливаясь в Миссию как новые миссионеры, а большей частью — из бывших заключенных, то есть из концлагерей, освобожденные немецкой армией. Эти священники выглядели ужасно: едва прикрытые лохмотьями, истощенные голодом и моральными муками, больные, опухшие от водянки, они с трудом передвигали ноги. Словом, новоявленные мученики. Народ и наша Миссия отнеслись к ним особенно бережно, всячески стараясь помочь им. Кормили, поили и одевали их с большой готовностью и любовью, а они в ответ слезно благодарили всех и непрестанно молились, благодаря Бога за спасение. Души и здоровье их были явно надломлены. Однако со временем многие из этих батюшек, принадлежавших к так называемой катакомбной Церкви в Советской России, оправились душою и телом, так что смогли затем вступить в ряды активных миссионеров и были разосланы в разные концы северных областей России. Так, например, в моем Дно-Порхов-Солецком благочинии оказалось затем таких спасенных мучеников (священников) около двадцати. Все они имели так называемый дар слез, ибо молитвы их сопряжены были всегда почти со слезами. А с ними вместе молился и плакал весь русский народ. Проповедей говорить они не могли, да и что могли выразить их уста по сравнению с теми великими страданиями, которые они перенесли... Все слова казались бы слишком бледными и малоценными относительно той муки, что пережили они. Да и привычка терпеливо молчать, создавшаяся под гнетом советской власти из боязни быть наказанными еще больше, сказывалась в них ярко. Они инстинктивно боялись всех резких слов или порицаний советской власти, так как слишком дорого пришлось им платить в своей жизни за несогласие или непокорность ей. Это был уже явный психоз пани-

ческого страха перед дьявольской властью. Они ее ненавидели в глубине души и безумно боялись в то же время, как и большинство народа в подъяремной Руси. У них всех было к тому же мрачное предчувствие, что это лишь «передышка» на пути страданий, что «чаша» их не испита еще до дна, а продолжение мук неизбежно. Увы, эти предчувствия для некоторых оказались верными. Но большинство их не остались в России, а выехали в Западную Европу и в другие части света, лишь бы не попасть снова в кабалу советской власти. Путь их был снова тернист и порою опасен.

06.04.1954

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

СВЕТЛАНА НОСОВА

Стихи

О пшенице

Зерно пшеницы раздвоено как борозда земли,
Раздвоено и едино как рана пронзенного ребра.

Mar Cyriionas

О, как мне дороги твои черты,
Колосоножка!
Тебя б, зерновку, завернуть в листы,
Сложить в ладошку!

Молочной спелости шумит наряд,
Еще не колкий,
И льются листья, словно говорят,
К оси метелки.

Еще не срок о камни молотить,
Еще не поздно!
Святому слову у межи светить
Тепло и грозно;

Почти у грани, а за ней горит
Зарницы шолох,
Кровавым звуком в сердце прошумит
Осенний сполох.

Твои потомки, нежные вчера,
Готовы к жатве,
Господень знак пронзенного ребра
Подобен клятве.

Так восковое, голое зерно
Одето мраком,
Неразделенное – разделено
Продольным знаком.

Ложбинка, тропка, впадина зерна,
Воронка боли,
Ты тьме растления обречена
Земли и соли.

И как пшеница пьет из борозды,
И прорастает,
Святое семя крови и воды
В нас расцветает.

Вот стебель рук – подобие креста –
И отголосок,
Протянет из-за пазухи листа
Слепой проросток.

Почует свет от четырех ветров,
Уже не зимних,
Зловещий лик таинственных цветов
Глубоких, синих.

Оставь их, Господи, до срока зреть,
Переплетаясь,
Одним дышать и вместе умереть,
Не сочетаясь.

Прозябнет плоть, и ржавчина беды
Проступит следом –
Мы только веруем в Твои следы,
Нам путь неведом.

О, первенец, черпающий со дна,
Помимо воли,
Как плачет сердце голого зерна:
— Увы, доколе?

Но там где веянье изнемогло —
Горит терпенье;
Упругий день, как ангела крыло,
И — Воскресенье.

Mar Cyrrillonas, сирийский автор IV века, по некоторым сведениям (G. Bickell, Duval), племянник Св. Ефрема Сириня.

«Оставьте рести вместе до жатвы».
Ев. Матфея 13:30

* * *

Платяное вретище — нет, не камень! —
Схоронило Твое золотое семя,
Перед лицом зла холдеют ткани
Крови предсердья.

Еле-слышный запах цветов невзрачных,
Терпеливой почки слепую завязь
Распускает лоза. Обещает сердце
Добрые грозди.

Виноградник чистый! Вот стебель дикий
Оплетая ствол, перехватит горло,
Унимая дрожь, заглушая стрелки
Розовых прутьев.

Ты откуда пьешь, золотая отрасль?
Там отравленный плевелом виноградник
Обнимает в земле, прижимает к сердцу
Горькие корни.

Июнь 2009

Звезда Иакова

«И от судеб защиты нет». А.С. Пушкин

О, плачьте обо мне, оставленные камни!
Ковыль и тишина мне жалобу соткали,
Мой сын растерзанный, он не придет назад...
И разноцветные одежды сторожат
Отцовскую печаль. Как незаметно льется,
Качается на дне иссохшего колодца
Раздавленной луны развеянная пядь,
Высвечивает то, что я боюсь назвать.

О матери-судьбе и нежной, и лукавой,
О первородстве верного Исаева,
Кровавый месяц поднимает рог,
Над ложью помыслов качает ветерок,
Над ревностью к Тебе до преступленья!
И снова отрок я, и первое моленье
И первой жертвы дым, протянутый к Тебе
На ранние поля, покорные судьбе.

О, ревности побег! И где твое начало?
Разодрано листвы слепое покрывало,
Прорезался росток. И корни оплели
Бесплодие камней и горсточку земли;
Так, первые слова Всевышнему навстречу,
И первый сердца жар членораздельной речи,
Упорной мысли звук и лепетанье трав,
Все – ожидание. Таинственных дубрав,
Широколиственных, тяжелое смятенье,
Когда, пронизав дня земное тяготенье,
Польется речь Твоя как ливень на траву!

Душистый хмель ползет, раскованный по рву,
И тени слов Твоих самозабвенно ищет,
Он любит ночевать в таинственных жилищах,
Где первая струя, до времени, до сна,

Качает пылкий злак. Судьба или вина
В Божественном глотке темнеющего света?
Пока не выпьет зной до дна и сухоцвета,
И не съебет венка сухого набекрень...

А я – Твоим теплом иссущенная тень,
Когда цветы полей увяли, обветшали,
Повис по краю материнской шали,
Остался у Тебя, сокрытый от зимы;
Последний вздох тепла у девственной каймы!
Святой покров и плат Божественного лета!
Как много ты даришь в предчувствии ответа
И скрадываешь весть о будущих скорбях,
Когда роса полей ноочует на ветвях,
И бодрствует душа, раскрытая мгновенюю,
И вот – неслышному покорна дуновенюю,
Благословения качается волна,
И в тихом веянии проходит шехина.

* * *

А вечером, в шатрах, на ложе небогатом,
Я помню мех овчин, глухой и рыжеватый,
Их светло-бурый, свалянный покров;
Голубоватые просветы завитков
Расчесывала мать. И голос тихо веял,
Несказанное днем и тайное лелеял,
И скрадывал напев шуршание овец...

Родитель мой Исаак – Божественный слепец! –
Рассказывал во тьме уныло и упрямо:
Владыка света звал на гору Авраама,
И я – начаток сил – единородный сын,
Последовал за ним до ветреных вершин.
О, где же крепких дар, Прибежище и Сила?...
Покорная рука в отцовской длани стыла,
И колыханье дров немело у спины,
Как древо крестное непонятой вины.

Масличный стебель мой!

Божественная клятва!
Обитых веток боль.

Осыпанная жатва.

Кровавой веры дар скорее собери,
Вдове и сироте, и страннику земли
Оставь три ягоды;

исхлестанное древо,

Твой отрок связанный, без ропота и гнева,
Возлег на жертвенник, устроенный из дров;
И пытка веры, памяти без слов,
На ветреных камнях отчаянье простерла,
И таянье клинка у трепетного горла
Не щадило зелени юнца...

О, мягкое крыло у самого лица!

Благоуханный день, над отроком склоненный,
Удержаный удар, застыл, преображеный,
Беспомощно повис масличною главой
Оливы радостной сомученник живой...

* * *

О, дерево Отцов! Святой маслины лоно!
Когда звезда зари сияет с небосклона,
И складки ветра спят у брошенных оград,
И, перекинуты, бессильные, скользят
По зелени ветвей. И пьют они до света
Последнюю струю дряхлеющего лета.

Но ветреная рань заденет за листы,
И ветка колыхнет просветы пустоты,
Так оживает дом движением одежды,
И пригоршней теней, и лепетом надежды,
И звоном голосов разбита тишина...
Там зелени побег, воспрянув ото сна,
Спросонья тянется листвою еле слышной,
Обеты шелестя: будь мне Отцом, Всевышний!
Пока не станет звук – дыханье и судьба,
Движением бровей – короткая мольба,

И если ветер дня, случайного, пустого,
Мне голос оборвет посередине слова,
Пусть цепенеет звук на имени Твоем...

Мы в ярости своей себя не узнаем!
О, мой зеленый брат! Что сделалось со мною?
Вот белый хрящ ствола, расколотый грозою,
Зияет твой излом, твердея на ветру,
И дрема шелушит зеленую кору...

Как лев у логова, снедаемый тревогой,
Пружины мышц напряг,
до утреннего срока,
Добычу стережет, алканием влеком,
Покорный матери, неправедным куском,
Похитил я венец воинственного брата!
Я помню шерсти ложь, влекущую куда-то,
И старческую дрожь, когда почти без сил,
Мою главу отец руками обхватил:
«Вот запах сына моего как запах поля!»
Овечьего руна скудельная неволя
Накрыла мне главу. И я услышал свет
Пустыми веждами. И пламенный ответ
Избраннику, желавшему так много!
Нахлынула волна – и белая дорога
открыла мне лицо, где плачет тень со дна,
и в тихом веяньи проходит шехина...

* * *

Прочь, замолчи, солончак! О, первенец веры, не медли!
Прочь... догорает заря в горечи жгучих песков;
Странник, иди без пути! Будь прах, возметаемый ветром,
Ах, невозможно дойти – Ты обрети мое сердце!
Облики светлые жен – вижу – Сары, Ревеки, Рахили –
Облик и крылья Твои, Спутник таинственный мой!
Ты мне срывал на ходу листы ореха и хмеля,
Но не унял до конца крови и ревности боль.

Диких плодов сикоморы и ягод сухих тамариска,
Мало на склонах холмов, мало на тропах Твоих,
Только – колючие травы да низкорослый кустарник,
Голодом веры томим, тайною зверя поим;

Плачете снега обо мне! Святые склоны Васана!
Горный поток Иавок в тихий спешит Иордан;
Там, где раскинула ветви влаголюбивая пальма,
Моет и точит поток корни и заросли трав.
Грозного Ангела длани – и ревность, пламенность сына,
В чистой борьбе поднялись – встали – один на Один,
Пыль и песок на зубах; пот и елей и дыханье,
Взвился единый клубок намертво сплетшихся тел.
Медь ли – десница моя? Ты, Ангел, меня обессилил
Крепким объятьем Своим – и оторвал от земли!
Новое Имя нарек – горит отерплюе стегно,
Ровно на мягкий грунт льется последний елей....

* * *

Так вот она во мне – расплата и награда!
Осеннего руна смертельная прохлада,
Сухой и мертвый зрак колодезя-тюрьмы,
Разодранный хитон и пряди баҳромы;
Мне разноцветные, кровавые лохмотья,
Терзаясь, целовать. Тепло сыновней плоти
Оставило меня. О, где покатость плеч,
Сновидец мой!

Твоя таинственная речь?
И отроческих скул невинная неровность,
И стана твоего пастушеская ловкость,
Когда за трапезой – цветистой баҳромой
Тебя я отличал. Тяжелой и немой
Стеной сидели все. И каменели лица,
И устрашался я за своего сновидца!
Вина моя, сестра,
жена моя, присядь,
О, жертвенная кровь! Мне боли не унять...
Войди, сухая ночь! Разодраны одежды,

Торопится промыть младенческие вежды
Шершавая луна, и шелестит вода,
На дне плескается, качается беда,
Где щедрая тоска меня подстерегает,
Мешок колодезя свою утробу знает,
Бесплодие царит и мрак — ни ветерка,
Над миром тяготит Всевышнего рука.
Как старый пеликан горюет по гнездовью!
Мне драгоценна шерсть, испачканная кровью!

...О, где дыханье дня и лепетанье струй?
Я помню родственный, девичий поцелуй,
Я камень отвалил;
и — темные — яснели,
Сияли мне глаза возлюбленной Рашели...

Но лжет любимых рук прохладное тепло,
И безнадежному объятье тяжело,
И там, где пустота земное сердце гложет,
Два одиночества безмолвствуют на ложе,
Рыданье замкнись и сердце овдовей...

Ты, ветер, поднимись, и в черный сад повей!
Пролейся надо мной, знакомое дыханье!
Где чистый овен ждет, готовый на закланье,
Но памяти шальной, — ее не усмирить,
Как жертву не связать, вины не искупить...
Вот тонкорунный зверь на каменном помосте,
Сопротивление волокон черной ости
У холки и спины. Короткий стук ножа —
И выя кроткая без крика, мятежа,
Поникла, капая, в терновники, на скалы,
И взором медленным спасения искала,
Цепляясь, грузная, на землю полегла,
И долго стыла кровь последнего тепла...

ЭПИЛОГ

...Когда лепечет снег и тает до паденья,
Когда тоскливый день, как шелуху забвенья,
Сдувает новый час – во тьму, едва родив;
Когда твоя рука, моря избороздив,
Рассеянно шурша, скользит по старой карте,
И ветхие слова читает в фолианте,
И с новыми плывет;
я слышу тихий зов:
То дальний гром зовет на пиршество отцов.

Закатный ветер смял и обуял неслышно
Верхи олив;
и сник, захолонув недвижно.
Серо-зеленая и редкая листва
Не дрогнет;
не молчит, качаясь, чуть жива,
Метельчатая кисть серебряных соцветий,
Их беловатый плен не переносит ветер!
Стоит, колышется, и душный и немой,
И задыхается пыльцой и синевой.

Предвестники-слова! Лишь вами сердце живо!
Вот дрогнула трава от тихого порыва:
Возьмите от меня, наследники *вины*,
На празднике судьбы прохладу шехины,
Снедающий огонь и ярый пепел слова,
Возьмите от меня – вот трапеза готова –
Плодоношение двенадцати ветвей!
О, дом Израиля! Приди ко мне и пей
Обетование покоя Силоама!

Зияет борозда, проложенная прямо,
Я вижу: на волов возложено ярмо –
Как пахота молчит! Орудие само
Ведет, согнувшись, раб, своей судьбе внимая...
Тяжелый лемех жжет; и землю подымая,
Скрипит животное, качаясь на ремнях,
И вздрагивает плуг на камнях и корнях.

Как гнется, протирается до крови,
Пылает лезвие, светлея в черной нови!
Визжит о камушек слепой, горячий клин...

Разорванный сквозняк распаханных долин –
Я вижу – синевы высокое движенье,
И перепутанное, странное скольжение
Открытого дождя. И хлопья, и хребты,
Слоистых облаков тяжелые гурты,
И брошенных полей и клочьев синеватых
Сплошная череда... И градин мелковатых,
И снежных зерен плеть, и слабый редкий снег
На пашни моросит...

О, сердце! Ты побег
Навстречу распрыми таинственному Слову,
Где радость брызжет въявь велению Отцову,
Где зверем сторожит нас тайная печаль...

Где ливневая тень, пронизанная даль,
Обильная, несет беду и одичанье,
И накануне дня, на краешке отчаянья,
У разделенья вод и мыслей, разомкнув
Границы памяти, и в бездну заглянув,
Где тень любимая немотствует, глотая
Соленою пыли прах;

где волны, замирая,
От пены грохота так яростно белы,
Где водорослей зрак, качаясь у скалы,
В пучине огустел... Мне стало сердце – морем,
Бездонное мое, оставленное горем...

О, бремя слез моих! Ты катишься во мне
От боли к радости, с прибоем наравне,
На переплаве слов недоуменно медля...

Какая тишина, разметывая петли,
Выплескивая мрак, разглаживая путь,
Соленою грудью став, скользя куда-нибудь,
Как дикое дитя – неистовое сердце –
Качает и зовет, распахивая дверцы!

Возлюбленный мой Сын!

Не близок Твой приход,
Звезда Иакова! О, кто Тебя зажжет?
Когда иссякла жизнь – в открытое пространство –
Как легкое белье, отряхивая сор,
Летит Твое зерно.

Прощальный, тихий взор
Обнимет милых гор размытое убранство,
Свернется молоком, мгновением, строкой,
Скупого чаянья и сердца перебой,
Разжатой паузы, отрывистой синкопы...

Как лезвие звезды, легко принять на грудь
Благого Имени таинственную суть,
Где тают тишины нехоженые тропы.

Священник Константин КРАВЦОВ

Три литературных очерка

Воздух Мандельштама

Он пил холодный горный воздух христианства, не расколотого на конфессии, не превращенного в государственную религию, в религиозно-национальную идеологию, — первохристианский воздух будущего, для которого, по его словам, и пишет поэт. Но, пожалуй, уместнее в этом случае говорить не столько о будущем, которое, не успев стать настоящим, становится прошлым, сколько о *новом*. Новом в новозаветном смысле: новом небе и новой земле.

Поэзия, по Мандельштаму, «наступающие губы»: поход и прорыв в то измерение, где

Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех —
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.

Здесь театр — то же самое «радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми», которое, по Мандельштаму, и есть христианское, сиречь подлинно свободное, искусство («Пушкин и Скрябин»). Это именно «театр времен растущих», «воздушно-каменный», небесно-земной, сочетающий две природы.

Сама поэтика, заметим, отсылает здесь к халкидонскому догмату.

Воздух и камень соединились в одно целое — в театр, в религиозный в своем истоке и по своему изначальному смыслу «синтез искусств», который не перестает быть при этом воздухом и камнем — двумя наиважнейшими для Мандельштама библейскими категориями. И этот «воздушно-каменный театр» есть не что иное, как Церковь, созидаемая «как бы игрой» Духа («воздух») на «камне» (вспомним обетование Петру) и из «живых камней».

Это те же «зернохранилища вселенского добра и риги Нового Завета», тот же «свет в круглой храмине под куполом

в июле», где «все причащаются, играют и поют». Это и зрелище, и виденье (оно же и видение, сверхвиденье), созерцание человеческой истории через ее преломление в культуре как ее, истории, духовной сердцевине. Истории, понимаемой как трагедия в ее первоначальном понимании. Истории как религиозного по своей сути действия, приобщающего к божественному бытию.

Таким образом, это и богослужение, которое тоже может быть названо «как бы игрой Отца с детьми» (именно *как бы*), и — «театр военных действий»: трагедия человеческой свободы, по завершении которой будет дано «всем увидеть всех».

«Воздушно-каменный театр времен растущих» Мандельштама и есть его «раздвижной и прижизненный дом». Дом «здесь, на земле, а не на небе», и такое ощущение также свойственно первохристианскому опыту Царства как реальности, данной здесь и сейчас. Не языческое «бессмертие души», а действительность Воскресения, переживаемая как радость, делающая возможной *игру* как внутри тебя (а ты сам, прежде всего, и есть Церковь — «Царствие Божие внутри вас есть»), так и вовне — в этом, обстоящем тебя «театре».

Одновременно иудей и эллин, Мандельштам воспринимает христианство не как католицизм, православие, протестантизм, которым — всем трем — симпатизирует, но — не отождествляя себя ни с одним из них — как «неисчерпаемое веселье». Этой радости именно иудейского, пропитанного эллинизмом и перевернутого христианством сознания мы и обязаны уникальности мандельштамовской поэзии и судьбы. И та и другая следуют с неизбежностью из убеждения в том, что историческому небытию можно противостоять лишь встав на путь «свободного подражания Христу» — «вечного возвращения к единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре» («Пушкин и Скрябин»).

Но это — не что иное, как распятье, точнее, со-распятие. И неслучайно «Пушкин и Скрябин» начинается именно с характеристики смерти художника как его наивысшего творческого акта. Таким образом, «игра Отца с детьми» — это крестный путь, тем более неизбежный в эпоху, когда антиисторические силы крушат хрупкий позвоночник христианского летоисчисления.

Стихи о «кремлевском горце» Пастернак воспринял как безумие и самоубийство, и с точки зрения человеческой он совершенно прав. Но человеческая логика зачастую только логика оберегающей себя природы, а не личности, не «самостояния человека, залога величия его», говоря словами Пушкина.

По логике Мандельштама безумием и самоубийством было не совершить этого безумия и самоубийства. Подписать себе смертный приговор было, по-видимому, единственной возможностью глотнуть «ворованный воздух», отказаться от которого означало впасть в иудин грех «разрешенной литературы».

Деля *всю* мировую литературу на «мразь» и «ворованный воздух», Мандельштам отделяет зерна от плевел, как ангел при последней жатве. Ангел, как известно, вестник, каковым и сознавал себя Мандельштам, зная, что «не бумажные дести, а вести спасают людей». А если так, то каждый пишущий поставлен перед выбором между культурой как «свободным подражанием Христу» и тем или иным уходом от этого «подражания».

Поэтому сказать, что «разрешенная литература» — это повторение уже решенной кем-то художественной задачи, думается, еще не сказать всего. Речь ведь идет не только и не столько о художественных задачах, сколько о сверхзадаче жизнетворчества (творчества как жизни и жизни как творчества):

И бороться за воздух прожиточный —
Это слава другим не в пример.

Именно наличие или отсутствие *такой* борьбы и отличает одну литературу от другой. Особенно когда воздух очевидным образом отнят. И отнят не только у поэта — отнят у всех:

Из густо отработанных кино,
Убитые, как после хлороформа,
Выходят толпы. До чего они венозны,
И до чего им нужен кислород!

Кислород может быть только украден, но у кого? Разумеется, у *князя воздушного*, представленного земными инстанциями. И потому-то это и *слава другим не в пример*, что вести та-

кую борьбу означает не только «изменить что-то в самой структуре русской поэзии», а решить задачу, превышающую человеческие силы, так как литература «написанная без разрешения» вообще не пишется («я ничего не пишу», — заявляется в «Четвертой прозе») — она записывается как свидетельство, необходимое как воздух, и сама является воздухом. Тем воздухом, которым каждый задыхающийся ученик — ученик задыхавшегося на кресте — дышит «в весельи и тайне».

О «ледяном атеизме» Георгия Иванова

Полвека назад на юге Франции, в «богомерзком Йере», умер «первый поэт эмиграции», «жуткий маэстро, собирающий весьма ядовитые цветы зла», как отзывался о нем кто-то из эмигрантов. По поводу этой характеристики можно было бы заметить, что, например, в Чернобыльской зоне неотравленных цветов не бывает, но все же они — цветы, и при всей своей отравленности — живые в отличие от вошедших в моду пластиковых имитаций.

Именно это и хочет сказать Иванов, начиная свой «Распад атома» таким признанием: «Я дышу. Может быть, этот воздух отравлен? Но это единственный воздух, которым мне дано дышать».

То, что воздух отравлен, знает теперь каждый. Как и то, что другого воздуха нет и, скорее всего, не будет, что, напротив, отравление будет лишь нарастать.

В такой ситуации вопрос о *невозможности поэзии* может ставиться лишь как вопрос о ее невозможности (или возможности) как кислородной маски. Только в ней и есть нужда. Нужда в смысле, когда «распадаются слова и не значат ничего», когда «все навсегда потеряло значение», когда «наши одинаковые, разные, глухонемые души — почуяли общую цель и — штопором, штопором — сквозь видимость и поверхность за-винчиваются в ней. Наши отвратительные, несчастные, одинокие души соединились в одну и штопором, штопором сквозь мировое уродство, как умеют, продираются к Богу».

Поэзия, как и кислородная маска, — продирание к воздуху, а воздух, как известно, атрибут Божества. Однако единственной, несомненной правдой оказалось не то, что ожи-

далось: «В непрерывном пестром потоке промелькнули синее платье, размолвка, зимний туманный день Спираль была закинута глубоко в вечность. Разбитое вдребезги, расплавленное мировое уродство, сокращаясь, выбирируя, мчалось по ней. Там, на самой грани, у цели, все опять сливалось в одно. Сквозь вращенье трепет и блеск, понемногу проясняясь, пропадали черты. Смысл жизни? Бог? Нет, все то же: дорогое, бессердечное, навсегда потерянное твое лицо».

Но могло ли, может ли быть иначе? И отрицается ли этим самым Бог? Или как раз наоборот?

«Земля и все дела на ней сгорят», — сказано в Новом Завете. Для Иванова — уже сгорели. Но что-то осталось. Лицо женщины, «стихи и звезды». И, возможно, если на земле после планетарной катастрофы кое-где, кое-как, но все же будет теплиться жизнь и на этих обитаемых островках будут писаться стихи, то стихи эти будут похожи на стихи Георгия Иванова:

Хорошо, что нет Царя,
Хорошо, что нет России,
Хорошо, что Бога нет.

Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо, что никого,
Хорошо, что ничего.

Так черно и так мертво,
Что чернее быть не может
И мертвее не бывать.

Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Это трагическое ерничество, кроме которого ничего уже невозможно, эта философия «после конца света», как ни странно, иногда воспринимается буквально: «Семантика этого страшного, гениального и чрезвычайно характерного стихотворения, — пишет Алексей Пурин, — начисто отвергает

любые попытки его ситуационного, скажем — политического прочтения. Речь тут идет не об убийстве в Ипатьевском доме, а о смерти без воскресения. Понятно: если эмиграция — зримый посюсторонний мир, то Россия, синонимичная Царю (с прописной буквы) и Богу, — потусторонний мир души и бессмертия. Россия — душа, но ее, согласно Иванову, нет. Нет и бессмертия. Нет рая».

Однако для другого петербургского поэта, Дмитрия Бобышева, из этих строк было понятно совсем другое: юродство: « — России нет, — желчь изливал Иван. / — И — хорошо! — юродствовал Георгий».

Георгий именно юродствовал, противопоставляя юродство — «мировому уродству».

Его стихи написаны как бы за болевым порогом: боли уже нет, психика, предохранивая себя от распада, перестает реагировать на происходящее в подвалах Лубянки или в спортзале школы в Беслане, где важно только одно: не сойти с ума.

Расстреливают палачи
Невинных в мировой ночи —
Не обращай вниманья!
Гляди в холодное ничто,
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.

Смысл страдания «выше понимания». Алеше Карамазову нечего возразить своему брату, говорящему, что никакое Царство Небесное не стоит слезы ребенка. Алеша молчит, потому что любое аргументированное опровержение будет теодицеей друзей Иова, призывающего к ответу Бога, а не человеческую мудрость, которой нечего сказать Иову.

Она, эта мудрость, лишь «жиденькое противоядие смысла, удивительно быстро перестающее действовать, и за ним глухонемая пустота одиночества», — говорит герой «Распада атома». И — «кончает праздновать свои именины», кончает с собой. Но Иванов не следует его примеру, может быть, только потому, что в отличие от своего «потерянного человека» не только знает, что противоядие есть, но и производит его — «противоядие против безбожия, диамата, рабства тела, растления душ», как он называет поэзию.

Уже одного этого определения из дополнения к «Петербургским зимам» достаточно, чтобы снять с Иванова предъявленные ему обвинения в «ледяном атеизме» (да еще и «математически выверенном»).

Если Иванов и говорит о «смерти Бога», то языком Великой Субботы: Бог мертв, но в беспрозветной тьме уже занимается «над бедной землей неземное сияние»; Бог в аду и единственный способ избежать ада — это сойти туда вслед за Ним.

«Держи ум свой во аде и не отчаивайся», — сказал, если верить архимандриту Софонию (Сахарову) в XX веке Спаситель, явившись преподобному Силуану Афонскому.

Что-то подобное, похоже, рассыпал и Иванов, пришедший

В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней
По снегу русскому домой.

Отчаянье, оставаясь отчаяньем, переходит в свою противоположность: в отчаянье-как-смижение. Ад превращается в дом, озаренный небесным Присутствием. И именно в этих ивановских стихах — ключ к пониманию того «страшного, гениального и чрезвычайно характерного стихотворения», на основании которого поэт обвиняется в единственном грехе, исключающем спасение, — в неверии в Воскресение.

Пурин совершенно не принимает во внимание такие, например, строки из «Посмертного дневника», записанные незадолго до смерти:

Если б время остановить,
Чтобы день увеличился вдвое,
Перед смертью благословить
Всех живущих и все живое.

И у тех, кто обидел меня,
Попросить смиренно прощенья,
Чтобы вспыхнуло пламя огня
Милосердия и очищения.

Брезжившее когда-то «над бедной землей неземное сияние» превращается на смертном одре в гимнографическое пламя огня. Что же касается пути художника, то он мыслится умирающим Ивановым как принесение себя в жертву за других по образу Христа. Так, возвращаясь к своему стихотворению «Свободен путь под Фермопилами», он вводит строки из него в новый контекст — в стихи о своем собственном умирании, сопоставляемом с умиранием Пруста, до которого, как и вообще до всего на свете, ему уже нет дела. До всего, кроме Рождества в покинутой России:

...Московские елочки,
Снег. Рождество.
И вечер — по-русскому — ласков и тих...
«И голубые комсомолочки...»
«Должно быть, умер и за них».

«Должно быть» вместо «конечно», как в последней строке «свободен путь под Фермопилами», разумеется, не ошибка памяти. «Конечно, умер и за них» здесь совершенно невозможно, как невозможна уверенность в том, во что можно лишь верить, то есть быть уверенным, так как можно быть уверенным лишь в неочевидном, не «объективном». «Ледяной атеизм» или, точнее, то, что кажется таковым считывающему слова, а не то, что за ними, не «музыку» — лишь этап, лишь диалектический момент на этом пути «по лунному карнизу» взглядывающегося в «холодное ничто» и тем самым преодолевающего его «жуткого маэстро».

«Заостриться острей смерти»

И дикий лай переложу в псалом,
как подобает сукиному сыну.

Денис Новиков

Из поэтических книг новейших авторов для меня эта была единственной, не уступавшей по своему трагизму «Воронежским тетрадям» и эмигрантским стихам Георгия Иванова. Название — «Самопал», автор — мой однокурсник и при-

ятель (именно приятель, не более) по двум первым лингвистическим годам. После я потерял его из виду. После возвращения Дениса «из заморских краев корабельных» не видел его ни разу. Так что это заметка не воспоминания (вспоминать в общем-то нечего), а попытка ответа на главный из поставленных Денисом вопросов – вопрос о религиозном оправдании поэзии и, соответственно, поэта, вопрос, если так можно выразиться, поэтодицей. Не поэзии и поэта вообще, каковых попросту не существует, а отдельно взятого ничтожнейшего из детей ничтожных мира, занятого смертельно опасной игрой в самосожжение («самопал») и предпочитающего ее всем остальным «играм, в которые играют люди». Иными словами, будет ли риск жить для стихов признан там законным наравне с известными жизненными стратегиями, заведомо богоугодными? То, что для них – молитва, для Новикова – стихи, но цель и в том, и в другом случае – одна и та же: преодоление смерти:

Дымом до ветхозаветных ноздрей,
новозаветных ушей
словом дойти, заостриться острой
смерти – при жизни умей.

«Писать стихи – это умирать», – сказал Денис как-то раз в застолье на полном серьезе (аудиозапись из архива Виктора Куллэ). Причем, может быть, умирать для мира не только здешнего, но и для «Царства», если там, в «Царстве», не продолжается «наша пирушка на книжном развале, на развалинах двух злополучных держав», если слепящий, как в прозекторской, Свет и командный Голос рассеют, убьют «голоса и свеченья, любезные нам». Если Свет – таков, то не отказаться от него означает не только перестать быть поэтом, но и перестать быть человеком. И вся поэзия Дениса, по сути, непрестанное исследование света и тьмы. Все поставлено под вопрос, в том числе и поэзия. Но поэзия если и ложь, то ложь во спасение – в этом он не сомневается, хотя и смутно представляет себе, что такое – это «спасение». Тем не менее он в него верит, как верит, что поэзия спасительна не только для «рано погибшего автора»:

Только слово, которого нет на земле,
и вот эту любовь, и вот ту, и меня,
и зачатых в любви, и живущих во зле
оправдает.

Слово здесь – со строчной буквы, но, кажется, под ним можно понимать как слово поэта, так и Слово, бывшее в начале, Которое тоже – Слово Поэта. Слово, ставшее плотью, чтобы быть распятым. И, похоже, Денис понимал, что и для его слова, и для него самого как слова никакой другой путь кроме крестного невозможен:

Не меняется от перемены мест,
но не сумма, нет,
а suma и крест, необъятный крест,
переметный свет.

Ненагляден день, безоружна ночь,
а suma пуста,
и с крестом не может никто помочь
окромя Христа.

Сума и крест – больше ничего. Какая там литература! Да и раньше – была ли? Была, по Верлену, ее противоположность – «музыка»:

Нас тихо сживаєт со света
и ласково сводит с ума
покладистых – музыка эта,
строптивых – музыка сама.

Строптивость здесь – от музыки, торопящей в свое безумие, обязывающей жить ради нее, ради слияния с ней, ради превращения ее носителя в нее – «музыку саму». Ту, что очаровывает ад, куда не может не сходить Орфей. Ту, что заявляет: «здесь орфической силой пения немощь ада преодолена». Ад – вот именно – немощен по своей сути, он ведь уже разрушен Крестом, его, в сущности, нет, хотя он и остается реальностью, и реальностью, знакомой строптивому безумцу, живущему музыкой и для музыки, как никому другому.

Безумцу — верующему, доказательство чему — все написанное Денисом.

Существование *Царства* никогда не подвергалось им сомнению, хотя и воспринимается иногда как «Республика» Платона, откуда поэты изгоняются вон. Но это — в молодости. Позже для Новикова разводимые раньше в разных направлениях путь «спасения» и путь «творчества» соединяются в один. Писать стихи по-прежнему означает умирать, но в приведенном первым четверостишии, написанном в рождественский сочельник 97-го, уточняется — ради чего. Поэзия здесь — «хвала» и «фимиам», дым, восходящий с жертвенника. Писать стихи означает не просто умирать, но — и это главное! — «заостриться острой смерти», попрать смертью смерть, попираемую только таким образом и никак иначе.

Но есть ли этому основания в Писании, в Предании, — спросит верующий. На мой взгляд, есть: «от слов своих осудишься, и от слов своих оправдаешься», — говорит Слово, ставшее плотью. От слов! Слов, заострившихся острой смерти, вобрав в себя и жизнь, и смерть в их — пока еще не отдельном друг от друга — единстве. Слов, которые выше сил человеческих, которые умерщвляют и тем спасают. И никто не поможет здесь «окромя Христа».

«Литературный процесс»? С некоторых пор он представлялся Денису клоунадой, но и храм, превращенный в цирк, все же не перестает быть храмом:

Не бойся ничего, ты Господом любим —
слова обращены к избраннику, но кто он?
Об этом без конца и спорят Бом и Бим
и третий их партнер, по внешности не клоун.
Не думай о плохом, ты Господом ведом,
но кто избранник, кто? Совсем забыв о третьем,
кричит полцирка — Бим! кричит полцирка — Бом!
Но здесь решать не им, не этим глупым детям.

В новом столетии-тысячелетии Денис, по собственному признанию, не написал ни строки. Почему? Причин тому много, и здесь не хочется заводить речь о замалчивании, на которое обратил внимание И. Фаликов в лучшей, на мой взгляд, статье о Денисе.

Скажу о другом. В одном интервью у Новикова спросили: «Цветаева утверждала, что поэт к двум строчкам, данным Богом, придумывает две свои. У вас это происходит так же?» — «М-м, потрясающе, меня устраивает эта формула абсолютно. Раньше я думал, что это филология. То есть волнение искреннее, а вот выражение этого волнения в словах — это филологическая задача. Сейчас мне кажется, что это не так, что есть идеальные стихи, они написаны. Надо просто точно их воспроизвести. Словно Бог напоминает мне слова. Хотя смешно: как будто Богу нечем больше заниматься, кроме как мне напоминать, да? Но что-то в этом есть. Что-то есть в этом. Божественный фактор мы не исключаем».

Не помню, где это сказала Цветаева, но именно так, именно этими словами, говорил о создании стихов «первый святой из поэтов и первый поэт из святых», как именуют его католики, испанский мистик и аскет XVI века Хуан де ла Крус (Иоанн Креста).

Итак, как стихи, так и молчание диктуются поэту свыше. А стихи напоследок диктовались, например, такие:

еще моя молитва
не произнесена
еще на грунт палитра
не перенесена

она на самом деле
не так уж и бедна
но краски осудели
и вся земля видна

Вся земля — это вся жизнь, жизнь всех и вся. И что такое это осуждение, как не единственная возможность увидеть, наконец, *всю землю как есть, без прикрас?* Это уже не катарсис — это кенозис. Так, впрочем, было и раньше:

Как писал, изменялся в лице.
Так меняется у мертвца.

И лицо умершего, и лицо поэта «за работой» — лицо путешествующего сквозь ад и чистилище, при котором не теряются из виду движимые любовью светила.

Поэзия, как и философия, есть «искусство умирать», отличающееся от последней лишь большей скоростью «сообщения понятий». Иными словами, словами Дениса, философ «покладист», поэт — «строптив»; первый вникает «музыке сфер», второй — «музыке самой». Потому и возникло у Бродского при чтении Новикова «ощущение ускорения души, преодолевающей тяготение эпохи и биографии». Устремляющийся, как и его осенний ястреб, в ионосферу. И поэтому надо говорить не столько о *разрыве* Новикова с «литературным процессом» и движущими им персоналиями, сколько об *отрыве*.

Говоря о последней точке — точке ястреба в осеннем небе, что будет вот-вот разорван поднявшей его ввысь силой, уместно вспомнить высказывание Мандельштама о смерти художника как о высшем акте его творчества.

«Поехали по небу, мама», — предложил Денис в России в 92-м «как сын, устыдившийся срама», и умер в 37 лет в Иерусалиме. Что, как мне кажется, и есть ответ на поставленный здесь вопрос.

ЕЛЕНА СУДАРЕВА

Человек мечтающий

Мечты человека о мире и о самом себе обрели в XIX веке такую силу, такую почти материальную густоту, что русская литература начала завороженно взглядываться в этот кипящий котел идей. Каждый писатель черпал из него неповторимое *свое* и творил *свою* художественную реальность.

Романы Ивана Александровича Гончарова «Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1859) и «Обрыив» (1869) смыкаются в литературный хоровод вокруг образа «человека мечтающего». В литературный хоровод встают и три их главных героя — Александр Федорыч Адуев, Илья Ильич Обломов и Борис Павлович Райский. Связь мира реального и воображаемого, в котором живет человек, связь между идеей и ее воплощением — это вопрос вопросов всех романов Гончарова.

В первой главе «Обыкновенной истории» мы встречаемся с двадцатилетним Александром Федорычем Адуевым, когда он только выходит на широкую дорогу жизни. У него нет другого прошлого, кроме блаженной поры детства. А в конце романа Адуеву тридцать с небольшим. Читатель становится прямым свидетелем десяти лет жизни героя и всех перемен, происходящих в нем. Гончаров покидает Александра Адуева в «Обыкновенной истории» в тот самый момент, в который подхватывает героев двух других романов — «Обломов» и «Обрыив». Илье Ильичу Обломову года тридцать два-три, а Борису Павловичу Райскому около тридцати пяти. Юность их уже осталась позади. Их прошлое оживает в воспоминаниях, мечтаниях. Если мечтания юного Адуева всегда обращены в настоящее или в будущее, то у Обломова и Райского они охватывают все три измерения — прошлое, настоящее и будущее.

В «Обыкновенной истории» по мере воспитания чувств героя, взросления происходит крушение всех его юношеских идеалов. Александр Адуев приезжает в Петербург с мечтами о возвышенной любви, поэзии, полезном труде и в конце романа расстается с ними навсегда. Из одной крайнос-

ти — сумасбродной восторженности — он впадает в другую — холодный расчет. Покидая героя в конце романа, читатель недоверчиво оборачивается назад. А было ли это? Не почудилось ли ему? Читает и не верит собственным глазам — так не похож герой в finale на себя прежнего.

Но нет, не почудилось. Был прежний Александр. Мечтал, восторгался, мучился, отчаявался, разуверялся и веровал вновь. «Он был уверен, что он один на свете так любит и любим... — читаем мы в первой части романа. — Он или поклонялся своему божеству, или сидел дома, в кабинете, один, упиваясь блаженством, анализируя, разлагая его на бесконечно малые атомы. Он называл это *творить особый мир...*»¹ Он пишет любовные элегии (и недурные), напряженно вслушиваются в поэтические вздохи своей души. Сначала любовь к юной Наденьке делает его счастливейшим, а потом несчастнейшим из смертных, когда она предпочитает ему другого. Но разбитое сердце Александра исцеляет новая любовь к молодой вдове Юлии Павловне. И опять разочарование. Александра утомляет монотонно-страстное чувство Юлии, и он сам бежит от скуки этой новой любви.

К середине романа герой совершенно теряет интерес к службе, светской жизни и, часто оставаясь дома, лежит на диване и смотрит в потолок. Свое затворничество, свой отказ от общества, в котором вращается его успешный дядя, важный чиновник Петр Иванович Адуев, Александр объясняет ему так: «Вот я нашел себе место и буду сидеть на нем век. Нашел простых, незатейливых людей, нужды нет, что ограниченных умом, играю с ними в шашки и ужу рыбу — и прекрасно! Пусть я, по-вашему, буду наказан за это, пусть лишиусь наград, денег, почета, значения — всего, что так льстит вам. Я навсегда отказываюсь...» Безразличный ко всему, Адуев-младший покидает Петербург, где разбилось столько его юношеских надежд: «Вглядываясь в жизнь, вопрошая сердце, голову, он с ужасом видел, что ни там, ни сям не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды: все уже было назади; туман рассеялся; перед ним разостлалась, как степь, голая действительность. Боже! какое необозримое пространство! какой скучный безотрадный вид!»

Но, приехав в деревню, погруженный в апатию, Александр начинает постепенно выбираться на дорогу из дебрей

своих переживаний и обид на судьбу, начинает по-новому смотреть на мир. Кажется, вот оно! – заветная дверь приоткрылась, и обновленный Александр со свежими силами вступит в жизнь: «Признаю теперь, что не быть причастным страданиям значит не быть причастным всей полноте жизни, – пишет он в письме к Лизавете Александровне, жене дяди, в Петербург. – Я вижу в этих волнениях руку Промысла, который, кажется, задает человеку нескончаемую задачу – стремиться вперед. Достигать свыше предназначенной цели, при ежеминутной борьбе с обманчивыми надеждами, с мучительными преградами».

Что такое мечты Александра вначале? Восторженные порывы юного воображения. Романтические, экзальтированные. Но после возвращения в деревню все отблески юношеских молний соединяются в один спокойный луч света. Разочарование в жизни, которое пришло на смену романтическим мечтаниям, уступает место приятию жизни и посланных испытаний.

И Лизавете Александровне дорого это духовное прозрение племянника, которое, к сожалению, быстро гаснет, так и не воплотившись в жизнь. С грустью замечая новое превращение Александра после его окончательного переезда в Петербург, она вспоминает это давнее письмо: «Как вы хороши были там... не мечтали. Там вы поняли, растолковали себе жизнь; там вы были прекрасны, благородны, умны... Зачем не остались такими? Зачем это было только на словах, на бумаге, а не на деле?»

«Обыкновенная история» – это рассказ о превращении юного провинциала в блестящего столичного чиновника, который, чтобы не отстать от века, совершенно отрекается от самого себя. И взамен, по словам дяди, получает все! – карьеру! фортуну! выгодную женитьбу! Предел мечтаний современного делового человека.

Александр Адуев в «Обыкновенной истории» полностью отдается под власть своего нового кумира – холодного расчета. Как дерево осенью сбрасывает засохшую листву, так и Адуев-младший, словно от ненужных одежд, освобождается от себя прежнего. На глазах читателя свершается роковое превращение: «человека мечтающего» в «человека рассчитывающего».

Гончаров будто мечтою испытывает своих героев. Он пристально всматривается в человека, словно пытается понять, что же происходит там, в глубине, где летучая гостья воображения свила свой дом, и что потом произойдет с этим домом. Опустеет ли он навсегда? Или продолжит жить своей особой внутренней жизнью?

Гончаров словно чувствует какую-то недосказанность, недоговоренность в своем первом романе — будто в «Обыкновенной истории» Адуев слишком быстро встал с дивана, слишком мало на нем полежал, слишком быстро сбросил халат и навсегда расстался со всеми мечтами. Автор перебрасывает мостик, по которому из «Обыкновенной истории» в новый роман переезжают не только части обстановки, но даже переносятся некоторые свойства характера главного героя.

Так диван, на котором лежал разочарованный Александр Адуев, благополучно перекочевывает в кабинет Ильи Обломова и становится чуть ли не одним из действующих лиц нового произведения. Надолго, чуть не навсегда укладывается на него Обломов, а лежание делается «его нормальным состоянием». Словно с плеча Адуева снимает Обломов знаменитый халат, в который и закутывается. Адуев, вернувшись из Петербурга в деревню, «узкий щегольский фрак заменил широким халатом домашней работы». Обломов, живя на Гороховой улице в Петербурге, носит свое неизменное одеяние: «Как шел домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу... весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него». Только энергия друга детства Андрея Штольца и влюбленность в Ольгу Ильинскую на время вытягивают Обломова из привычной обстановки. Он встает с дивана и прячет халат, чтобы потом вернуться к ним вновь.

Восторженные юношеские мечты Адуева тоже отражаются в надеждах молодого Обломова: «Юношеский жар Штольца заражал Обломова, и он сгорал от жажды труда, далекой, но обаятельной цели». Но дальше пути главных героев романов «Обыкновенная история» и «Обломов» расходятся.

Для Обломова мир мечтаний – это порог, переступив который, он уже никогда по-настоящему не сможет вернуться назад, а будет постепенно все больше уходить в себя. В самом начале романа Обломов уже лежит на диване, где и предается своим мечтаниям. Это не порывы юного воображения, а нормальное состояние его души, ставший привычным образ жизни. Будто в двух параллельных мирах протекает его существование, и неимоверных усилий стоит на миг их соединить или хотя бы приблизить.

Все больше погружаясь в себя, Обломов начинает жить в созданном им мире. Закрыв для себя внешнюю дверь на улицу, он распахивает настежь окно своего воображения: «Изменив службе и обществу, он начал иначе решать задачу существования, вдумываясь в свое назначение и, наконец, открыл, что горизонт его деятельности и житья-бытья кроется в нем самом». И в мечтаниях своих Обломов парит в космосе гуманных идей, возвышенных стремлений. Он сочувствует людским страданиям. Часами напролет размышляет о переустройстве своего имения и жизни крестьян. Часто воображение уносит его в тот райский уголок, где в любви и согласии, в духовных наслаждениях потечет жизнь его будущей семьи и близких друзей. «Никто не знал и не видел этой внутренней жизни Ильи Ильича... О способностях его, об этой внутренней волканической работе пылкой головы, гуманного сердца знал подробно и мог свидетельствовать Штольц, но Штольца почти никогда не было в Петербурге».

Именно Андрею Штольцу доверяет Гончаров выразить бесценный дар души Обломова: «Хочешь, я скажу тебе, отчего он тебе дорог, за что ты еще любишь его? – обращается Штольц к своей жене Ольге Ильинской. – За то, что в нем дороже всякого ума: честное, верное сердце! Это его природное золото; он невредимо пронес его сквозь жизнь. Он падал от толчков, охлаждался, заснул, наконец, убитый, разочарованный, потеряв силу жить, но не потерял честности и верности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи. Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь; пусть волнуется около него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдет навыворот – никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто,

светло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе!»² Именно деятелем Штольцем воспет в романе мечтатель Обломов.

В конце романа Обломов не просто перестает жить, самозабвенно бездействуя, но погружается в «сон души», который для него и есть начало расставания с этим миром — начало перехода в мир иной.

И тот же Штольц после смерти Обломова сокрушается о его трагической судьбе: «Погиб, пропал ни за что... А был не глупее других, душа чиста и ясна, как стекло; благороден, нежен, и — пропал!»

Адуев, разочаровавшись в юношеских мечтах, впадает в апатию, «сон души», который на мгновение сменяется духовным подъемом. А затем с этой вершины герой безвозвратно падает вниз, тогда как его карьера неуклонно идет вверх. На алтарь своей новой религии успеха и богатства Адуев приносит не только мечтания юности, но все дары своей души.

В «Обыкновенной истории» герой изменяет самому себе — и это печальный итог, с которым он вступает в зрелость. Кажется, что в художественном мире Гончарова Обломов не столько противостоит своему другу детства — деятельности Штольцу, сколько через роман всем существом своим противится судьбе удачливого Адуева. И в этом сопротивлении он идет до конца, до своего смертного часа.

Удивительное влияние оказывает Обломов на таких разных близких ему людей в романе Гончарова. Этот мягкотелый, безвольный Обломов, этот впавший в апатию человек даже после своей смерти продолжает объединять в чувстве любви к себе — своего друга, крупного промышленника Андрея Штольца, свою прошлую любовь, просвещенную красавицу Ольгу Ильинскую и свою простую, любящую, безгранично преданную жену Агафью Матвеевну: «Их всех связывала одна общая симпатия, одна память о чистой, как хрусталь, душе покойника». И еще их всех связала любовь к маленькому Андрюше, сыну Обломова — его земному продолжению.

Неизгладимый след оставил в людях этот мечтатель, которому мысль заменила действие, а покой — движение. И невольно приходит вопрос: а многие ли так устоят на страже

своей души, как это сделал робкий мечтатель Илья Ильич Обломов?

Все три романа Гончарова сходятся в пространстве мечтаний и сна. Главный герой «Обрыва» Борис Райский – художник-мечтатель в искусстве и в жизни. Он бросается от одного дела к другому. Его беспокойное воображение не может остановиться ни на чем. Не в его силах довести начатое до конца. Как не в силах он до конца дорисовать ни одну, даже самую удачную картину. Или дописать ни один обдуманный роман.

Для Райского, как и для Обломова, главное тайное действо его жизни совершается в нем самом. Собственные мысли, чувства, идеи, стремления, мечтания нескончаемой чередой толпятся на этой внутренней сцене. В поисках идеала Райский вновь и вновь устремляется вглубь себя, пытаясь уловить и понять малейшие движения своей души: «Он, с биением сердца и трепетом чистых слез, подслушивал, среди грязи и шума страстей, подземную тихую работу в своем человеческом существе какого-то таинственного духа, затихавшего иногда в трескe и дыме нечистого огня, но не умиравшего и просыпавшегося опять, зовущего его, сначала тихо, потом громче и громче, к трудной и нескончаемой работе над собой, над своей собственной статуей, над идеалом человека... Дух манил его за собой, в светлую, таинственную даль, как человека и как художника, к идеалу чистой человеческой красоты».

Райский всех тормошит, пытается пробудить от сна к новой жизни. Всех зовет отдаться океану чувств, призывает бурю страстей на свою собственную голову. А скука и пресыщение подстерегают его пылкую натуру повсюду.

«Мало делаю, или почти ничего, к стыду моему или тех, кто меня воспитывал, – говорит Райский своей кузине, молодой вдове Софье Николаевне Беловодовой. – Но я, по крайней мере, не считаю себя вправе отговариваться неведением жизни – знаю кое-что, говорю об этом, вот хоть бы и теперь, иногда пишу, спорю – и все же делаю. Но, кроме того, я выбрал себе дело: я люблю искусство и... немного занимаюсь... живописью, музыкой... пишу...»³

Страяясь разрушить олимпийское спокойствие своей кузины Беловодовой, Райский неистово восклицает: «Жизнь

сама тронет, коснется, пробудит от этого блаженного успешного — и иногда очень грубо. Научить “что делать” — я тоже не могу, не умею. Другие научат. Мне хотелось бы разбудить вас: вы спите, а не живете. Что из этого выйдет, я не знаю — но не могу оставаться равнодушным к вашему сну... Довольно того, что я потревожил ваше спокойствие».

Одни и те же слова произносят герои двух романов Обломов и Райский, но какой разный смысл они несут! Жизнь трогает! — сокрушением вздыхает Обломов, не зная, как укрыться от ее набегов. Жизнь сама тронет и разбудит! — как вдохновенный пророк взывает Райский.

Действительно, герой «Обрывы» производит много движений, словно спокойные воды романа так и закипают при его появлении. Однако сам Райский не покидает мира своих грез. В своих душевных порывах он также плывет по волнам воображения, как плывет в мечтаниях на своем диване Обломов.

Только во сне и в предсмертном видении Обломову удается совершить путешествие в свое родовое имение — Обломовку. Он не перейдет заколдованный круг, словно очерченный для него вокруг Петербурга. Лишь на одно лето на крыльях любви долетит он до того места, где живет за городом на даче Ольга Ильинская. Путешествие Обломова — это краткий побег с дивана, а потом неминуемое возвращение назад.

В пространстве романов Александр Адуев и Борис Райский двигаются будто в разных направлениях. Адуев из своего деревенского имения переезжает в Петербург, ненадолго возвращаясь обратно. Столица в «Обыкновенной истории» становится главной сценой, где разворачивается жизненная драма героя. В «Обрыве» Райский совершает путешествие в обратном направлении. Он покидает Петербург, куда приехал лет десять назад, и поселяется в своем родовом имении Малиновке в заволжских просторах. Именно там его настигает долгожданная буря чувств, которую он безуспешно призывал, живя в столице. В Малиновке он встречает самых дорогих его сердцу людей — бабушку Татьяну Марковну Бережкову, хранительницу семейного гнезда, и двух прелестных молодых девушек, своих троюродных сестер, Марфеньку и Веру.

Райскому хочется как-то всколыхнуть размеренную жизнь, покой, граничащий со сном, деревни. Он начинает теребить, воспитывать, просвещать всех вокруг себя. Он хочет жить, а не спать. Но сам неизменно ускользает в мир своего воображения. Однажды, гуляя с невинной Марфенькой, Райский впадает в странный сон, уносясь в мир своих мечтаний: «Он молчал и все сидел с закрытыми глазами. А она продолжала говорить обо всем, что приходило в голову, глядя по сторонам... Он молчал, положил щеку ей на плечо. — Вы спите? — спросила она. Он отрицательно покачал головой... Он пошевелился было и опять онемел, мечтая о возможности постоянного счастья, держа это счастье в руках и не желая выпустить». Как часто герой «Обрыва» отдается мечтательным соблазнам!

Но главным испытанием духовной крепости Райского становится его страсть к таинственной, мятущейся Вере. Даже его страсти сопутствует не столько чувственный, сколько словесный угар: «Ах, если б мне страсть! — сказал он, глядя жаркими глазами на Веру и взяв ее за руки. У него опять зашумело в голове, как у пьяного. — Послушай, Вера... дай мне страсть!.. Ну, просто не гони меня, дай мне иногда быть с тобой, слышать тебя, наслаждаться и мучиться, лишь бы не спать, а жить: я точно деревянный теперь! Везде сон, тупая тоска, цели нет, искусство не дается мне, я ничего для него не делаю. Всякое так называемое “серьезное дело” мне кажется до крайности пошло и мелко. Я бы хотел разыграть остальную жизнь во что-нибудь, в какой-нибудь необыкновенный громадный труд, но я на это не способен...»

Герой романа «Обрыв» необычайно говорлив. Ни Адуев, ни Обломов даже на вершине вдохновения никогда не извергали такие словесные тирады, какими часто разражается Райский. От обилия речей, прежде всего главного героя, «Обрыв» Гончарова кажется невероятно многословным. Будто в словесной подушке утопает действие романа, с трудом прорываясь сквозь густые слова.

Райский мучительно борется с собой, борется с соблазнами и дурными страстями. Иногда он падает в этой борьбе, но никогда не теряет свой духовный компас. Ни Адуев, ни Обломов не вступают в такую мучительную борьбу с собою.

Райскому не дана детская чистота и ясность Обломова, но он никогда не изменит лучшему в себе, как это делает Адуев.

В деревне, в своей Малиновке находит Райский настоящую семью и настоящего себя. Именно этот маленький уголок, даже после отъезда за границу, в Италии, в Риме, будет всегда согревать его сердце: «И везде, среди этой горячей артистической жизни, он не изменял своей семье, своей группе, не врастал в чужую почву, все чувствовал себя гостем и пришельцем там.... Ему хотелось бы набраться этой вечной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духом окаменелых преданий и унести все с собой туда, в свою Малиновку...»

Герои трех романов Гончарова испытывали в начале жизни всю силу нежной материнской любви. С молитвою матери в самом раннем детстве проникает в душу Адуева, Обломова, Райского — вечный материнский завет любви, доброты, веры. Потускнеет это сокровище со временем в сердце Александра Адуева в «Обыкновенной истории», развеют его столичные ветра. Но сохранится оно нетронутым в душе Ильи Обломова и Бориса Райского — неисправимых мечтателей романов Гончарова «Обломов» и «Обрыв».

Январь 2011 года, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее цит. по: Гончаров И. Обыкновенная история. Роман. Л.: Лениздат, 1979.

² Здесь и далее цит. по: Гончаров И. Обломов. Роман. М.: Изд-во «Эксмо», 2010.

³ Здесь и далее цит. по: Гончаров И. Обрыв. Роман. М.: Изд-во «Художественная литература», 1980.

ТАТЬЯНА ПАРЭН-МАЙАР

Брис Парэн и Россия*

Мой отец, французский мыслитель и литератор Брис Парэн, родился в 1897 году в Курсель-сү-Жуарр, маленькой деревушке в районе слияния Сены и Марны, где его отец учителяствовал в школе. А мать (как говорилось в административных регистрах – «без определенных занятий») занималась тремя детьми, вела хозяйство и подрабатывала уроками шитья для девочек.

Под суровой и требовательной опекой отца маленький Брис успешно закончил начальную школу, что, в свою очередь, позволило получить стипендию интерната при колледже регионального центра Мо. С блеском завершив среднее образование со степенью бакалавра, он вторично получает стипендию – теперь уже для высшего образования. Однако Первая мировая война и фронт помешали осуществлению его намерений. После войны, вместе с другими фронтовиками, он поступает в педагогический институт (Эколь Нормаль) (специальный набор студентов 1919 года), где посвящает себя занятиям философией.

В начале учебного 1920 года Поль Бойер, директор Института восточных языков и сам преподаватель русского языка, приглашает студентов Эколь Нормаль к себе – изучать русский язык. Среди них и Брис Парэн. Он, как едва ли не вся образованная молодежь того времени, штудирует Маркса, но в целом остается чужд марксистской доктрине. Не столько классовая борьба увлекает талантливого студента, сколько само историческое действие русской революции. «Мы были взращены в культе Французской революции, великой, той самой 1789 года, потому и русская революция так интересовала меня. Я читал Маркса и мечтал все увидеть своими глазами».

* Доклад, прочитанный в Центре Русского Зарубежья (Москва) в апреле 2011 г. Перевод Натальи Поленовой.

Но, разумеется, Марксом дело не ограничивалось. Поль Бойер побуждал своих учеников к чтению великой русской литературы: Толстого, Достоевского, Чехова. Последний со времен появления «Русского романа» Мельхиора де Богё сделался очень популярен во Франции.

«Для меня Чехов тут же стал предметом для подражания. До того я был большим поклонником Жида, а теперь перешел от культа “Топей” к культу Чехова: в противоположность “Топям” Чехов показался мне самой жизнью. То есть оставить парижскую Эколь Нормаль для того, чтобы поехать в Москву, все равно что оставить “Топи” ради Чехова. Вот таков был мой маршрут»...

«Итак, — писал он в «*De fil en aiguille*», своей духовной автобиографии, — мой первый контакт с Россией произошел в Институте восточных языков, особенно во время уроков разговорной речи. Наш репетитор Виктория Петровна славилась простотой обращения со студентами и виртуозностью преподавания русского языка»

Именно тогда мой отец попадает под обаяние русской культуры, сумев оценить ее органичную простоту, отсутствие ложного пафоса и высокой пренности. Эта культура была щедра, не боялась жизни, ее страданий.

Дружбу со своим преподавателем мой отец поддерживал в течение всей жизни Виктории Петровны вплоть до ее кончины.

Она была дочерью издателя П.П. Кончаловского и сестрой знаменитого художника Петра Кончаловского. В 1905 году тот поступил в Парижскую академию Жульена, стремясь таким образом завершить свое художественное образование. Сестра приехала в Париж вместе с ним. Через год художник вернулся в Москву, а она навсегда осталась во Франции, где и умерла в 1959 году. Виктория Петровна успела побывать даже и моим преподавателем в Институте восточных языков, когда я там училась во второй половине 40-х годов.

После того как Франция официально признала советскую власть, Брис Парэн, прошедший конкурс на преподавателя философии и получивший диплом русиста, был направлен в Москву советником по культуре Посольства Франции в России.

Петр Кончаловский был, видимо, первым русским, к кому направился мой отец по приезде в Москву: передать подарки из Парижа – от сестры брату. И сразу был приглашен в гости к хлебосольному мастеру, где собирались его друзья и творческая богема Москвы, в прошлом либералы демократических убеждений, а теперь более или менее адаптировавшаяся к режиму интеллигентия. Приходила и молодежь: ученики хозяина дома, студенты Строгановского училища и ВХУТЕМАСа. Здесь Брис и встретил Наталью Челпанову – свою будущую супругу.

Она была дочерью Георгия Ивановича Челпанова, выдающегося ученого, в 1907 году «унаследовавшего» кафедру философии Московского университета от князя Сергея Трубецкого. Его лекции посещал, среди прочих, и Борис Леонидович Пастернак. В 1912 году Челпанов становится директором первого в России Института психологии, укомплектованного новейшими по тем временам технологиями, которые он сам приобретал в Соединенных Штатах Америки. Челпанов продолжал там работать и в трудную послереволюционную пору – вплоть до января 1923 года, когда его в одночасье сместили с поста. Спустя много лет кузен моей матери, в пору «жилищного уплотнения» приглашенный проживать со своей женой в одной из «лиших» комнат просторной челяпинской квартиры, рассказал мне, как это произошло. Однажды утром дед как всегда вышел из своего кабинета, чтобы ехать на службу, как вдруг раздался телефонный звонок, и ему сообщили, что он уволен, а его кабинет опечатан. Челпанов, как ни в чем не бывало, переоделся во все домашнее и вернулся к себе в кабинет работать.

В 1918 году у Челпанова была возможность эмигрировать, но мой дед твердо решил оставаться на Родине. Будучи по своим убеждениям приверженцем конституционной монархии, он, тем не менее, не был выдворен из России в 1922 году, как многие его друзья и ученики: Бердяев, Булгаков, Зеньковский...

В то время трудно было предположить, что марксизм-ленинизм станет единственно «верным учением» и любое отклонение от его догматики будет расцениваться как контрреволюционное. Мой дед, очевидно, подписался бы под словами отца Сергея Булгакова (который, правда, именно в

изгнании стал выдающимся теологом): «Невозможно полностью расцвести и плодоносить где-то, как не в родной земле и под родным солнцем. Цвет, вырванный с корнем из своей почвы, даже если и не погибнет, но навсегда останется чахлым».

После изгнания с работы пенсия у Челпанова была мизерная. Жилось им трудно, однако Наталья закончила свою учебу во ВХУТЕМАСе.

Брис познакомился с Наташой: ему понравились ее мягкость, ее талант и общительность. «Разговаривать с ней мне было легко. Ясно было, что она уже узнала о жизни многое, многому научилась». Отец оценил в моей маме то, что он ценил и в русской культуре: простоту, ясность и человечность. И порой пенял французам за их закрытость и себялюбие.

Брис Парэн, Алжир, 1948 год

Именно из размышлений о национальных особенностях народов и выросла тема его будущей докторской диссертации («Эссе о природе и функциях выражения») и вся его будущая философская мысль.

Брис Парэн и Наталья Челпанова полюбили друг друга и поженились весной 1926 года. Возможно, именно это и спасло ей жизнь и позволило избежать репрессий, обрушившихся на ее брата Александра. Вскоре после свадьбы отец был срочно вызван в Париж. Наташа присоединилась к нему через три месяца — срок, который оказался необходим ей для получения французского паспорта. Проблем с языком у нее не было: она вполне свободно изъяснялась на разговорном французском, с детства имея француженку-гувернантку.

Брис надеялся, что после советской коммуналки она будет довольна своими новыми житейскими условиями и возможностями, даруемыми свободой. В Париже мама встретила свою школьную подругу, тоже художницу, Любу Эренбург, жену крупного советского писателя Ильи Эренбурга, который, однако, был своим и во французских художественных кругах. Это скрасило ей на первых порах ее чужбинное одиночество.

А еще возобновились отношения с Викторией Петровной Кончаловской. Вместе проводили они отпуск на Средиземноморье, гостя у князя Владимира Андреевича Оболенского, обосновавшегося со своей женой в семейном пансионе Ля Фавьер. Жизнь там текла на русский манер — широко и открыто, с русским хлебосольным столом: рыбными кулебяками, пирогами и киселем. В тех же местах отдыхали и уже имевшие всеевропейскую известность художники Ларионов и Гончарова, снимавшие под дачу живописную мельницу на соседнем холме. Брис любил вращаться в этом кругу, хотя и утомлялся порой от богемной безалаберности своих русских друзей.

В конце зимы 1929 года Парэны переехали в Плессис Робинсон, городок под Парижем, замышлявшийся социалистами как нечто утопическое — для проживания там рабочих и их семей. Но на работу ездить было слишком долго и далеко, а потому рабочие селиться там не хотели. Аналогичный городок, Малабри, вырос и на продуваемом ветрами холме недалеко от Верьерского леса, это были диковатые, но гриб-

ные места. Людская молва и невысокие цены на жилье привели сюда колонию русских эмигрантов. Ли迪ю Александровну Чессарь, мать детей знаменитого политика Александра Ивановича Гучкова, к примеру. Федор Рожанковский нашел здесь себе подходящую для него, художника-иллюстратора, мастерскую. Вадим Леонидович Андреев (сын прославленного писателя) вместе с семьей тоже жил неподалеку. Здесь же проживали и Женя Бабель и дочь ее Наташа – в павильоне с уютным садиком, посреди которого возвышалась старая плачущая ива. Помню отыхавшего под ней Исаака Бабеля во время его последнего приезда во Францию в 1935 году.

Православные русские там обустроили небольшую, но ладную церковь, напротив которой в маленькой лавочке бывший гвардец торговал солеными огурцами, сельдями в больших бочках, гречкой и прочими «колониальными» товарами. Детям, умеющим здороваться и представляться по-русски, он дарил тянучку, завернутую в гофрированную бумагу.

В семье Парэнов наша русская жизнь протекала наравне с французской. У нас была бонна-француженка по имени Мария, мы говорили дома по-французски, я ходила во французский колледж. Но каждый четверг она отводила меня в русскую школу на бульваре Монпарнас, основанную Василием Васильевичем Зеньковским, бывшим киевским учеником Челпанова, которого моя мать разыскала в Париже и который приходил к нам домой по воскресеньям: на журфиксах к Парэнам собирались русские и французы для бесконечных горячих споров на двух языках разом.

«Я жил в двух традициях (по-настоящему в двух культурах) и таким образом *русифицировался*, – говорил о себе Брис Парэн. – Я нашел в России многое из того, что мне любо, ценности моего детства, простоту, жизнелюбие, манеру выражаться немного инфантильную, зато откровенную, презрение ко лжи, чувство чести, и все это – культурно и свободно». То же самое он мог сказать и о своей супруге, моей матери, добавив к вышеперечисленным добродетелям и настоящую русскую женскую преданность.

Наташа познакомила его с философом Николаем Бердяевым, благодарным учеником моего деда, который в своей

поздней автобиографической книге «Самопознание» писал так: «С самого начала моего студенчества у меня установились близкие отношения с Г.И. Челпановым, профессором философии Свято-Владимирского университета, который блестяще преподавал критику материализма. Мы собирались у него по субботам; я часто участвовал в этих собраниях, в долгих философских диспутах. Эти разговоры были для меня чрезвычайно полезны: я вырывался из своего внутреннего мира, своего мысленного затворничества».

И снова, уже в некрологе, ему посвященном, когда эта скорбная весть достигла Парижа (1936 год): «Печальная весть о смерти Георгия Ивановича Челпанова, с которым меня связывали старые дружественные отношения, вызывают во мне воспоминания моей юности. Г.И. был первым философом, которого я в жизни встретил и с которым много беседовал на философские темы. Он был молодым приватдоцентом Киевского университета, читал необязательный курс, посвященный критике материализма, при переполненной аудитории. Потом из этого курса вышла его книга *Мозг и Душа*. Он был прекрасный лектор. Я скоро познакомился с Г.И. и стал часто бывать в доме Челпановых. У них были журфикссы по субботам. Дом их в Киеве был интеллектуальным центром. Жена Г.И. была очень талантливая женщина. Там многие бывали — Л. Шестов, В.В. Водовозов, А.М. Лазарев, немного позже С.Н. Булгаков, ставший профессором Киевского Политехнического института».

Именно Бердяев, тогдашний директор издательства ИМКА (Париж), поспособствовал появлению в 1932 году русского издания «Бабы Яги» с иллюстрациями Натали Парэн и оригинальными текстами Надежды Тэффи (книга эта переиздана в прошлом году издательством Мемо). Сам же Брис Парэн издал в Галлимаре французский вариант бердяевских «Истоков и смысла русского коммунизма», труда, оказавшего сильное влияние на его понимание того, что произошло в России.

С отцом Сергием Булгаковым Парэны встречались на рю Криме. С 1925 года он занимал пост ректора Свято-Сергиевского института и был настоятелем русской церкви на холме Бют-Шомон, в саду, окружавшем прежде лютеранскую кирху (закрытую в 1914 году). Теперь здесь проходили требы

и литургии. При институте он и проживал, и мы ходили к нему пить чай. Он крестил меня, ему я исповедовалась, он впервые причащал меня в возрасте семи лет. Это был добродушный, снисходительный пастырь, во всяком случае с детьми. Читая его труды, я впоследствии смогла углубить свои знания о православии. С мамой часто вспоминали они Киев, он рассказывал ей про мою бабушку, умершую, когда Наташа было всего девять лет, и которую она плохо помнила. После чаепития Наташа обычно поднималась к сестре Иоанне Рейтлингер, которая жила в мансарде прямо над Булгаковыми. Они говорили о живописи, в то время как отец Сергий и Брис рассуждали о Церкви, о философии, о марксизме, в котором отец Сергий был хорошим специалистом, ибо смолоду тоже им увлекался. Дочь Булгакова Мария Сергеевна, или Муна, как звали ее близкие, была хорошей подругой детства моей матери. Она с дочкой часто приезжала повидать нас в Со или Робинсоне, где проживали мы с 1936 года.

Мария Васильевна Поленова, дочь прославленного художника, жила в Ванве и навещала мою мать со своим сыном Александром, Шишком (как его все ласкательно назы-

«Завтрак на траве», слева направо: Жанин Галлимар, Альбер Камю, Брис Парэн, Франсин Камю, Наталья Челпанова-Парэн

вали), с которым мы сдружились на всю жизнь. Ее сестра Наталья дружила с Наташей Челпановой в Москве, они вместе посещали занятия у Кончаловского. Оттого так естественно Наташа и Мария нашли друг друга в Париже и встречались, чтобы вспомнить Россию и обсудить происходящее в ней.

Художница Александра Экстер также проживала неподалеку. Мама очень любила съездить почаевничать к ней, в маленький домик в Фонтене-о-Роз, за компанию с Мирой Лот-Бородиной, приятельницей Парэнов, которая также жила там со своим мужем, известным географом Фердинандом Лотом.

В свое время, в 1924 году, в Праге Парэн познакомился с Алексеем Ремизовым. В следующий раз они встретились в Париже. Мой отец иногда помогал писателю, который часто нуждался, с оплачиваемой литературной работой.

Парэн также издал и блестящего культуролога Владимира Вейдле. Они дружили, правда, я не помню, чтобы Вейле приходил к моим родителям в гости.

Не могу не вспомнить и Розалию Марковну, вдову Георгия Плеханова. Она жила у зятя, доктора Ле Савурё, психиатра, который устроил в Ля-Валле-о-Лу, некогда поместье Шатобриана, клинику для душевнобольных. Парэны любили гулять там по парку, где некоторые деревья были посажены еще самим Шатобрианом. И они никогда не уезжали, не поприветствовав пожилую даму, всегда одетую в черное и сидящую в своем кресле в глубине старого дома.

Об отце Василии Зеньковском говорю в конце, наверное потому, что именно он их отпевал и был последним в Париже, кто знал и помнил моего деда. Его смерть показалась мне настоящим крахом всего, что связывало меня с моей Родиной. Слава Богу, я ошибалась: Россия навсегда осталась во мне, и этот сегодняшний момент — лучшее тому доказательство.

В 30-е годы, перед тем как его рукоположили в священники, отец Василий приезжал к нам почти каждое воскресенье на чай.

В 1945 году, после смерти отца Сергея Булгакова, он стал маминым исповедником, она посещала его приход на рю Оливье-де-Сер.

Брис Парэн был знаком и с мыслителем Семеном Людвиговичем Франком, книги которого выходили по-французски в издательстве Фернана Обье (последнего Парэн консультировал по вопросам русской литературы).

Так, благодаря своей жене, ее семейным культурным связям с крупнейшими представителями послереволюционной эмиграции, литераторами, художниками, мыслителями, отец углубил свои представления о России и происходивших в ней тогда драматических социальных процессах, изживая свои коммунистические иллюзии.

Выше я уже говорила, что он не столько уверовал в Маркса, сколько искал социальной справедливости на земле. В середине 20-х годов Парэн вступает во французскую коммунистическую партию. «Я должен был идти до конца. Если веришь во что-то, надо связывать себя обязательствами», — говорил он. Парэн ведет колонку в «Юманитэ», сотрудничает с «Мондом», который называют «коммунистической подсобкой».

Но очень скоро, поняв, что французская компартия не самостоятельная и целиком подчинена приказам Москвы, Парэн вернул свой партийный билет. Так моя мама стала жестью оппортуниста, изменника. Она уже больше никогда не получила советской визы, не увидела родных. Ее сестра Таня умерла при родах в 1934-м, брат Александр был арестован и расстрелян в 1935-м, о чем я еще скажу ниже.

Бывшие единомышленники Парэна сделались его противниками, а сам он впоследствии признавался: «Я подпитывался надеждой на коммунизм. Частенько вспоминаю, какую солидную интеллектуальную конструкцию я выстроил. Но она развалилась, камень за камнем, а сам я стал понимать немощь коммунизма в деле установления человеческой правды».

В 1927 году Брис Парэн стал личным секретарем известного издателя Гастона Галлимара, основавшего книжную серию «Молодые русские» с целью ознакомления французского читателя с новыми советскими писателями. Брис Парэн сам перевел первый вышедший в этой серии роман Александра Неверова «Ташкент, город хлебный», а также содействовал изданию книг Эренбурга, Пильняка (с которым дружил еще с Москвы), а затем и «Конармии» Исаака Бабеля.

С середины 30-х годов отец занимался, в основном, переводом и изданием русских классиков — Толстого, Достоевского, Тургенева. А после войны углубил свое знание нашей литературы за счет столь любимых мамой Аксакова, Лескова, Мельникова-Печерского. В издательстве «Плеяда» он выпустил книги Лермонтова, Грибоедова, полное собрание сочинений Гоголя, два тома Достоевского, дневники Толстого. Сам перевел пушкинскую «Капитанскую дочку».

Умер мой отец в 1971 году, через тринадцать лет после мамы, скончавшейся сравнительно молодой — в шестьдесят один год — в 1958-м. Они похоронены на маленьком сельском кладбище в деревне Вердело, с которой издавна было связано семейство Парэнов.

В конце своей жизни он говорил: «Большевистская революция создала рациональное общество с принципом равенства в своей основе. Думалось, что оно сориентируется в сторону освобождения индивида через разрушение государства согласно плану Маркса. К сожалению, новое государство сформировалось полицейским, бюрократическим и все поглотило. А поскольку общество оказалось изолировано от остального мира, его держали под таким террором, обесмыслившим или делавшим опасным любое честное слово, в состоянии постоянного страха — ни у кого не возникало смелости восстать против тирании».

* * *

В заключение несколько слов, имеющих к моему основному сообщению только косвенное отношение. Они о моем вышеупоминавшемся дяде, брате мамы, Александре Георгиевиче Челпанове. Он был расстрелян в Москве в 1935 году в возрасте сорока лет по сфабрикованному советскими репрессивными органами делу «Большого немецкого словаря». Мама всю жизнь считала, что брат погиб по ее «вине», что так Москва отомстила ей и ее мужу за то, что тот покинул компартию Франции.

За год до трагедии жена брата ей сообщала в Париж: «Аля доволен, он переводит “Труды и дни” Гесиода». То есть он был лингвистом и специалистом по греческой античности. Но в целях заработка Александр Георгиевич стал редактором начи-

навшегося тогда готовиться к печати Большого немецкого словаря. Немецким он в совершенстве владел с детства.

Все сорок сотрудников словаря были арестованы одновременно. Среди них – лингвист Елизавета Александровна Мейер, философ Шпет и культуролог Габричевский...

В декабре того же года Брис Парэн узнал от гастролировавшей в Париже советской балерины, что Александр Челпанов расстрелян.

Мы не знали его «дела» до 90-х годов, когда КГБ, наконец, открыл свои архивы. Нужно было посыпать запрос во Владимир. Через месяц дело пришло в ФСБ на Кузнецкий Мост, где можно было с ним ознакомиться. Я поехала в Россию, в Москву, в приемную ФСБ. Некая милейшая сотрудница Татьяна Константиновна отвела меня в читальный зал и выдала серую грязноватую бумажную папку со словами: «Все дела были сфабрикованы. Удачи Вам, читать это тяжело».

Мне понадобились два полных дня, чтобы дочитать до конца эту жуткую писанину. Не буду цитировать тут бесконечные стенограммы допросов, прерывавшихся пытками, в результате которых подследственные не выдерживали и оговаривали себя. Челпанов был обвинен в популяризации гитлеровской лексики. Он оправдывал себя тем, что Словарь был словарем разговорной речи, предназначенный для журналистов, которые читали и переводили прессу того времени. Под пытками его вынудили признать, что он является фашистским агентом и систематически ведет контрреволюционную пропаганду, готовит немецких лазутчиков к войне Германии против СССР, что под руководством Елизаветы Мейер (профессора Московского пединститута) организовал широкую профашистскую пропаганду путем *офашистования* русско-немецкого словаря. Мой дядя был осужден и приговорен к расстрелу по статье 58. Приговор был немедленно приведен в исполнение.

Вот выдержка из этого приговора за номером 56 от 1 июля 1935 года с сформулированным в нем обвинением: «Ближайшим помощником Елизаветы МЕЙЕР по московской группе к-р. организации был ЧЕЛПАНОВ, который, будучи руководителем контрреволюционной ячейки среди сотрудников редакции иностранных словарей Государственного Словарно-Энциклопедического Издательства, система-

тически вел контрреволюционную пропаганду, имевшую своей задачей подготовку немецких кадров к началу войны Германии против Советского Союза, вел вербовочную работу по вовлечению новых членов организации и под руководством МЕЙЕР организовал широкую пропаганду германского фашизма путем фальсификации при издании “Немецко-Русского Словаря”. В отношении ЧЕЛПАНОВА, кроме того, установлено, что он вел систематическую пропаганду террора в отношении руководителей Советского Правительства». И этот бред прозвучал на закрытом судебном заседании из уст председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Василия Ульриха.

Почти через шестьдесят лет – 18 октября 1991 года – мой дядя Александр Георгиевич Челпанов был реабилитирован по моей просьбе.

Письма Алексея Ремизова Брису Парэну*

Сохранившиеся письма Алексея Ремизова к Брису Парэну свидетельствуют о той дружбе, которая связывала французского философа, сотрудника крупнейшего парижского издательства с русским писателем, и о том участии, которое он принимал в его нелегкой судьбе. Известна близость Парэна с философом Бердяевым, богословами и церковными деятелями прот. Сергием Булгаковым и отцом Василием Зеньковским. Ремизов, пожалуй, едва ли не единственный эмигрантский писатель, с которым Парэн поддерживал тесные отношения на протяжении многих лет, с 1925 по 1951 г. (дата последнего письма Ремизова, которая не означает прекращения их отношений). Им несомненно способствовал интерес Ремизова ко всему новому во французской литературе, в частности к «новому роману», а также его пристрастие к художественным изображениям, что сближало его с женой Парэна, Натальей Георгиевной Челпановой, известным иллюстратором детских книг. Неслучайно ряд писем сопровождены его причудливыми рисунками. В 1952 г. «Нувель ревю франсез» предполагала устроить выставку рисунков Ремизова.

32 [sic!].3.25

Дорогой Parain,

Посылаю Вам напечатанную автобио-библиографию и прошу Вас пришлите мне или принесите в воскресенье мою рукопись.

около 3х обещала быть M-elle Landau

Алексей Ремизов

А как Блюмберг¹. Когда выйдет на волю после болезни?

Alexeï Rémizov,

120 bis av. Mozart

5 Villa Flore

Paris XVI

* Публикация с разрешения Татьяны Майар, дочери Бриса Парэна. Примечания Никиты Струве.

* * *

12.5.25

Дорогой Parain

Как-нибудь занесите или пришлите Almanach Léon Treich
Помните: такая большая книга.

Мне она сейчас нужна

а когда Вам понадобится, я вам опять дам.

Заходите с Блюбергом.

Все придумываю себе занятия и не придумаю.

И хочется кончить книгу, над которой сижу и ночи и дни².

От Серафимы Павловны³ поклон.

Алексей Ремизов

* * *

27 .II .31

Дорогой Parain

Недели через три на седьмую версту* (т.е. в «сумасшедший дом») милости просим! Я, кажется, сам там буду, если еще хуже не будет (т.е. если не посадят в острог — «prison»).

* В Петербурге: на седьмой версте от Петербурга больница для умалишенных.

Думал вас встретить в прошлый четверг в Penclub'е и поговорить с вами о моих пропащих делах, но захворал и высиживался дома.

Кланяюсь вашей жене.

Алексей Ремизов

A.Remizof

3bis Av. Jean Baptiste Clément

Boulogne s/Seine

* * *

7-8.II. 1935

A.Remizov

7 rue Boileau, Paris XVI

Дорогой Парэн

Только сегодня открыл глаза — лежал с высокой температурой. Как оправлюсь, зайду к вам в редакцию. Не знаю, в какие часы вам свободнее, приду, как в прошлый раз. Попытайтесь счастья с этим отрывком:

Родился я богатым —

Трудно, наверное, с «сорочкой» — родился в «сорочке» («сорочка» — это имеет такие же чары, если ее достать, как веревка от повешенного, вот почему акушерка украла).

Все мечтаю. Восстановить бы перевод Ваш «К звездам» о Блоке⁴. Я думаю, что теперь это напечатали бы.

Готов все разъяснить, если встретите что неясное. В ка-
вычках ставлю из Достоевского «ошибочный» — это из Иди-
ота. Пламенный меч Амадиса — из Дон-Кихота. «Поток мыс-
лей» из Пруста.

Только бы мне скорее на волю выйти, я сейчас же приду.
Алексей Ремизов

* * *

8.III. 1936

A. Remizov, 7 rue Boileau, XVI

Дорогой Парен!

Не отчетливо я объяснил на своем французском языке историю «Sentier vers l'invisible»⁵: как в январе 1935 г. от Dr. Kahn'a она попала к Саксу, как он будто бы положил ее сейчас же к вам на стол, хотя в действительности на вашем столе она и не ночевала, как, отчаявшись, я в мае дал Вам оттиски из ревю, и книга была зарегистрирована, но потом возвращена, потому что у Морана⁶, поступив с таким опозданием, она оказалась сверхкомплектной.

Полян⁷ мне сказал, что по отзыву от Галимара⁸, «книга однажды была в редакции, и было отказано».

Получилось так, будто, прочитав однажды, ее отвергли, а на самом деле ее не читая вернули.

У меня осталось чувство: с книгой ничего не выйдет.

Может быть, следовало бы прибавить: Соломонию⁹ (до-
полнив текст)?

Написал Мунье¹⁰: прошу назначить мне повидаться с
ним.

Мне хочется выяснить, когда и что он думает сделать с
Matière¹¹.

Боюсь, что надолго отложится дело с печатанием.

Теперь зайду к вам на новоселье. Полян сказал, что через 8 дней (по-русски: через неделю).

А Ремизов

* * *

16.X.1936

Дорогой Парэн (*рисунок*) это птица Remiz

Был и в бистро: говорят, знают, но нету. А куда пошел, не могу указать.

Приду в след. пятницу. Разломило — д.б. простудился в метро.

1) «О буквах, сиречь о словах» — посмотрите,

2) надо проверить «в повышеней» — в повышеней (?), в повышенени какой знак: особнеишом (?),

3/ приносил 3 письма Горького, спросите, нет ли любителя, кто бы купить мог за деньги: очень нужно — не хватает на терм¹². А.Ремиз

* * *

21.III.1937

7 Rue Boileau
Paris XVI

Дорогой Парэн

Спасибо за книгу (март NRF)¹³.

После 3-х недель — лежал в жару — очень ослаб, выхожу на волю только-только взглянуть на мир Божий: весна!

Не придется мне в великий Четверг идти в церковь: сил не станет.

Как только поправлюсь, в пятницу приду к вам.

А.Ремизов.

* * *

Monsieur Parain

12.XI.1937

Дорогой Парэн

Приходил просить книгу и подготовил благодарность Наталье Георгиевне:

эту картинку с моими зверями; передайте ей: слон и человек с птичьей головой.

А. Ремизов

* * *

30.XII.1937
7 Rue Boileau
Paris XVI

Дорогой Парэн
Две пятницы пропустил; теперь я поправился, приду в
этую пятницу 3-го.

Если будете заняты, оставьте звериную книгу с рисунками
Натальи Георгиевны у телефона. Буду Вам очень благодарен.

Алексей Ремизов

* * *

30.I.1938

Дорогой Парэн,
Не прихожу к вам: захворала Серафима Павловна – сего-
дня 18 дней; бронхит, высокая температура.

Хочу попросить вас: Полян хотел мне дать Мэзюр (ян-
варь), я прошу его, если можно, послать мне (7 Rue Boileau,
Paris XVI).

Боюсь сказать, когда приду.
Кланяюсь Наталье Георгиевне.
Алексей Ремизов

* * *

A Nathalie et Brice Parain
С широкой масленицей!

Рисунок: это Geist или Esprit питается блинчиками, а живет в блинной сковородке, любит сметану и снетки (такая есть рыбка).

Дорогой Парэн

Боюсь, что и завтра не придется к вам. Серафиме Павловне лучше, но еще не поправилась: температура не здоровая и выйти страшно. И уходить мне надолго никак нельзя.

Mesures получил. Передайте Поляну (Monsieur et Madame) благодарность.

Жду в воскресенье отца Петра (Pierre Pascal)¹⁴.

Ночь проходит без сна. Читаю в полголоса – это баюкает.

Кустарно перевел три сна, принесу: про птичку, про конец веревки и не знаю как назвать.

А.Ремизов

* * *

(*руssкая почтовая каrтoчка c поpтрeтoм Гоголя Ф. Моллeра*)

Paris
25.IX.1939

Дорогой Парэн

Вторую ночь вижу вас во сне. В последний раз с E. Mounier. С конца августа в Париже; не решился идти к вам: не до меня теперь. Ничто не слышу о Паскале, в Париже он или у себя в горах? Из тряпок сделал себе искусственную маску — нам ведь не полагается¹⁵, и теперь выхожу из замерзающей берлоги на Божий свет, какой черный. Кланяюсь Наталье Георгиевне. А.Ремизов.

* * *

20.XII.1939

Monsieur et Madame Brice Parain,
с рождеством!
С новым годом!
И ясными днями (я верю)
Алексей Ремизов

* * *

22.III.1943

Дорогой Брис Олегович,

Спасибо за ваши Recherches sur la nature et les fonctions du langage!¹⁶ Когда в моей картдидантите¹⁷ снимут «indigent»¹⁸ и восстановят homme de lettres¹⁹, я непременно переведу ее. Все в ней мне по душе и пристрастию, и мы так бедны такими книгами.

Очень порадовали.

Алексей Ремизов

* * *

12.II.1948

Дорогой Brice Parain

С монаршей милостью!

Давно пора, не вы, а почетный легион скучал по вас.

Приходите — я калека.

Вспрыснем!

Наталье Георгиевне поклон и поздравление.

Алексей Ремизов

Аз приложа руку к сему присоединяюсь Петр Паскаль

* * *

10.III.1951

Дорогой Brice Parain!

Сказки Натальи Кодрянской²⁰ с иллюстрациями Н.С. Гончаровой²¹.

Хотелось бы знать ваше мнение и куда с ними обратиться для издания по-французски, выбрав, что по душе французским детям. Клише Гончаровой у Кодрянской.

Мое чувство от книги, почему я и стучу в вашу дверь: редкий дар — воображение и слово — в русской литературе явление чрезвычайное, я не могу назвать никого из моих современников, с кем бы сравнить автора «Сказок».

В моей оценке я не одинок: Мазон²² очарован, Унбегаун²³ в раже от языка. Протопоп (нынче Оберпротопоп!)²⁴ читает, еще не кончил.

Среди простых, далеких от искусства слова (читают книгу глазами) «Сказки» принимаются горячо. Русская критика приветлива.

Адрес Натальи Владимировны Кодрянской
по-американски

Madame Natalie Codray
112 bis Rue Cardinet
Paris XVII

Буду вам очень благодарен за ваш отклик.

Алексей Ремизов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Георгий Блюмберг (1894–1987) учился с Парэном в Школе восточных языков, женился на эмигрантке Ольге Зайцевой. Участвовал в Сопротивлении. После войны переехал в Палестину в качестве журналиста.

² Вероятно, «Взвихренная Русь», впервые вышедшая в Париже в 1927 г.

³ Жена Ремизова, рожд Довгелло (1876–1943), палеограф. Ремизов написал о ней после ее смерти книгу «В розовом блеске».

⁴ Предпоследняя глава «Взвихренной Руси». Намек на перемену взглядов интеллигенции на Советский Союз.

⁵ Под этим названием — «Тропа к невидимому» — готовилось издание ряда повестей Ремизова в переводе Шюзевилля. Книга появилась только в 1945 г.

⁶ Paul Morand (1888–1976) — французский писатель, путешественник.

⁷ Jean Paulhan (1884–1968) — известный французский писатель-критик. С 1925 по 1940 г. руководил передовым литературным журналом «Nouvelle Revue Française» (NRF).

⁸ Издательство, созданное Р. Галлимаром. Под этим названием существует до сих пор; в нем работал консультантом Брис Парэн.

⁹ «Соломония» — повесть, напечатанная в книге, среди других повестей, только в 1951 г.

¹⁰ Emmanuel Mounier (1905–1950) — известный французский общественник-мыслитель, католик, один из создателей течения «персонализма».

¹¹ Употребление этого слова остается нами неразгаданным.

¹² Терм (*франц.*) — плата за наем квартиры каждые три месяца. Большинству эмигрантов эта плата давалась с трудом.

¹³ Очередной том журнала «Nouvelle Revue Française».

¹⁴ Петр Карлович Паскаль (1890–1983) — профессор, создатель школы славистов. В шутку, принимая во внимание его католические убеждения, Ремизов называет его «отцом», как дальше и протопопом, памятуя его книгу (докторскую диссертацию) о протопопе Аввакуме.

¹⁵ Противогазовые маски, разданные в начале войны французскому населению, не полагались людям без подданства, поскольку их было произведено недостаточное количество.

¹⁶ «Исследования о природе и функции языка» — один из основательных трудов Бриса Парэна.

¹⁷ Картдидентите (*carte d'identite* — *франц.*) — внутренний паспорт.

¹⁸ Indigent (*франц.*) — нищий, неимущий.

¹⁹ Homme de lettre (*франц.*) — писатель.

²⁰ Кодрянская Наталья Владимировна (1901–1983) — детский писатель. Написала книгу о Ремизове после его смерти (1959), в которую включила выписки из многочисленных писем к ней Ремизова. Несколько лет жила в США, затем переехала во Францию.

²¹ Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) — художница, жена Михаила Ларионова.

²² Мазон Андрей (1881–1967, Париж) — крупный славист, академик.

²³ Унбегаун Борис Генрихович (1898, Москва – 1973, Нью-Йорк) – профессор-славист, лингвист.

²⁴ Пьер Паскаль. «Оберпротопом» Ремизов его называет, вероятно, в связи с избранием в профессора Сорбонны.

Два письма прот. Сергея Булгакова Парэнам

24.IV.42

Дорогой Брис,

Был тронут Вашей памятью и благодарю вас за присланный мне труд о Платоне, все-таки поборающем духовно земные рати. Чтение же его придется отложить на месяц, когда освобожусь от лекций своих. Привет Наташе. А мы так ждали на Пасхальную литургию Вас обоих, согласно ее намерению, и сожалели о Вашем отсутствии. Призываю благословение Божие на дом Ваш

Ваш прот. С. Булгаков

* * *

8.I.43

Дорогая Наташа,

Взаимно поздравляю Вас с великим праздником РХр., шлю благословение Вам и семье Вашей. Благодарю Вас за готовность исполнить желание Е.И. относительно рукописей ее. Но сейчас говорить с ней об этом является преждевременным по состоянию ее здоровья. Благодарение Богу, ей стало в общем лучше, хотя не уверен, насколько можно верить в прочность этого улучшения. Во всяком случае она остается в постели и нуждается в непрерывном уходе. – Как интересно знать впечатления Вашей племянницы на родине и на чужбине. Меня о ней расспрашивала Муночка. И я, очевидно ошибочно, сказал ей, что Нина от Вас уже уехала. Но-вогодний привет Брису с соответственными пожеланиями. Благословляю Вашу дочку.

С любовью
Ваш о. С.

«ВЕСТНИК» 50 лет назад

Никита СТРУВЕ

«Новый мир», № 1, январь 1961, Москва, 288 стр. (тираж 80 000)*

Советский толстый журнал всегда открывашь не без страха: что принесет он — очередную советскую жвачку, халтуру и се-рятину или какой-то проблеск, какую-то литературную прав-ду, которая уверит, что душа России еще жива... В первом за 1961 год номере «Нового мира» есть и то и другое. Беллетри-стический отдел очень слаб: обширная повесть В. Войнови-ча, бесхитростно озаглавленная «Мы здесь живем», читается поначалу легко: автор правдиво описывает материальное и нравственное одичание советской молодежи на целине и не без умения пересыпает свое описание юмористическими нотками. Но из «ничего» повесть не сделаешь. Как только чи-татель отдал себе отчет в том, что герои повести взаправду «здесь живут» и этим ограничиваются, то ему остается на вы-бор либо бросить чтение, либо промучиться до победного конца, сиречь до прописи в ЗАГСе и покупки дивана.

Если повесть Войновича не переходит границ растяну-того бытового очерка, то «Штаб ударной комсомольской» Н. Мельникова уже не беллетристика, а репортаж, газетный фельетон: очередная стройка; ответственная, хотя и по уши влюбленная (вдвойне похвально) комсомолка и несколько колких замечаний (в противовес) по части советского быта

* «Вестник РСХД» № 60, 1961.

и «коммунистической морали». А. намекает на полный провал так называемых комсомольских свадеб (да и могло ли быть иначе, когда в основе их лежит материальная заинтересованность, получение комнаты и все того же диванчика?). Вот типичное заявление кандидата на комсомольскую свадьбу: «В нем говорилось, что он и она давно любят друг друга и просят комитет комсомола устроить комсомольскую свадьбу. А также просят комитет учесть, что создавать семью под открытым небом никак нельзя... Понимаете!.. Им вовсе не семья нужна, а комната. Их ни одна живая душа вместе не видела. Знают, что на комсомольской свадьбе ключ от комнаты вручают, вот и решили попытать счастья, чем черт не шутит. А потом развод, комнату на две менять будут...»

Благодаря Маргарите Алигер поэзия не целиком отсутствует: ее стихи, несколько растянутые, все же настоящая, хоть и не большая поэзия, до которой еще далеко молодым поэтам вроде К. Ваншенкина и Ф. Искандера. Кстати, о поэзии «молодых» помещен в отделе «Литературная критика» умный и хорошо написанный очерк А. Меньшутина и А. Синявского, нечто вроде «педагогической критики»: задача авторов — объяснить на обобщенном философском языке основные недочеты молодых поэтов. Как подчеркивают совершенно справедливо авторы в заключение, все рассмотренные ими стихи «не выдерживают проверки по большому «счету», не становятся явлением настоящей поэзии». Однако причины *ученического* характера молодой советской поэзии не вскрыты в статье. Поскольку мы можем судить, они двоякие. Первая, коренная и трудноизлечимая, заключается в недостатке у большинства поэтов *культуры языка* и мышления. Вторая причина — порядка духовного. Ведь, так или иначе, «поэзия есть Бог в святых мечтах земли», «поэты рождены... для звуков сладких и молитв», то есть по природе своей поэзия интимна и метафизична, а интимность и метафизичность являются главной мишенью партийной критики и... цензуры (сколько в свое время претерпела нападок Маргарита Алигер за свою интимную лирику!).

Многие в советской России не без страха наблюдают за упадком культуры языка (вспомним предостережения К. Паустовского) и культуры мышления. Последней теме посвящен «Дневник писателя» (не слишком ли громкое называ-

ние?) И. Забелина, который выступает в защиту цельности культуры, единства науки и искусства (Энгельс больше почерпнул экономических сведений из «Человеческой комедии» Бальзака, чем из книг специалистов, или Эйнштейну Достоевский дал гораздо больше, чем любой научный мыслитель). Все это истины не новые, но для современной обескультурившейся технократической России необходимые и срочные.

Отметим еще небезынтересные заметки об архитектурном стиле Д. Данина, очередные дорожные впечатления о Западе, в этот раз некоего Утченко, и пустоватые воспоминания бывшего посла в Англии И. Майского о Бернарде Шоу.

Все эти повести, стихи, статьи не заслуживали бы особой рецензии, если бы в номере не было «гвоздя» — воспоминания И. Эренбурга, а в них — правдивых, волнующих страниц о двух погибших крупнейших русских поэтах XX века, Марине Цветаевой и Осипе Мандельштаме. Эренбургу принадлежит почин посмертной реабилитации Цветаевой: в сборнике «Литературная Москва» (2-1956) появилось его предисловие к запрещенному впоследствии сборнику стихотворений Цветаевой*. В нем, впервые для советских читателей, Эренбург раскрыл факт самоубийства Цветаевой. В воспоминаниях Эренбург договаривает — правда, иносказательно — ту общую катастрофу, постигшую семью Цветаевой, о которой намекнул Пастернак в своей «Автобиографии»: «С.Я. Эфрон (муж поэтессы) погиб (то есть был ликвидирован. — Н.С.), Аля (дочь) была далеко (то есть в ссылке, в которой просидела до 1956 года, 15 лет! — Н.С.).» Покаянно, даже жалобно звучит голос Эренбурга, когда он рассказывает о своей последней встрече с Цветаевой в августе 1941 года — за несколько недель, если не дней, до ее самоубийства... «Мы встретились после многих лет, и встреча не вышла — по моей вине... когда она уходила, я сказал: “Марина, нам нужно повидаться, поговорить...” Нет, мы больше не встретились: Цветаева покончила с собой в Елабуге, куда ее занесла эвакуация».

* Снова планируется к переизданию в этом году.

Еще значительнее то, что Эренбург сообщает нам о Мандельштаме, о трагической судьбе которого до сих пор ходили разноречивые рассказы. В 1934 году Мандельштам находился в заключении в Воронеже, весной 1938 года был отпущен и вернулся в Москву, но снова арестован (слово «арест» ни разу не употребляется Эренбургом) и умер, по имеющимся у Эренбурга частным сведениям (разумеется, никакого официального сообщения или извещения о его смерти не было), в 1940 году, за десять тысяч километров от родного города, «больной, у костра, читал сонеты Петрарки». «Кому мог помешать, — спрашивает Эренбург, — этот поэт с хилым телом и с той музыкой стиха, которая заселяет ночи?»

Эренбург не только делится с нами ценнейшими воспоминаниями о Мандельштаме — он был его ровесником и жизнь их неоднократно сводила, но — что ценнее всего — приводит, к сожалению в извлечениях, целый ряд неизданных стихов Мандельштама позднейшего времени, что свидетельствует о том, что его литературное наследие не погибло. Для любителя русской поэзии всякая неизвестная строчка Мандельштама — с ее неподражаемой внутренней музыкой и сокровенным, всегда новым смыслом — настолько ценна, что мы позволим себе перепечатать здесь все приведенные Эренбургом цитаты:

1. О Франции; 2. Об Андрее Белом; 3. Натюрморт; 4. Киев в гражданскую войну; 5-6. страшные, заклинательные, «тюремные» строки; 7. стихи, написанные, вероятно, перед очередным допросом; 8. и, наконец, замечательные, такие мандельштамовские — вкрадчивый восьмистопный хорей, любимая его тема «одухотворения плоти» — стихи о смерти.

1.

Я прошу, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости,
Правды горлинок твоих
И кривды карликовых виноградарей
В их разгородках марлевых;
В легком декабре твой воздух стриженый
Индевеет денежный, обиженный.

2.

На тебя надевали тиару — урода колпак,
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак.
Как снежок на Москве, заводил кавардак гоголек:
Непонятен, понятен, невнятен, запутан, легок.
Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец,
Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец.

3.

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как струпья, положил.
Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель.

4.

Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.
Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
Мы вернемся еще, разумейте.

5.

Пусти меня, отдай меня, Воронеж,
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, ночь.

6.

Я все отдаю за жизнь,
Мне так нужна забота,
И спичка серная меня б согреть могла.

7.

Колют ресницы, в груди прикипела слеза,
Чую без страха, что будет и будет гроза:
Кто-то чудной меня что-то торопит забыть.
Душно, и все-таки до смерти хочется жить.

8.

Не мучнистой бабочкою белой в землю я заемный прах верну,
Я хочу, чтоб мыслящее тело превратилось в улицу, в страну,
Позвоночное, обугленное тело, осознавшее свою длину.

Рядом со страницами о Цветаевой и Мандельштаме все остальное в воспоминаниях Эренбурга как-то бледнеет. Есть, правда, смелые характеристики «шероховатостей» советской жизни: «В 30-е годы порой так рубили лес, что летели не щепки, а вековые камни. В 1934 году я видел, как в Архангельске взрывали здания таможни петровского времени, спрашивал почему, мне отвечали: “Мешают уличному движению”, а в Архангельске автомобили были наперечет», или: «...я испытывал страх не на фронтах, не в Испании, не при бомбежках, а в мирной обстановке, когда ждал звонка или стука в дверь» и т.д.

Много проходит известных лиц... Красочно описаны эпизоды с Бунином, Бальмонтом, бегло и бледно упоминаются Короленко, Степун, Вяч. Иванов, Зайцев, М. Волошин (хотя у последнего Эренбург прожил несколько месяцев), подробно Брюсов и Маяковский и погибшие в чистке 1937 года известные грузинские поэты Табидзе и Яшвили.

Воспоминания Эренбурга еще не окончены, поэтому еще нельзя вынести о них окончательного суждения. Но над кем смеется Эренбург, когда пишет, причем повторно: «По христианским легендам язычник (sic!) Савл, превратившись в апостола Павла, начал крушить (sic!) статуи богов и богинь» и т.д.?

Прот. Алексей Князев

Зов пророческий*

Господь Бог ничего не делает, не открыв
Своей тайны рабам Своим, пророкам.

Амос 3:7

В эпохи истории критические, поворотные, сопряженные с великими потрясениями и переменами, Бог всегда воздвигает в нашем мире пророков, чтобы через них возвещать человечеству о тех подвигах упования, веры и творческого дерзновения, которых Он ждет от него. Пророками была ознаменована священная история ветхозаветного богоизбранного Израиля. Но пророков знает также и история Церкви новозаветной. И, несомненно, таким пророком — глашатаем Божиим, явленным Богом в наши дни, был профессор Свято-Сергиевской Духовной Академии в Париже Антон Владимирович Карташев, скончавшийся 10 сентября 1960 года в городе Ментоне на юге Франции.

Все мы знаем, как много можно сказать о покойном Антоне Владимировиче. Он был человеком исключительной одаренности. Благодаря ей он оказался одним из самых ярких представителей того совершенно особенного по своей талантливости и блеску поколения культурных деятелей, которое дала у себя Россия перед Первой мировой войной и революцией. Он стяжал себе общерусскую и общеправославную и, может быть, даже мировую славу как талантливейший и вдохновеннейший ученый — историк Церкви, публицист, политический деятель и вождь русского патриотизма. Будучи движимым, при этом, беспредельной верой во Христа и столь же беспредельной любовью к Нему и к Православной Церкви, он оказался проникновеннейшим богословом, духовным учителем и любимым наставником целого сонма молодых пастырей и богословов. Но во всем этом он являл

* Речь, посвященная памяти А.В. Карташева, произнесенная 26 марта 1961 г. на собрании Общества охранения русских культурных ценностей; опубликована в «Вестнике РСХД» № 61, 1961.

черты, которые высоко поднимали его над уровнем чисто человеческой талантливости и одаренности, которые приближали вдохновение, которым жил он и которое излучал вокруг себя, к вдохновению пророческому, идущему непосредственно от Духа Божия.

Мало кто знает, как произошло то, что покойный называл своим окончательным самоопределением к Церкви. Восьмилетним мальчиком он играл на дворе монастыря в Екатеринбурге, при котором отец его занимал скромную конторскую должность. Удалили к вечерне. И вдруг мальчик, совершенно неожиданно для самого себя, бросился к крану, примочил торчащие непокорные вихры волос, помчался в храм, простоял службу и с тех пор почувствовал себя полностью и до конца жизни захваченным церковной стихией. Не напоминает ли это призвание такое же призвание пророка Иеремии, в юных летах плененного Богом, чтобы не только глаголом, но и самой судьбой своей на земле быть для своих современников знанием божественного определения, об них принятого?

Вещему взору Антона Владимиrowича с удивительной силой открылась истина о непобедимости для мирового зла Царства Христова, пришедшего через крест Сына Божия в мир. Неизмеримый же по глубине личный опыт Антона Владимиrowича (научный, исторический, богословский, жизненный, сопряженным с таким же жизненным вхождением в благодатную действительность Церкви) лишь подтверждал и укреплял в нем эту веру в Царство Христово, пришедшее в силе, и в непреодолимость адовыми вратами всего связанного с ним. И потому покойный мог нас, сынов российского рассеяния, неустанно призывать не оставлять, несмотря на все мировые потрясения, нашей веры в Святую Русь, не терять надежды на светлое будущее нашего народа и не отказываться от идеала построения через Церковь целостной православной культуры.

Несмотря на глубину и подлинность религиозного призыва Антона Владимиrowича, ему не суждено было стать священником. Ему иногда, особенно в дни Страстной седмицы и на Пасху, случалось скорбеть, что не стоит он у престола Божия и не может сам совершать столь любимые им церковные службы. Но, конечно, не случайно таким образом

сложилась его земная судьба. Не надо забывать, что пророческое служение есть служение свободное. Как таковое, оно не связано ни с каким званием и состоянием в Церкви: Бог зовет к нему всякого, кого хочет и как Он этого хочет. И потому в нашу эпоху, означенную, с одной стороны, массовым отходом от веры и Церкви, а с другой – таким же массовым возвращением к ним, не желал ли Господь через раба Своего Антония напомнить нам, что миряне не должны рассматриваться как некие христиане второго разряда, но что они столь же отвечают за Церковь и могут быть столь же харизматически одарены, как и члены клира? И не оказался ли тем самым покойный Антон Владимирович особым орудием в руках Божиих, чтобы мирянство в Церкви через него было показано во всей своей славе? «Ты будешь у Меня знамением». С такими словами Бог не раз обращался к пророкам (Иер. 16; Ос. 1 и 3; Ис. 8:18). И потому пророк, наряду со своей словесной проповедью, сам становился отражением истины, которую через него Бог делал ведомой людям.

Ответственная церковная жизнь, укрепление православного просвещения через усиление высшего богословского образования, воссоздание благодаря этому сознательного христианского жительства – вот историческая задача, которую пророчески дерзновенно Антон Владимировичставил перед современным православным церковным обществом. В разрешении ее он видел условие сохранения духовных ценностей, залог преодоления сил исторического зла. Этим он жил до последнего вздоха, продолжая стоять на пророческой страже (Авв. 2:1), несмотря на непонимание, на враждебность со стороны духовной косности и лжеблагочестия, несмотря также на стесненные материальные условия, в которых ему приходилось жить и работать, несмотря, наконец, на усиливающуюся физическую немощь. Так он жил и творил, словом и примером призываю своих современников к стяжанию внутреннего, опытного знания Бога, того необходимого знания, из-за пренебрежения к которому, как это сказали те же пророки (Ос. 4:6), гибнут как отдельные человеческие индивиды, так и целые народы.

Антон Владимирович ушел из этого мира в возрасте восьмидесяти шести лет. До последних дней своей земной жизни он оставался, несмотря на тяжкий недуг, в полном

расцвете своих творческих сил. Не явился ли он и в этом свидетелем Божиим, в духе своем воочию показывая силу Христовой победы, в которую он верил всем своим существом, непрестанно возвещая о ней? Не было ли это раскрытием ее как преодоления всякой немощи и тления в предвосхищении славы грядущего воскресения как окончательного упразднения смерти? И потому память об оставившем мир наш Антоне Владимировиче да будет нам не только примером для подражания, но также и источником утешения и поддержкой в нашем подвиге веры в воскресение России и пребывания в верности делу Христову. Да почнет на нас также хотя бы малая частица того духа, который был на нем, духа пламенной веры и неиссякаемой любви ко Христу и к Церкви! Тогда, если и нам суждено умереть изгнаниками на чужбине, мы, как и Антон Владимирович, сторицею умножим все вверенные нам Богом таланты и, несмотря на скорбность и ущербленность пути нашего, недаром потрудимся на этой земле.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Памяти Сергея Морозова

Сергей Иванович Морозов (род. в Париже 9 января 1946), сын многолетнего активного секретаря РСХД, для нас, движенцев, попросту Сережа, был тонким, благороднейшим, светлым человеком. Прожил он одновременно страдальческую и счастливую жизнь. Страдальческую — так как семнадцати лет заболел «священным недугом» (эпилепсией); счастливую — благодаря своему духовному дару смиренномудрия и жертвенной любви его верной жены и друга Татьяны Ладыженской. Болезнь помешала ему в полную меру развить свое призвание, влече-

ние к философии. Написав дипломную работу в университете Нантер о Шестове, он был приглашен в 1971 г. преподавать историю философии в Сергиевский Богословский институт. Но через несколько лет он проявил редкое благородство, встав на защиту скромного служащего Института из второй эмиграции Бориса Сысоева, выгнанного за какую-то мелкую пропинность. Не будучи услышанным, Сергей Морозов отказался от любимого преподавания.

Трудов по себе Сергей почти не оставил, но вспоминаются его замечательная речь на годичном акте Института о Симоне Вейль, которой в те годы мало кто интересовался, выступление на симпозиуме о Шестове (напечатанное), поз-

же он проявил незаурядный интерес к русско-грузинскому философи Мерабу Мамардашвили и посвятил ему статью.

В последние годы болезнь его обострилась, лишила возможности передвигаться самостоятельно, причиняла острые боли во всем теле, но никогда, посещая его еженедельно, мы не слышали от него ни малейшей жалобы, ни малейшего ропота. На все он отвечал добрыми словами и своей неизменно сияющей улыбкой. Приходящие к нему получали от него неизмеримо больше, чем могли ему дать. В начале Великого поста Сережа был уже при смерти, но скончался он в полдень Пасхального Воскресения, послав всем нам, его друзьям, некий таинственный знак о чаемой и им, и нами победе над смертью.

Никита Струве

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

Исцеляющий взгляд любви

Десанти, Доминик. *Встречи с матерью Марией: невефующая о святой* / пер., перераб. для рус. изд. и послесл. Т. Викторовой. СПб.: Алетейя, 2011. 208 стр.

Последняя прижизненная книга Доминик Десанти (1919–2011) представляет собой русскоязычную версию тридцатой книги автора, вышедшей по-французски: Desanti, Dominique. La sainte et l'incroyante: Rencontres avec mère Marie. Paris: Bayard, 2007. 254 р. «Русское издание, — как отмечает в Послесловии переводчик Татьяна Викторова, — существенно отличается от французского: переработанное сообразно с архивными материалами и ранее не публиковавшимися письмами Гаяны, оно дополнено новыми воспоминаниями и впечатлениями Доминик после посещения России летом 2008 г.» (203)¹.

Сердцем этого нового свидетельства о матери Марии является первая встреча с ней автора в 1935 г. на Лурмель. Испытав притяжение личности матери Марии, Д. Десанти через всю жизнь пронесла эту встречу как *высший дар*: «Я встречала многих выдающихся людей, даже гениев, но человека лучше, чем мать Мария, не встречала»². А общалась она со многими представителями левой интеллектуальной элиты XX века – Элюаром, Арагоном, Сартром, Лаканом, Фуко...

В удивительном *взгляде любви* матери Марии, обращенном на *незнакомую* 15-летнюю девушку, произошла подлинная *встреча*, началось их духовное общение: «Невозможно забыть ощущение, что ее глаза проникают в самую душу»³;

«Этот взгляд поразил меня, я и сейчас его чувствую: когда мать Мария смотрела на человека, она пыталась все про него понять»⁴; «Этот взгляд просто утверждал ваше существование. Он одобрял его. ...» “Быть пронзенной взглядом”: я знала это выражение, но до этого была незнакома с самим ощущением. Этот взгляд притягивал, за ним хотелось следовать. Существовать для этого взгляда. Одержимо и преданно. За выпуклыми стеклами очков, взгляд “принимал вас во внимание”. Он пробуждал вас» (15). Утверждая бытие *Другого*, взгляд матери Марии означал «*atque ego sum*»: «он уверил меня в том, что я существую и что, будучи живой, должна любить живых» (5), «любовь для нее значит “преображать, даря”» (63), «о ней я сказала бы: “жить – это отдавать себя другому”» (199). Эту христианскую направленность к Другому во встрече с ним замечательно раскрыл митр. Антоний (Сурожский): «В конечном итоге *полюбить* значит умереть для себя самого совершенно, так, что и не вспомнишь о себе самом, – существует только другой, по отношению к которому мы живем. Тогда уже нет самоутверждения, ... а есть только устремленность к тому, чтобы *он* был, чтобы он был во всей полноте своей личности, во всей полноте своего бытия»⁵.

Живой опыт лица, пережитый Д. Десанти, удивительно близок христианской «философии лица», выраженной В.В. Розановым, утверждавшим, что наши привязанности к философским и религиозным концепциям определяются привязанностью к лицам: «мы доходим до Бога через человека», церковь основывается «не на догматической солидарности, но на этом как бы чтении лика Божия, отраженного в лице человеческом, “в брате моем”, “чистейшем, нежели я”»⁶. Розановская философия лица, предлагающая единство внешнего и внутреннего, слова и личной жизни, уходит корнями в православную святость как высшее из искусств. Как нравственный феномен, «тайна лица» выражает духовный опыт личности, который невозможно подделать: «кто любит человека, не может не любить лица человеческого, “лицо” у себя под старость мы “выслуживаем”, как солдаты – “георгия”. В лице – вся правда жизни; замечательно, что нельзя “сделать” у себя лицо, и, если вы очень будете усиливаться перед зеркалом, “простодушное” человечество все-таки определит вас “подлецом”»⁷.

В «золотом» взгляде матери Марии, как его назвал Н.А. Бердяев (97), – столь знакомом нам по фотографиям светящегося улыбкой открытого лица в апостольнике, – *вся* мать Мария, ее *взгляд на мир и человека*, исполненный любви к нему и верой в его богочеловеческое достоинство, верой, как удивленно восхитился Б. Вильде, в «неискоренимую доброту человека!» (150). В этом миросозерцании мать Мария продолжила *христианский гуманизм* Достоевского, как его определил С. Л. Франк. В этом взгляде любви матери Марии, в котором прописывается проникающий в сердце Великого инквизитора тихий взгляд Спасителя, – сущность христианства. Это христоподобное любвеобилие отразилось в лице преп. Серафима Саровского, вышедшего из затвора на старческое служение людям: «он любил всех и каждого больше, чем мать любит единственного сына своего возлюбленного», «не было такого страдания, такой скорби у ближнего, которых бы он не разделил, не принял бы в душу свою». В католической традиции – это взгляд-улыбка св. Терезы Младенца Иисуса, убежденной, что «наши Господь особым образом заботится о каждой душе, будто нет ей равных».

В христоликом взгляде матери Марии, в котором светится ее душа, Д. Десанти фокусирует тайну ее личности. В книге, посвященной тайне этого взгляда, автор, приближаясь к ней, раскрывает перед нами путь «моей святой» (7) – цельный образ матери Марии в ее духовном становлении от рождения в 1891 г. до огненной гибели в Равенсбрюке в 1945-м. Открытая различным духовным «вениям», мать Мария прошла сквозь различные культурные эпохи: «смогла прожить все стадии борьбы за свободу», «выразила своей жизнью, своей безмерностью самые значительные течения первой половины XX века в Европе» (198).

На этом пути встает фигура К.П. Победоносцева, ответившего на «пилатовский» вопрос Лизы, что Истина – в любви к ближнему, а не дальнему (55). В этом ответе звучит голос общавшегося с Победоносцевым Достоевского⁸. Знаменательно, что в «символе реакции» мать Мария сумела увидеть человека и услышать столь важные слова о любви к ближнему, которые станут определяющими для ее духовного пути. После смерти отца Лиза переживает бунт против Бога и снова в духе Достоевского ощущает «необходимость дать

ответ на самый важный вопрос: верю ли я в Бога? Есть ли Бог?» (57–58).

Следующая веха в ее становлении – эпоха начала XX в., атмосферу которой автор воскрешает на страницах книги. «Башня» Вяч. Иванова, предстающая «островком безответственных речей» (69–70, 76), не устраивает Лизу богемной оторванностью от жизни: «Над Европой нависла война, а они говорят о Пикассо и на прочие салонные темы! Их разговоры ничтожны, а жизнь пуста» (76). Стремясь разрешить характерный для эпохи разрыв между словом и делом, она ставит «извечный вопрос – как обратить искусство в действие?» (59). О Серебряном веке мать Мария могла сказать словами А. Ахматовой, рядом с которой она символично запечатлена на фотографии 1912 г. в слепневском имении Гумилевых: «Я забыла ваши уроки, / Краснобаи и лжепророки!» Удивительно, что еще в 1961 г. в прозаическом наброске к «Поэме без героя», вспомнив «Лизу Караваеву», читающую на «башне» «Скифские черепки», Ахматова причислила ее к лицу блаженных, назвав «будущей bienheureuse Marie»⁹.

«Первая встреча» в ее жизни – «предельная любовь», «испепеляющая целомудренная страсть» к Блоку (59, 83). Во встрече с Блоком проявилось присущее ей глубинное чувство сострадания: «у меня к вам жалость, потому что вы вошли в сердце и не выйдете из него никогда» (65). Юная Лиза последовала пожеланию Блока бежать от «умирающих» в декадентстве (64) и «полюбить простого человека» (94). Д. Десанти делает важное предположение о том, что высказанная Блоку Елизаветой мысль о «все искупающем» Христе над Россией, о поиске «своего Христа» нашла отражение в знаменитом finale поэмы «Двенадцать» (79, 81). Из революции и Гражданской войны она вынесла «самый страшный» урок: «за лесом лозунгов и этикеток мы все разучаемся видеть деревья – отдельных людей» (90), когда конкретный человек приносится в жертву на алтарь отвлеченной любви к «человечеству» (146).

Наконец – монашество в миру – обновление духа монашества в первохристианском служении и подвиге (110, 101), возникшем в условиях эмиграции, которые мать Мария оценивает как «огромный дар свободы», освобождение Церкви от государства (114). Переживая смерть дочери, она прибли-

зилась к крестному кеносису Христа и решила стать духовной «матерью каждому» (99, 115, 122). Она стала матерью в том глубочайшем и подлинном смысле, который раскрывается христианством, где образцом божественной любви выступает «“чревная” любовь всепрощающей матери к своему дитятии»¹⁰ и Дух Божий, носящийся над водою при сотворении мира (Быт. 1, 2), соотносится с материнством птицы, высиживающей птенцов и витающей с кормом над ними (Втор. 32, 11)¹¹. Это материнское любвеобилие было присуще преп. Серафиму Саровскому, любившему всех и каждого больше, «чем мать любит единственного сына».

В этом материнском служении лучится «золотой взгляд» матери Марии, в котором «находили себе приют все потерянные, обезумевшие, проститутки, бродяги в лохмотьях» (6). Как вспоминает Д. Десанти, для матери Марии не было различий между интеллектуалом и пьяницей: «Для нее каждый был человеком. Мать Мария помогала русским девушкам, ставшим проститутками, пыталась вырвать их из их среды»¹². Ее подвижничество являло собой *апологию человека*: она насыщала хлебом голодных, чтобы вернуть достоинство их душе и духу (6), побуждала человека к усилию, которое «пробудило бы в нем лучшее», стремилась «ко все большей человечности», «придавала величие самому простому поступку, и ей удавалась поднять человека на должную высоту» (21), ей важно было дать человеку уверенность в том, что «его существование что-то значит» (58).

Учение матери Марии о любви к ближнему питалось святоотеческим преданием – словами преп. Исаака Сиринова о том, что Христос умер за грешников, а не праведников, и что грех человеческий – это горсть песка, брошенная в бесконечное море Божией милости (107). В ее учении о любви к ближнему православная традиция встречается с католической. Не случайно в связи с решением Елизаветы Юрьевны стать «матерью» в миру Д. Десанти упоминает имя другой «святой матери» – реформатора кармелитского ордена и богослова молитвы Терезы Авильской (†1582), пережившей глубокое обращение перед образом бичевого Христа (98). Но еще ближе к духовному опыту матери Марии – «смиренное служение любви к ближнему» св. Терезы Младенца Иисуса (†1897), пережившей подобно преп. Исааку Сирину кено-

тическую любовь Божию к человеку: «Я чувствую, что все эти согрешения подобны капле воды, упавшей в пылающий костер». Взгляд матери Марии подобен «брошенному цветку» улыбки из «малого пути» любви св. Терезы, в котором повседневные дела и мелочи — «маленькие жертвы» — возможность дарить любовь: «Любовь можно доказать поступками; а как я должна проявлять свою любовь? Я не могу совершить великих деяний. Единственный способ доказать мою любовь — это разбрасывать цветы, и эти цветы будут маленьими пожертвованиями, как и каждый мой взгляд, слово и все мои внешне непримечательные поступки, которые я буду совершать ради любви»¹³. Мать Мария могла бы сказать словами св. Терезы, восхитившими М.И. Цветаеву, которая, по словам Д. Десанти, «пару раз» заходила на Лурмель¹⁴: «Я все свое небо употреблю на то, чтобы помогать земле»¹⁵. Этой безмерной жертвенной любовью дышат и стихи обеих святых, вдохновленных Духом Святым:

*Любовью жить – дафть себя без меры.
Любовь такая не перестает,
И я дарю себя с простотою верой,
Что если любишь – ни к чему расчет.
Все, что имела, много или мало,
К Твоим ногам смогла я положить.
Одно богатство у меня осталось:
Любовью жить! Любовью жить!*
(Св. Тереза Младенца Иисуса, «Жить любовью»).

И в аду лагеря мать Мария умела улыбаться (189), излучая силу Любви против сил зла, «проявляя какое-то глубинное достоинство в этом месте непрерывного уничижения» (189, 196, 191). Ее «малый путь» был увенчен великой жертвой за «други своя». И «огненное цветение» любви к Богу и к человеку оказалось совсем не метафоричным (125–126). Состояние духа матери Марии перед жертвенной смертью глубже всего передает созданная ею в концлагере «Равенсбрюкская» икона — близкая к византийскому образу «Не рыйдай Мене Мати», она изображает распятого на кресте Христа, умалившегося в Отроке в белой рубашке...

Д. Десанти удалось не просто вспомнить, а въяве воскресить живую атмосферу русского общежития на Лурмель, не-

повторимые и глубокие образы дочери матери Марии Гаяны, сына Юрия (новомученика Георгия), Д.Е. Скобцова, «бабушки» (С.Б. Пиленко), о. Дмитрия Клепинина (священно-мученика Дмитрия), Ильи Фондаминского (новомученика Илии), о. Льва Жилле, Н.А. Бердяева, Б. Вильде. Все эти по-своему уникальные личности, оказавшись в притяжении «солнца» матери Марии, отражали свет ее личности. Кон-трастом этим светлым образом в книге выступает портрет «красного графа» А. Толстого, его темная роль в трагичес-кой судьбе Гаяны – ее приезде в Советский Союз и прежде-временной смерти.

В книге значимы не только рельефно очерченные обра-зы, но и лишь упомянутые, как, например, настоятельница лионского ордена Божией Матери Милосердия Елизавета Риве, которая в лагере также «пошла на смерть за другую» (180). Д. Десанти, посвятившая свою книгу и памяти отца, погибшего от рук нацистов, спасает от забвения и погибшую в лагере голландку Этти Хиллесум, удивительную личность которой раскрывает одна ее дневниковая запись: «Красота мира и любовь к ближнему – два способа достигнуть мисти-ческих высот» (185). Стремясь постичь мистический опыт матери Марии, Д. Десанти обращается к «потоку любви», пе-режитому католической монахиней (109). Она обращает внимание на «деятельное сотрудничество» матери Марии с англиканами (124). Тем самым автор подчеркивает живое единство христианства, в котором жила мать Мария.

Свое социальное служение мать Мария осуществляла в предельной нищете, буквально «из ничего», лишь любовью. Кенотическую природу этого служения точно выразил митр. Антоний (Сурожский): «Она из ничего оказывала по-мощь другим людям и не ждала, чтобы к ней обратились за помошью». Благотворительная и культурно-просветитель-ная организация «Православное дело», уникальное перво-христианское «братьство» матери Марии на Лурмель («обще-житие, университет, церковь» (134)), возникшее на пересе-чении православной, католической, протестантской традиций, – чрезвычайно значимый и актуальный для со-временной России опыт социально направленного христи-анства. Автор книги справедливо вопрошаet: «Существует активное женское монашество этого типа в современной

России? Вопрос остается открытым» (197). А ведь еще Пушкин в разговоре с Хомяковым на его слова о том, что в России больше христианской любви, чем на Западе, ответил с досадою: «Может быть. Я не мерил количество братской любви ни в России, ни на Западе; но знаю, что там явились основатели братских общин, которых у нас нет. А они были бы нам полезны»¹⁶.

О «святой» свидетельствует «неверующая», просвещенный интеллектуал – само по себе это невероятный факт, выражавший высокую культуру диалога, в которой столь нуждается Россия с ее вечным антагонизмом между просвещением и духовностью. В культурном контексте книга Д. Десанти, посвященная супругу Жану-Туссену Десанти, «так любившему мать Марию», имеет знаковый характер встречи левых французских атеистов-интеллектуалов с русским Православием и возможности диалога с ним.

И хотя Д. Десанти отказывается называть свою книгу «житием», тем не менее ее свидетельство о «моей святой» (5) естественно приближается к агиографической традиции. И то, что о матери Марии свидетельствует «неверующая», делает это бескорыстное свидетельство еще подлиннее. И в этом еще один из важнейших заветов матери Марии – о христианской свободе личности. Она не задавалась целью привести «неверующую» Доминик к вере: «Мать Мария с каждым общалась на его уровне. Она старалась, чтобы человек переосмыслил свою жизнь, но никогда не говорила: “Вот если бы вы верили в Христа, то сразу бы поняли, как живете и что вам делать со своей жизнью”. Она просто говорила о том, что надо понять себя. И для меня это, наверное, тоже часть ее святости. Мать Мария понимала другие пути, даже если они ей не нравились»¹⁷. Эта свобода матери Марии близка поцелую Христом своего «врага» – Великого инквизитора, которого Он не стремится обратить словом, а молча целует; и хотя старик остается в прежнее идеи, но сердце, горящее от любви Христовой, уже преображено этой любовью. Бердяев размышлял об этой свободе (14), а мать Мария эту свободную любовь осуществила (18).

Если, по словам восьмидесятилетней Д. Десанти, «духовная сила» матери Марии «незабываема даже для неверующего»¹⁸ и мать Мария «пребывала» в ней и «не оставляла» ее (7)

на протяжении 70 лет после их встречи в 1935 г., то не оказывается ли «неверие» Доминик «ветхой чешуей», спадающей с души и открывающей ее первоначальную христианскую природу, подтверждая старую истину Тертуллиана «*anima naturaliter christiana*».

Книга Д. Десанти завершается мыслью о том, что мать Мария – поэт, философ, богослов, иконописец – удивительно соединила в своем подвижничестве пути культуры и Церкви, личного творчества и православия, мирской жизни и монашества, в свободном творчестве реализуя августиновское «люби Бога и делай что хочешь».

В страшном для России 1919 г. А. Ахматова скорбно констатировала:

*Чем хуже этот век предшествовавших? Разве
Тем, что в чаду печалей и тревог
Он к самой черной проказнице язве,
Но исцелить ее не мог?*

Пройдя через «чад печалей и тревог» XX в., преподобно-мученица Мария Парижская сумела найти путь исцеления «черной язвы» эпохи. Она явилась мироносицей XX в., драгоценным звеном «неудоборазрываемой златой цепи» духовной традиции «монашества в миру». Это каритативное служение людям в миру просияло святостью в лице великомученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители милосердия. Актуализированное Достоевским, благословившим в последнем своем романе Алешу Карамазова на «великое послушание в миру», «монашество в миру» в различной степени воплощали в своей жизни А.И. Цветаева, А.Ф. Лосев, М.В. Юдина, Н.А. Павлович, сестра Иоанна (Ю.Н. Рейтлингер), монахиня Елена (Е.И. Казимирчак-Полонская)...

Помимо личного общения с Гаяной, самой матерью Марией и ее окружением (особенно с «бабушкой» С.Б. Пиленко (49)), автор опирается на уникальные архивные источники (Архив С.Б. Пиленко в Бахметьевском фонде Колумбийского университета (Нью-Йорк), Частный архив С.М. Медведевой (Париж)) (73, 77). Книгу завершает богатый иллюстративный ряд, представленный уникальными фотографиями матери Марии, ее родных (Ю.Д. Пиленко, С.Б. Пиленко,

Д.Е. Скобцов, дети Гаяна, Настя и Юра Скобцовых), духовно близкого ей окружения (И.И. Фондаминский, о. Димитрий Клепинин, митр. Евлогий, Н.А. Бердяев и др.), фотографиями общежития на Лурмель, церкви на вилла де Сакс, Равенсбрюка, фотокопиями переписки с Блоком, цветными репродукциями «Равенсбрюкской» иконы матери Марии, ее вышивок и иконы «Св. мать Мария Парижская» (М.А. Струве).

В завершение хочется выразить глубокую благодарность, к сожалению, недавно ушедшей от нас Доминик Десанти за это свидетельство, запечатлевшее для нас драгоценный образ матери Марии, а также переводчику — Татьяне Викторовой, переработавшей книгу для русского издания и в русском слове вернувшей этот драгоценный образ современной России. Книга, ставшая возможной благодаря плодотворному сотрудничеству французской свидетельницы матери Марии Д. Десанти и русской исследовательницы творчества матери Марии Т. Викторовой, является собой столь важную сегодня живую преемственность культуры. И, конечно, особая признательность — издательству «Алเตяя», с такой любовью издавшему в духе своего названия эту уникальную книгу-свидетельство, верную *Истине* в полном смысле этого слова.

На обложке книги — мать Мария в монашеском одеянии стоит в профиль на фоне древних камней в Кабрисе. Что открывается ее *взгляду любви*? «Необъятный, как небо или пустыня, безграничный простор» (100–101), что «позволяет жить в бессмертности»... Бесконечное лазурное море Божьей Любви...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в скобках указываются страницы рецензируемой книги.

² Французская писательница Доминик Десанти: «Мать Мария понимала другие пути, даже если они ей не нравились»: Встреча с Д. Десанти в Музее А. Ахматовой в Фонтанном доме 16 августа 2008 г. / Записала Т. Кириллина // Вода Живая: сайт Санкт-Петербургского церковного вестника. Новости. 19 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://aquaviva.ru/news/2008-08-19/941.html>

³ Цит. по: Зайцева Ю. Французская писательница представила в Москве новую книгу о матери Марии (Скобцовой) // Благовест-Инфо. Агентство религиозной информации. 14 августа 2008 г.

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=4&id=22186&print=1>

⁴ <http://aquaviva.ru/news/2008-08-19/941.html>

⁵ Антоний (Сурожский), митр. О встрече // Новый мир. 1992. № 2. С. 189.

⁶ Розанов В.В. О писателях и писательстве (Заметки и наброски) // Розанов В.В. Собрание сочинений: Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. М.: Республика, 1996. С. 336.

⁷ Там же. С. 335.

⁸ Иван Карамазов, не понимая предельное сострадание св. Юлиана Милостивого к прокаженному, которого он согревает своим телом, считает, что любить можно только дальних, а близких любить невозможно. Алеша же, напротив, утверждает присутствие в человечестве «Христовой любви».

⁹ РГАЛИ. Ф. 13. РТ. Ед. хр. 104. Л. 3. Об. 2. Об. 5.

¹⁰ Это отразилось в *цсл.* «благоутробный» («милосердный», «сострадательный»), восходящем к *εὐρ. γῆμ* («материнская утроба») (Аверинцев С.С. ΕΥΣΠΛΑΓΧΝΙΑ // Альфа и Омега. 1995. №1(4). С. 19–20).

¹¹ Слова, обозначающие «дух» (*εὐρ. γυανή, αράμ. γуна*), – женского рода. В древнем апокрифе Христос называет Святой Дух «Матерью». Символом нисходящего Духа Святого в христианской традиции выступает собственно «голубка» (*ερει. περιστέρά*) (Мф. 3, 16; Мк. 1, 10; 3, 22; Ин. 1, 32) (Аверинцев С.С. Дух Святой // Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. Киев, 2000. С. 69).

¹² <http://aquaviva.ru/news/2008-08-19/941.html>

¹³ Цит. по: Тереза из Лизье, Доктор Церкви, святая // Католические святые. Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=2533>

¹⁴ <http://aquaviva.ru/news/2008-08-19/941.html...> Возможно, из этих встреч на Лурмель Цветаева вынесла ключевую мысль, сформулированную ею в статье «Искусство при свете совести», – «быть человеком важнее, потому что нужнее» (Цветаева М.И. Собрание сочинений в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. С. 374).

¹⁵ Цветаева М.И. Письмо А.Э. Берг от 17 ноября 1937 г. // Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 7. С. 511.

¹⁶ Смирнова А.О. Записки (Из записных книжек 1826–1845 гг.). СПб., 1895-1897. Ч. 1–2. Ч. 1. С. 148.

¹⁷ <http://aquaviva.ru/news/2008-08-19/941.html>

¹⁸ Цит. по: Зайцева Ю. Французская писательница представила в Москве новую книгу о матери Марии (Скобцовой)...

Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг. Изд. Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории. М., 2008 (Материалы по истории Церкви, кн. 40). 607 стр.

Хотя о Псковской Православной Миссии (далее ППМ) было достаточно хорошо известно за границей уже в 40-е и 50-е годы прошлого столетия, первым настоящим «прорывом» этой темы в России явились публикации в 26–27 выпуске «Санкт-Петербургских Епархиальных Ведомостей», приуроченные к шестидесятилетию ППМ. Труд К. П. Обозного, над которым автор работал в течение десяти лет, – это фундаментальное исследование, использовавшее множество материалов и личных свидетельств. С каждой прочитанной страницей все больше убеждаешься в ценности и значительности книги: аргументация автора, его использование источников – безупречны.

В книге четыре главы, рассматривающие историю ППМ от начала (гл. 1, «Организация и устройство ППМ») до конца (гл. 4, «Заключительный период деятельности ПМ на оккупированной немцами территории Северо-запада России и Прибалтики»). В пятидесятистраничном «Введении» автор дает подробный аналитический и взвешенный обзор литературы по истории ППМ. Здесь он совершенно справедливо настаивает на комплексном использовании источников, равно как публикаций, так и архивов. И предостерегает от выводов, основанных на источниках, по существу односторонних, если не предвзятых. Как пример он приводит современные публикации, заключения которых основаны на материалах следственных дел, то есть обвинений и допросов членов Миссии, арестованных НКВД.

Очень ценная сторона этого капитального труда в том, что история создания и деятельности ППМ рассматривается автором в контексте истории Русской Православной Церкви в XX веке. Эта установка позволяет объективно оценить действия митрополита Сергия (Воскресенского), Экзарха Прибалтики (гл. 3, «Внешние и внутренние проблемы в деятельности ППМ»), организацию и работу Миссии. Эта глава, обсуждающая ППМ и церковную дисциплину, открывается разделом «Проблемы церковного управления и цер-

ковной дисциплины в РПЦ первой половины XX века». Не менее ценен следующий раздел — «Принципы церковного управления и церковной дисциплины в документах экзаршего управления 1941–1942 гг.». Жесткая централизация, проводившаяся экзархом Сергием, следовала практике Московской Патриархии того времени. Следует подчеркнуть, что, невзирая на все усилившееся давление со стороны оккупационных властей, митрополит Сергий до конца не выходил из подчинения патриарху Сергию. В данном случае жесткая дисциплина, установленная Экзархом для Миссии, также объяснялась «чрезвычайными обстоятельствами военного времени».

Казалось бы, неожиданно, но в действительности закономерно, в главе о церковной дисциплине обсуждается появление в Миссии самозванцев, выдававших себя за священников, так как проникновение в Миссию давало некоторые льготы, в частности возможность передвижения, и могло служить прикрытием для агентов НКВД и партизанских связных. Автор дает подробную историю одного авантюриста, начинавшего странником по монастырям и псаломщиком, затем сделавшего блестящую карьеру при советской власти, а на оккупированной территории ставшего «лжесвященником». Говоря о несомненном и неожиданном — и для Москвы и для Берлина — успехе Миссии, за два с половиной года открывшей в оккупированных областях Северо-запада четыреста храмов, Обозный перечисляет обстоятельства, способствовавшие исключительному успеху Миссии. Нет сомнения, что это было обусловлено в первую очередь притоком «живых христианских сил» из Прибалтики (ядро Миссии составляли священники и миряне, прибывшие из Риги), где установившаяся с 1940 г. советская власть еще не успела разрушить Церковь так, как в России. Но, может быть, самым главным фактором был сам митрополит Сергий (Воскресенский): «Несомненно, незаурядные дипломатические и организационные способности Экзарха позволили ему в трудных условиях оккупации организовать Псковскую Миссию и направлять ее деятельность, отдавая предпочтение миссионерской и просветительской работе» (с. 518), что само по себе обеспечивало успех работы Миссии. Совершенно справедливо автор упоминает, что оккупированный Северо-

запад, в отличие от других областей, оставался под управлением военной, а не гражданской оккупационной администрации, обычно относившейся более терпимо к местному населению, в том числе и к Церкви. Кроме того, у экзарха Сергия уже был опыт работы в Москве, в переговорах с властями от лица Церкви. И сама собой напрашивается параллель между немецким «Генеральным Комиссаром» и «Комиссией культов» (после 1943 г. представитель которой был известен как «уполномоченный по делам РПЦ»).

Раздел «Источники и литература» дает исчерпывающий список материалов, использованных в книге, включая, помимо опубликованных источников, архивные фонды, периодическую печать времени Миссии, а также воспоминания, дневники и письма. «Приложения» к книге, кроме документов и публикаций времени Миссии, включают список студентов учрежденных экзархом Сергием Богословских курсов в Вильно, документ об учреждении так называемой «Внутренней миссии» в Прибалтике для обслуживания беженцев из оккупированных областей, обращение собора епископов в Москве 8 сентября 1943 г., постановление на арест начальника ППМ о. Кирилла Зайца, а также документ от 14 августа 1954 г. об «отменении дела» и «немедленном освобождении» семи заключенных членов Миссии, арестованных и осужденных НКВД за свою работу в ППМ. Послесловие заключается длинным списком людей, помогавших автору в его работе над книгой, среди них несколько участников и потомков участников Миссии, авторов работ о Миссии и тех, кому работа Миссии непосредственно помогала. В книге помещены фотографии Пскова во время войны, а также нескольких участников Миссии и приюта. Заключает книгу указатель имен.

Около двухсот страниц удалено в книге собственно работе Миссии (гл. 2, «ППМ и церковное возрождение на оккупированной территории»). Автор детально рассматривает различные аспекты работы, включая церковно-приходскую жизнь, катехизацию, духовное просвещение, работу с детьми и молодежью (в том числе и церковные школы), благотворительную деятельность, а также создание Богословских курсов для подготовки священников. Обозный отдает должное роли членов РСХД, как священников, так и мирян, участвовавших в работе Миссии. Священники были хоро-

шими проповедниками, и все «движенцы» были хорошо подготовлены к миссионерской работе, а также имели опыт работы с детьми и молодежью.

На Западе было хорошо известно о личности и деятельности митрополита Сергия (Воскресенского), Экзарха Московской Патриархии в Прибалтике, по свидетельствам церковных рижан и участников Миссии, после эвакуации Миссии из Пскова в Прибалтику уехавших на Запад. Обозный приводит множество документов – распоряжений и выступлений Митрополита, которые еще ярче обрисовывают не только личность самого Митрополита, но и сложность его положения под непосредственным контролем немецких оккупационных властей. Выдержки из выступлений митрополита Сергия о положении Церкви в Советском Союзе не оставляют сомнения, что его трагический конец был предрешен.

Книга К.П. Обозного, труд, в котором наиболее полно и всесторонне исследована история ППМ, является драгоценным памятником Псковской миссии, ее участникам и ее инициатору, экзарху Сергию, отдавшему свою жизнь за возрождение Православной Церкви в необыкновенно трудных и трагических условиях. Труд их не пропал даром, а сыграл огромную роль в возрождении Православной Церкви, почти уничтоженной к началу войны. Если 26–27-й выпуск «Санкт-Петербургских Епархиальных Ведомостей» можно считать началом переоценки роли ППМ в России, то книга К. П. Обозного – заключение этого процесса. Свидетельством этого могут служить фильмы, естественно, рассчитанные на более широкую аудиторию, чем многостраничный исторический труд. В 2009 г. вышел на экраны фильм «Поп» (режиссер Владимир Хотиненко, сценарий Александра Сегена), работа над которым началась с благословения Патриарха Алексия II, а материалом для фильма послужили воспоминания прот. Алексея Ионова, одного из участников Миссии. Здесь следует также упомянуть документальный фильм о Псковской миссии, выпущенный Латвийской Православной Церковью, где самыми сильными и запоминающимися кадрами являются выступления экзарха Сергия того времени, подчеркивающие продолжающееся уничтожение Церкви в Советском Союзе.

Ольга Раевская-Хьюз

Ю.Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергий Булгаков. Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма.
Составление Брониславы Поповой. М., 2011, 312 стр.

Книга сразу покоряет своей обложкой с прекрасно воспроизведенной фотографией о. Сергея Булгакова и сестры Иоанны Рейтлингер в полный рост, а на ее обороте – воспроизведением в красках детали заалтарной фрески сестры Иоанны «Изгнание из рая», находящейся в движеческой церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в Париже. Такую книгу не только приятно держать в руках, но на нее не наглядишься и чувствуешь, что в ней речь пойдет о чем-то важнейшем: о двух крупнейших православных творческих личностях XX столетия, богослова и художницы, чьи судьбы скрестились в эмиграции под покровом св. Сергия Радонежского. Отец Сергий – самый великий богослов со времен Григория Паламы, а сестра Иоанна – крупнейший иконописец, и чуть не ли с семнадцатого века.

В основном книга состоит из архива сестры Иоанны, к которому, после смерти ближайшей ее подруги и первой исследовательницы Эллы Лаевской, имела доступ Бронислава Попова, жена директора музея Андрея Рублева. Бронислава Попова знала сестру Иоанну и обязана ей своим крещением. В октябре 2000 г. она была главной устроительницей в музее Рублева первой выставки иконописного творчества сестры Иоанны советского периода ее жизни, состоящего из небольших икон, находящихся у частных лиц, но, как и в эмигрантский ее период, струящихся светом. Тогда же вместе с Брониславой Поповой у нас родилась мысль издать альбом творчества сестры Иоанны на разных этапах ее сложной жизни – Прага, Париж, Лондон, Ташкент... (Книга вышла в издательстве «Русский путь» в 2006 г.)

Архив сестры Иоанны разнообразен – он содержит ее воспоминания, письма, отдельные записи. Духовный дневник конца 30-х годов (часть его, в иной записи, была напечатана в «Вестнике РХД») несколько пространен, неровен, но содержит вдохновляющие свидетельства глубокого и подлинного духовного опыта, под духовным руководством о. Сергия, кстати, в нем не упоминаемого. Интересна и новая, более полная редакция ее «Воспоминаний» (также напеча-

танных в «Вестнике», в более раннем и сжатом варианте). Из архива о. Сергея Булгакова, имеющегося у сестры Иоанны, напечатана до сих пор неизвестная «Пражская записная книжка», которая, как указано в примечаниях, составляет среднюю часть дневниковых записей о. Сергея этого периода. Первая ее часть, «Из памяти сердца», была опубликована М. Колеровым в 1998 г. в Москве, а третья — нами в сборнике, изданном в том же году в Орле. В «Из памяти сердца» ряд страниц посвящен духовной дружбе, возникшей в Праге между Юлией Рейтлингер и о. Сергием. Поскольку рецензируемая книга посвящена духовно-творческой связи между иконописицей и богословом, быть может, следовало бы воспроизвести в ней эти страницы.

Материалы в книге разнообразны, и к ним составлены прекрасные комментарии, а к текстам — тщательные и точные примечания. В ней к тому же много ценнейших фотографий, некоторые публикуются впервые, а те, что были известны, смотрятся почти заново, так они прекрасно воспроизведены. Книга, несомненно, — крупнейший вклад в историю православной мысли и искусства XX века.

НИКИТА СТРУВЕ

Коротко об авторах

Павел Анатольевич Адельгейм (род. 1938, Ростов-на-Дону) — священник Русской Православной Церкви, протоиерей, клирик Псковской епархии; богослов, публицист.

Бычков Сергей Сергеевич — историк Русской Церкви, доктор исторических наук, переводчик, издатель собрания сочинений Г.П. Федотова; живет в Москве.

Князев Алексей Петрович (1913, Баку — 1991, Париж), прото-пресвитер, в эмиграции с 1923 г., выпускник, затем преподаватель, а с 1965 г.— ректор Св.-Сергиевского института в Париже, автор трудов по Ветхому Завету, мариологии, литургике.

Кравцов Константин Павлович, священник РПЦ МП, член Союза российских писателей; родился 5. 12.1963 в г. Салехарде, окончил Литературный институт, автор трех книг стихов, публиковался в российской и зарубежной периодике, антологиях российской поэзии, выходивших в России, Великобритании, США. В 1999 г. принял священный сан в Ярославской епархии МП. Автор радиопрограммы «Обдорская миссия» (ОГТРК «Ямал-регион») и интернет-публицист.

Крекшин Игнатий родился в 1956 г. в Москве, окончил МГУ (кафедра истории и теории искусства) и Высшую философскую школу в Мюнхене. В настоящее время — священник католической епархии Роттенбург-Штуттгарт (Германия). Автор многочисленных публикаций по истории искусства, богословию и философии, более двадцати лет сотрудничает с «Вестником РХД».

Лакирев Антоний, священник, родился в 1963 г. в Москве. В 1985 г. окончил биологический факультет МГУ, работал научным сотрудником, затем — учителем. Рукоположен в 2003 г., клирик храма Тихвинской иконы Божьей Матери в г. Троице-Московской области.

Мартыненко Ольга Евгеньевна, журналист, переводчик. Почти тридцать лет, с момента основания и до закрытия, проработала в газете «Московские новости». С 1986-го — редактор отдела культуры, обозреватель «МН», в качестве которого интервьюировала многих известных деятелей культуры и искусства — М. Ростроповича, А. Шнитке, Р. Щедрина, Василия Быкова, О. Николаеву и др.

Медведев Александр, филолог, специалист по творчеству В. Розанова, преподаватель русской литературы в Тюменском государственном университете. Автор работ о Достоевском, Розанове, Цветаевой, Пришвине.

Носова Светлана (род. 1962 г., Новосибирск), поэтесса; окончила медицинский институт в Москве, в 1991 г. переехала в Германию, где работает врачом и научным сотрудником.

Сударева Елена, литературовед, преподает русский язык как иностранный в МГУ им. Ломоносова. Публиковалась в журналах «Вестник РХД», «Литературоведение за рубежом», «Крещатик», «Меценат и мир», в словаре «Русские писатели: 1800—1917».

ИСПРАВЛЕНИЯ К «ВЕСТНИКУ РХД», ВЫПУСК 197

Редакция выражает сожаление за опечатки, допущенные в предыдущем номере журнала:

стр. 193, 194: вместо *θεωρια* читать *θεωρη*.

стр. 203: вместо *Sobyг* читать *Sobóг*

стр. 205: вместо *Зибома* читать *Зибом*

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо митрополита Волоколамского Илариона	
главному редактору «Вестника РХД» Н.А. Струве	3
Ответ Н.А. Струве митрополиту Волоколамскому Илариону	4

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

«Забывая заднее и простираясь вперед...»	
Литургическая эволюция на рубеже тысячелетий — священник Антоний Лакирев	6
Три условия, необходимые для служения и участия в Божественной Литургии — священник Павел Адельгейм	11
Вопрос о человеке в секулярной культуре — Ольга Седакова	33
Письма прот. Георгия Флоровского прот. Сергию Булгакову	41
А вы за кого почитаете меня? — Оливье Клеман	53
Разные виды прикровенной любви к Богу — Симона Вейль	65
<i>K 125-летию со дня рождения Г.П. Федотова (1886–1951)</i>	
О христианском гуманизме — Г.П. Федотов	76
Deus sive Amor — Г.П. Федотов	90

СУДЬБЫ ЦЕРКВИ

Советский рай глазами дяди Коли — Ольга Мартыненко	96
Крым в 1921 году по письмам учителя Ялтинской мужской гимназии А.В. Попова к родным — А. К. Клементьев, Т.А. Богданова	106
Записки миссионера о советской России.	126

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Стихи — Светлана Носова	146
Три литературных очерка: «Воздух Мандельштама», «О “ледянном атеизме” Георгия Иванова», «Заостриться острой смерти» — священник Константин Кравцов	158

Человек мечтающий – Елена Сударева	171
Брис Парэн и Россия – Татьяна Парэн-Майар	181
Письма Алексея Ремизова Брису Парэну	194
Два письма прот. Сергея Булгакова к Парэнам	203
«ВЕСТНИК» 50 лет назад	
«Новый мир», № 1, январь 1961 – Никита Струве	204
Зов пророческий – прот. Алексей Князев	210
ПАМЯТИ УШЕДШИХ	
Памяти Сергея Морозова – Никита Струве	214
ОТЗЫВЫ О КНИГАХ	
Исцеляющий взгляд любви : Доминик Десанти.	
Неверующая о святой. Встречи с матерью Марией –	
Александр Медведев	216
Обозный К.П. «История Псковской Православной	
Миссии» – Ольга Раевская-Хьюз	227
«Ю.Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергий Булгаков.	
Диалог художника и богослова. Дневники.	
Записные книжки. Письма» – Никита Струве	231

SOMMAIRE

Lettre du métropolite Hilarion au rédacteur du «Messager de l'ACER» Nikita Struve	3
Réponse de N.Struve.....	3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

L'évolution de la pratique liturgique à la croisée des siècles – <i>p. Antoine Lakirev</i> (Moscou)	6
Communion et repentance – <i>p. Paul Adelheim</i> (Pskov).....	11
Le problème de l'homme au sein d'une culture sécularisée – <i>Olga Sédakova</i> (Moscou)	33
Lettres du père Georges Florovsky au père Serge Boulgakov....	41
Mais qui dites-vous que je suis? – <i>Olivier Clément</i>	53
Aspects de l'amour implicite de Dieu: l'amour du prochain – <i>Simone Weil</i> (trad. de Nikita Struve).....	65
<i>Pour le 1 125-èm anniversaire de la naissance de Georges Fédotov et pour le 60-èm anniversaire de sa mort (1886–1951)</i>	
De l'humanisme chrétien (exposé de G. Fédotov publié dans le Messager de l'ACER en 1931) – présenté par S. Bytchkov ..	76
Deus sive amor (un inédit de G.Fédotov de 1911) retrouvé et présenté par A. Antochenko	90

LES DESTINEES DE L' EGLISE

Le paradis soviétique vu par oncle Kolia – <i>Olga Martynenko</i> (Moscou)	96
La Crimée en 192I d'après la correspondance de A. Popov professur au lycée de Yalta – <i>A. Klimenko, T. Bogdanova</i> (St Pétersbourg)	106
Souvenirs inédits d'un prêtre missionnaire membre de la Mission de Pskov	126

ART ET LITTERATURE

Poèmes — <i>Svetlana Nosova</i> (Allemagne).....	146
Trois essais littéraires — <i>père Constantin Krautsov</i> (Moscou)	158
L'homme rêveur (Ivan Gontcharov) — <i>Hélène Soudarev</i> (Moscou) ..	171
Brice Parain et la Russie — <i>Tatiana Parain-Maillard</i> (Paris)	181
Lettres d'Alexis Remizov à Brice Parain	194
Deux lettres du p. Serge Boulgakov à Brice et Nathalie Parain ..	203
<i>Le «Vestnik» d'il y a 50 ans</i>	
La revue «Le Nouveau Monde» de janvier 1961 — <i>Nikita Struve</i> ..	204
Un appel prophétique (à la mémoire d'Antoine Kartachev) — <i>père Alexis Kniazeff</i>	210

IN MEMORIAM

Serge Morozov — <i>Nikita Struve</i>	214
--	-----

REVUE DES LIVRES

Compte rendu de la traduction russe du livre de Dominique Desanti «La sainte et l'incroyante. Rencontres avec mère Marie» — <i>A. Medvedev</i>	216
K. Obozny. Histoire de la Mission de Pskov — <i>O. Raeuskaïa-Hughes</i>	227
J. Reitlinger et le p.Serge Boulgakov (matériaux réunis et commentés par B.Popova) — <i>Nikita Struve</i>	231

Представители «Вестника»

США и КАНАДА

Alexander Lisenko
PO BOX 439 Manton,
CA, 96059, USA

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Olga Pattison,
5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 BD, UK

ЛАТВИЯ

Василий Минченко
121, Kr. Valdemara str., apt. 1
LV, 1013, Riga, Latvia
phone: (371) 29147350
e-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

ИТАЛИЯ

Dott. Vladimir Keidan,
via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

РОССИЯ

Санкт-Петербург
Александр и Светлана Буровы
197110, СПб., Большая Разночинная, д. 9, кв. 19
Тел. (812) 230 77 12, 927-347-66-88,
aburov05@rambler.ru

Екатеринбург
Иванова Оксана Витальевна
620034, г. Екатеринбург,
ул. Черепанова, д. 18, кв. 83
тел. (3432) 45-36-45

Воронеж
Корденко Сергей Николаевич
394000, г. Воронеж,
ул. Среднемаковская, д. 1, кв. 60
тел. (4732) 52-22-55
e-mail: mail@skord.vrn.ru

Чувашская Республика
Игумен Василий (Паскье)
429826, г. Алатырь, ул. Конгородок, д. 11
e-mail: ig-basile@cbx.ru

БЕЛОРУССИЯ
Дмитрий Строцев
220030, г. Минск, ул. Карла Маркса, 20-13

УКРАИНА
Киев
Вадим Залевский, изд. «Дух и литература»
04070, Киев, ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210
тел. (044) 416-60-20
e-mail: franc@ukma.kiev.ua

Николаев
Шполянский Илья Михайлович
54001, г. Николаев, ул. Набережная, д. 5, кв. 13
e-mail: laik@ukr.net

УЗБЕКИСТАН
Валерий Александрович Германов
700052, Ташкент-52, ул. Коры-Ниазова, д. 102-а
e-mail: valery-germanov@rambler.ru

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
Цена отдельного номера – 5 €

ВЕНГРИЯ
Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32

e-mail: lepahin@mail.ru
ЧЕХИЯ

Julia Jančáková
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
e-mail: julia-prague@volny.cz

ПОЛЫША

Dmitry Lukashevich
ul. Wespazjana Kochowskiego, 9
01-574 Warszawa
Polska/Poland

ФИНЛЯНДИЯ

Дьякон Андрей Платонов
Platonov Andrei
Laajatie 9B A3
Mikkeli 50500
Finland
andrei.platonov@netti.fi
тел. +358-44 272 1359

ВЕСТНИК
русского христианского
движения
№ 198

Подписано в печать ???.???.2011
Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Печ. л. 15,5.